В. В. КАПНИСТ

*Опыт
перевода и подражания
Горациевых од*

В. В. Капнист • *Опыт перевода и подражания Горациевых од*

В. В. Капнист.

Миниатюрный портрет работы В. Л. Боровиковского.
Масло, кость. Начало 1790-х гг.
Государственный Русский музей.
Санкт-Петербург.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

В. В. КАПНИСТ

Опыт перевода и подражания Горациевых од

Издание подготовил
А. О. Дёмин

Санкт-Петербург
«НАУКА»
2013

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)1
К20

Ответственный редактор
С. И. НИКОЛАЕВ

Книга подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) проект № 06-04-00152а

ISBN 978-5-02-025276-9

ОПЫТ ПЕРЕВОДА И ПОДРАЖАНИЯ ГОРАЦИЕВЫХ ОД

⟨ПОСВЯЩЕНИЕ⟩

Государю императору
Александру Первому[1]

Полсвета Август покорил,[2]
Полсвету отдал ты свободу,[3]
Лирическу он лесть любил,
Ты льстиву презираешь оду,
Сердечных алча лишь похвал.[4]
Горациевой лиры струны,
На коих бранные перуны
Он в честь Октава прославлял,
Я осмотрительно понизил
И лад с тем чувством сердца сблизил,
С которым Феба друг[5] желал
Смирить порыв страстей бурливых
Или среди бесед игривых

Хотя на миг развеселить
Забавной песнью парк строптивых,
Чтоб смертных жизни тонку нить
Они, заслушавшися, длили
И остры ножницы забыли.[6]
О! если б эхом песней сих
Возмог я из богинь троих,
Двух младших хоть слегка забавя
И неусыпно прясть заставя
Твоей драгой нам жизни нить,
Одну Атропу усыпить.

В. Капнист.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Русская словесность лишается весьма полезного способа к своему, наравне с прочими просвещенными европейскими народами, усовершенствованию по причине недостатка в хорошо переведенных древних образцовых писателях.*

Желая по возможности содействовать к пользе отечественных муз и быв преисполнен уваже-

* Заимствуя примеры от французских, немецких и английских пиитов, оставляем мы в пренебрежении источники, из которых сами они почерпали изящнейшие красоты свои.

ния к первому римскому лирику, принял я смелость перевесть, большею частию подражательно, несколько од его и поместил оные в последнем издании моих сочинений. Они удостоились лестного благосклонных читателей одобрения. Успех сей побудил меня к продолжению подвига моего: итак, переложа в стихи, вообще с прежними, более четвертой части од Горация,[1] изданные теперь совокупно, в угодность тем из моих читателей, которым первые сего рода опыты мои не неприятными показались, дабы преклонить их еще более к снисходительному суждению о сем труде моем, почитаю нужным сопроводить оный некоторыми объяснениями.

Всем упражняющимся в словесности довольно известно, что нет ничего труднее верного или даже подражательного стихами перевода творений какого-либо древнего превосходного пиита. Искусство живописи, хотя представляет более облегчительных средств, но мы часто видим, как нелегко и ему повторять красоты изящного подлинника, несмотря на то что имеет такой же холст, такие же кисти и краски и что к благоуспешному исполнению нужен только наблюдательный взгляд и навык в подражании разноцветным оттенкам. В какое затруднение приведен был бы самый лучший художник, если бы вместо полотна имел токмо хрящ или камку, вместо соболиной кисти — шелковую,[2] вместо бакана, индиго и гуммигута — кармин, лазорь и охру![3]

Мог ли бы он точно представить вид, движение и чувство подлинника, хотя, впрочем, язык живописи есть всеобщий и всем понятный язык?

Вот положение каждого переводчика. Но в какой бы еще большей неключимости очутился почитатель Рафаэла,[4] если бы при вышеизъясненном недостатке орудий захотел оживить красками какой-либо картины его эстамп?[5] Вот несчастное положение мое при переводе и подражании Горациевых од.

Не зная латинского языка, должен был я угадывать красоты знаменитого подлинника из чужеземных, большею частью весьма неверных переводов. С величайшим трудом, с неутомимой прилежностью руководствуясь наставлениями знающих латинский язык приятелей моих, принужден был я переводить почти слово в слово оды Горация и потом перелагать оные в стихи. Чувствую, сколь несовершен труд мой, но сообщаю оный читателям моим в той надежде, что если не предуспел и представить творений отличного сего певца со всеми красотами их, силою, легкостью и живостью, то, может быть, возбуждением о нем соболезнования подвигну искуснейших пиитов к желанию удачнее познакомить любителей словесности нашей с любимым Августа и Мецената лириком. Я имею здесь в виду не токмо духом Горация обильно одаренных певцов Водопада и Волги,[6] отдых от тягости государственного служения беседе с Аполлоном посвятивших, но так-

же и могущих внимать тибурскому Алкею[7] на природном языке его Мерзляковых, Жуковских[8] и других любимцев муз, столь блистательно пиитическое наше поприще протекающих.

Не для наставления опытных писателей в искусстве стихотворных преложений, но некоторым образом для собственного оправдания моего признаю необходимым представить правила, которых придерживался я в переводе Горация. Из многих, впрочем весьма искусных, наставников избрал я моим знаменитого г-на Делиля,[9] неподражаемого переводчика и состязателя Вергилиева, столь превосходно благорассудительные наставления свои собственным примером оправдавшего. В предисловии переведенных им «Георгиков» говорит он:

«Теперь остается мне объяснить правила перевода, которым последовал я, и вольности, которые позволял себе. Всегда замечал я, что чрезмерная в переводах верность бывает самою большою неверностью. По-латыни слово иное благородно, соответствующее оному французское — низко; если поработить себя излишней точности, то благородство слога заменится низкостью.

Иное латинское выражение сильно и кратко; для перевода оного нужно будет много слов, — при наблюдении точности слог сделается растянутым.

Иное выражение на латинском языке смело, на французском резко; итак, что было смело, становится жестко.

Слияние нескольких слов стройногласно в подлиннике; непосредственно соответствующие оным в переводе могут быть не столько приятны слуху; тогда грубыми звуками заменяется стройногласие.

В латинском подлиннике изображение было ново, на французском языке оно издавна употребительное; в таком случае вместо нового изображения представляется застарелое.

Землеописательная подробность, отношение ко нравам могли быть в вашем подлиннике приятны народу, для которого писал сочинитель, а не вашим читателям; и так вы покажетесь странными там, где подлинник был трогателен.

Какие же средства избирает искусный переводчик? Он исследывает свойства обоих языков; когда они сближаются, он наблюдает точность, когда разнятся — наполняет промежуток заменою, в которой сохраняет право языка своего удалиться сколько можно менее от духа сочинителя. Каждый писатель имеет, так сказать, собственную поступь и осанку: он более или менее пылок, быстр, замысловат, и для того слог Вергилия, всегда естественный, сжатый и простой, не должен затемняться блистательным, плодовитым и развлеченным слогом Овидия.[10]

После сего должно рассмотреть род сочинения: нельзя переводить поучительную поэму как повествовательную, — „Георгики", например, как „Энеиду".

Каждая часть сочинения имеет также особое свойство, зависящее от коренных мыслей и течения слога. Мысли бывают просты или блистательны, веселы или мрачны, забавны или величественны: переводчик не только не должен смешивать сих разных видов и красок, но по возможности обязан схватывать главнейшие их оттенки.

Течение слога зависит наипаче от длины или краткости членов речи. Переводчик не должен потоплять в протяжных периодах отрывистых и живостремящихся мыслей; равновмерно не раздробит он полных и величественно текущих периодов. Более всего обязан он подражать стройногласию в стихотворном переводе; а особливо в переводе Вергилия, можно, кажется, иногда скорее пожертвовать силою и точностию, нежели стройногласием. Стихотворство оного подобно музыкальному орудию; не довольно того, чтобы верны были звуки оного, потребно еще, чтоб они были сладкогласны. Когда Вергилий сказал: „Felix qui potuit rerum cognoscere causas, atque metus omnes et inexorabile fatum subiectit pedibus",*[11] то потребно не только выразить силу мысли сей, но заставить нас почувствовать величество стройногласия.

Еще с бóльшим рачением должно стараться выражать подражательную созвучность. При-

* «Блажен, кто мог познать все вещества причины, страхи все кто и гнев судьбы неумолимой попрал пятой...». См.: «Георгики», кн. II, стихи 89—91.

знаюсь, что это меня в переводе более всего затрудняло. Язык наш для сего слишком беден. ⟨...⟩ К изображению каждой такого рода красоты делал я невозможные усилия; но как нельзя было преуспеть везде, то в замену того старался я, сколько мог, сообщить подражательную созвучность многим стихам, в которых Вергилий не поместил оной. Ибо должно иногда превзойти свой подлинник именно для того, что мы слишком слабее оного. Наконец, переводчик должен наблюдать точность в сохранении каждому члену речи места, которое занимает он, всякий раз, когда существенно постепенный ход мыслей того требует. Он прилежно стараться будет о верном выражении каждой черты; редко скажет двумя стихами то, что сочинитель изобразил одним. Чем более черта растягивается, тем слабее становится. Так острая жидкость, разведенная водой, увеличиваясь количеством, уменьшается в силе.

Всего более в таком поучительном творении, каково „Георгики", краткость необходима. Правило, кратко изображенное, легче впечатлевается в памяти, чем заглушенное кучею слов, его обременяющих. В сем-то, конечно, намерении Боало наполнил свое „Искусство стихотворства" краткими стихами, к затвержению способными.[12]

Я старался по возможности быть так же кратким, как мой подлинник. На две тысячи с лишком стихов в переводе моем не прибавилось более двухсот двадцати. И в этом не гнался я за

пустою славою сравниться числом стихов с Вергилием, но искал средства представить ту стремительность подлинника, которая составляет главнейшие красоты его.

Самая важнейшая обязанность переводчика, все оные в себе заключающая, состоит в том, чтобы дать почувствовать в каждой части сочинения действие, сочинителем произведенное. Он должен по возможности стараться представить буде не те самые красоты, — по крайней мере, толикое же число оных.

Кто берется за перевод, тот принимает на себя долги, которые уплатить обязан хотя не тою самою монетою, но такою же суммою. Ежели не может он изобразить картины, пусть заменит мыслию; если не в состоянии выразить слуху, пусть выразит уму; буде не так разителен, пусть пленит стройногласием; ежели не столь краток, пусть богатством отличается; когда видит, что ослабил подлинник в одном месте, пусть усилит его в другом, пусть возвратит ему впоследствии то, чего прежде лишил, и тем самым установит везде точную замену, удаляясь всегда, или возможно менее, от свойства сочинения каждой части оного. Посему-то несправедливо сличить каждый стих подлинника с соответственным стихом перевода, но по целости и общему действию каждой части должно судить о его достоинстве.

Для такого перевода нужно, как часто говорено было, не токмо наполниться духом сочине-

ния, забыть свои нравы, присвоив сродные ему, оставить свою землю, чтоб переселиться в его отечество, но даже стараться искать красоты его в прямом их источнике — природе. Чтобы лучше подражать способам, какими изображал он предметы, должно стараться видеть оные; и таковой перевод есть почти сочинение».*

Ко всем сим, без сумнения весьма основательным, наставлениям г-на Делиля осмеливаюсь присовокупить несколько замечаний, почерпнутых мною из достоподражательного его примера. Мне показалось, что при переводе описаний или картин для оживления, усиления или объяснения оных можно позволить себе некоторое распространение, к чему, признательно сказать, иногда необходимость рифмы принуждает. Я приметил, что таковая благоразмеренная растяжка отнюдь не уродует красоты подлинника. Представляю пример из бессмертного Ломоносова.[13]

В книге Иова читаем:

«...рече Господь Иову сквозь бурю и облаки ⟨...⟩ „Препояши, яко муж, чресла твоя: вопрошу же тя, ты же Ми отвещай. Где был еси, егда основах землю, возвести Ми, аще веси разум. Кто положи меры ея, аще веси; или кто наведый вервь на ню? На чем же столпы ея утверждены суть? Кто же есть подложивый камень краеугольный на

* См.: Les Géorgiques, édition LXX⟨X⟩IV in 12. Discours préliminaire. P. 57—64.[14]

ней? Егда сотворены быша звезды, восхвалиша Мя гласом велиим вси ангелы Мои. Заградих же море враты, егда изливашеся из чрева матере своея исходящее; положих ему облак во одеяние, мглою же пових е; и положил ему пределы, обложив затворы и врата". Рек же ему: до сего дойдеши и не прейдеши, но в тебе сокрушатся волны твоя. Или при тебе составих свет утренний; денница же весть чин; ятися крыл земли, отрясти нечестивыя от нея...» См.: глава 38.

Высоким духом стихотворства воспламененный переводчик, распространяя картины сии, говорит:

О ты, что в горести напрасно
На Бога ропщешь, человек!
Внимай, как в ревности ужасно
Он к Иову из тучи рек!
Сквозь дождь, сквозь вихрь,
сквозь гром блистая
И гласом громы прерывая,
Словами небо колебал
И так его на распрю звал:

Сбери свои все силы ныне,
Мужайся, стой и дай ответ.
Где был ты, как Я в стройном чине
Прекрасный сей устроил свет,
Когда Я твердь земли поставил
И сонм небесных сил прославил
Величество и власть Мою?
Яви премудрость ты свою!

Где был ты, как передо Мною
Бесчисленны тьмы новых звезд,
Моей возжженных вдруг рукою,
В обширности безмерных мест
Мое величество вещали,
Когда от солнца воссияли
Повсюду новые лучи,
Когда взошла луна в ночи?

Кто море удержал брегами
И бездне положил предел,
И ей свирепыми волнами
Стремиться дале не велел?
Покрытую пучину мглою
Не Я ли сильною рукою
Открыл и разогнал туман
И с суши сдвигнул океан?

Возмог ли ты хотя однажды
Велеть ранее утру быть,
И нивы в день томящей жажды
Дождем прохладным напоить,
Пловцу свободный ветр направить,
Чтоб к пристани его доставить,
И тяготу земли тряхнуть,
Дабы безбожных с ней сопхнуть?*

Таким витийственным распространением бессмертный переводчик не только не ослабил картин подлинника, но усилил, живее образовал оные и не заставил жалеть о несоблюденном краткоречии.

* См.: Сочинения Ломоносова. Т. 1. С. 33.

Подражая, соответственно слабым способностям моим, превосходному примеру сему, осмелился я в некоторых местах перевода моего од Горациевых употребить свободу распространения; он говорит: «Если строгая необходимость вонзит в темя алмазный гвоздь, не избегнешь ни от смятения души, ни главы не уклонишь от петли смертной» (см.: кн. III, ода XXIV).

Я распространил последнюю картину следующим образом:

Коль рок необходимый, строгий
Уставит гвоздь алмазный в грудь,
Душевной не уймешь тревоги
И не возможешь ускользнуть
От крепкой пéтли, что сурова,
Ничем не умолима смерть
В летящий миг уже готова
Над головой твоей простерть.

(см.: ода «Против корыстолюбия»,
1-я строфа)

Не желая скрывать посяганий моих и своевольств, решаюсь представить на суд просвещенных читателей еще несколько примеров распространений моих за грань, подлинником определенную: в конце XXIX оды III книги Гораций сказал только: «Тогда меня, управляющего двувесельным челном, Авр и с близнецом Поллукс сохранно перенесут чрез волнующийся Эгей». Вот мой распространенный перевод:

2 Зak. 3682

Тогда, коль ветерок прислужен
За скромным вслед дохнет пловцом,
Покров лишь Поллукса мне нужен
С его любезным близнецом;
Тогда меня два брата звездны
И легкий двувесельный челн
Сохранно пренесут чрез бездны
Бунтующих эгейских волн.

(см.: ода «Скромная беспечность»,
строфа последняя)

В других местах дерзнул я даже прибавить собственные картины. Вместо: «Фортуна срывает здесь с шумом острую вершину и, где угодно, там ее кладет» (см.: кн. I, ода XXIV) — я сказал:

Фортуна колесом вращает,
Ей свыше подчинен весь свет,
Тут с треском острый верх срывает,
Где хочет, там его кладет.

(см.: ода «Судьба», строфа последняя)

Наконец, краткое описание: «Те места и счастливые холмы тебя и меня приглашают: там теплеющийся пепел друга-певца оросишь ты должною слезою» (см.: кн. II, ода VI) — расплодил я подробностями:

Вот там-то, в рощице тенистой,
Зовущей нас под кров густой,
Близ тока, из скалы кремнистой
Хрустальной льющегось струей,

Мы сядем отдохнуть с тобою
И дружны съединим сердца;
Там теплой оросишь слезою
Прах милого тебе певца.

(см.: ода «Другу сердца»,
строфа последняя)

Может быть, подумают иные, что таковые распространения одобряются мною единственно для того, что в стихотворном переводе моем некоторые оды Горация растянул я сам весьма неумеренно. Сие заключение было бы не совсем справедливо: кратковыразительность латинского языка в отношении к русскому всем довольно известна; и на французском даже языке, более с ним сходственном, перевод «Георгиков» знаменитого Делиля весьма пространнее подлинника.

О излишней растянутости переводов моих, кажется, судить должно не по сравнению оных с числом слогов с латинскими стихами, но с прозаическим русским точным переводом.* Причем надлежит принять во уважение лежавшую на мне обязанность не краткостию токмо, но красотою

* К облегчению по сей статье заключения судей моих обязанностию почитаю сказать, что в 16-ти переведенных мною стихами Горациевых одах в прозаическом, по возможности сокращенном, переводе находится вообще не менее 5940, а в стихотворном 6190 слогов. Если можно желать, чтоб в оном вернее выражены были красоты подлинника, то по крайней мере нельзя, кажется, требовать большего сокращения в слоге.

свободного в течении слога сообщить переводу в стихах приятность, изящным Горация творениям приличную.

Итак, желая искренно, чтобы в стихотворном переводе умеренная и приличная растяжка описаний или картин не была признана большою погрешностию, приступаю к продолжению замечаний моих.

Почтенный г-н Делиль сказал, что распространение подлинника неприлично при выражении мыслей, какое-либо поучение заключающих. Уроки сами по себе сухие должны быть сокращаемы. Я весьма старался наблюдать правило сие и некоторые примеры отдаю на суд читателей.

Гораций говорит:

«Завтра, хотя отец богов застелет свод неба мрачным облаком, хотя чистым солнцем озарит, но прошедшего несбывшимся не учинит, не разделает и не уничтожит того, что унес уже летящий час» (см.: кн. III, ода XXIX).

Я осмелился сократить последнюю мысль:

Пусть завтра Дий иль тьмой обложит,
Иль солнцем небо озарит,
Собывшегось не уничтожит,
Прошедшего не возвратит.

(см.: ода «Скромная беспечность»,
строфа 8)

Но признаюсь откровенно, что в некоторых случаях уклонялся я от сего благоразумного пра-

вила. Принося повинную, укажу и на место преступления. В XVI оде книги III Гораций сказал только: «Чем больше кто себе отказывает, тем больше от богов приемлет» (см.: кн. III, ода XVI).

А я расплодил истину сию прибавочным нравоучением:

Чем больше мы себе откажем,
Тем больше боги нам дадут,
Но строгим быть даров их стражем
Безумцу лишь приличен труд.

(см.: ода «Способ к довольству»,
строфа 8)

К наставлению: «Что завтра случится, не беспокойся узнавать, и каждый день, судьбой дарованный, причисляй к прибытку» (см.: кн. I, ода IX) — присовокупил я собственную мысль:

Что завтра встретится с тобою,
Не беспокойся узнавать;
Минутной пользуйся чертою
И день, отсроченный судьбою,
Учись подарком почитать.

(см.: ода «Другу моему»,
4-я строфа)

Не оправдывая отнюдь погрешностей моих, осмеливаюсь сказать, что распространение умствования тогда только извинительно, когда переводчик приятностию или красотою мысли может заставить читателя не приметить растяжки

поучений. Сими словами произнес я над самим собою весьма строгий приговор.

Что касается до подражаний, то я старался мысли и картины Горация, всем временам и народам свойственные, сохранить в точности; те же, которые относились особенно к римским или греческим эпохам, басням, обычаям и прочая, заменял я приличными нашему времени соотношениями. Например, вместо следующего окончания оды о суетности жизни: «Когда умрешь, Торкват, и Миной произнесет над тобой торжественный приговор, ни знатная порода, ни витийство, ни благочестие тебя не возвратят: ибо из подземного мрака ни Дияна не освобождает целомудренного Ипполита, ни Тезей не может расторгнуть летийских оков им любимого Пиритоя» (см.: кн. IV, ода VII) — мне показалось приличным, сообразуясь с нынешними нашими по сему предмету понятиями, сказать:

Когда умрешь и поневоле
Тебя к кладбищу отнесут,
Ни знатный род, ни честь оттоле,
Ни ум тебя не изведут.

Никто не выходил из гроба,
Хоть всяк в него отсель идет.
Бездонна, знать, земли утроба:
Повсюду вход, — исхода нет.

(см.: ода «Суетность жизни»,
строфы 7 и 8)

Равномерно прекрасное описание идолопоклоннических обетов, в сем воззвании Горация к Июлию Антонию содержащееесь: «Тебя разрешат от обета десять волов и толикое же число телиц; а меня — нежный отдоенный теленок, в высокой пажити возрастающий; вогнутое чело его подобится светлости, тридневную луну означающей; вдоль оного видно белое, как снег, пятно; весь он рыж» (см.: кн. IV, ода II), — заменил я следующими, к нашим обычаям и обрядам в подобных случаях относящимися картинами:

С тобой мы вместе радость нашу
Явим усердным торжеством:
Бесценных ты мастиков чашу
Возжжешь пред мирным божеством;
Чертог твой, яркими лучами
Украшен, ночью возблестит,
И радостными голосами
В нем гимн Астрее возгремит.

А я, помост усыпав храма
Взращенными цветами мной,
Возжгу в нем горстку фимиама
С белейшею лилей свечой
Из воска, что с полянки смежной
Трудолюбивая пчела
За мой о ней надзор прилежный
С избытком в дар мне принесла.

(см.: ода «Ломоносов»,
последние строфы)

Таким и подобными сим заменениями перенося Горация в наш век и круг, старался я заставить его изъясняться так, как предполагал, что мог бы он изъясняться, будучи современником и соотечественником нашим.

Чувствую, сколь неудачно исполнено дерзкое предприятие сие, но я уверен, что искуснейший меня и обильнее духом Горация напитавшийся пиит, придерживаясь правила моего, заставил бы нас живее чувствовать красоты сего несравненного певца, скорее познакомил бы нас с его мыслями, чувствами, добродушием и веселою беззаботливостию, усыпавшею цветами скромный путь жизни его, и, наконец, вернее способствовал бы к порождению между нами наследника сему любезному песнопевцу, а потому осмеливаюсь заключить, что такого рода пиитические подражания были бы полезнее для соотечественной словесности даже самых верных и лучших стихотворных переводов.

Остается мне сказать несколько слов о образе составления книги сей: подлинник поместил я при переводах и подражаниях моих для того, чтобы искусные в латинском языке имели легкий, для авторского самолюбия моего, конечно, невыгодный, но о беспристрастии моем к собственности явно свидетельствующий способ сравнения. Переводы же в прозе, по возможности точные, с примечаниями, большею частию у г-на Дасье заимствованными,[15] присовокупил я для облегче-

ния соображений тех из моих читателей, которые лишены преимущественного удовольствия разуметь подлинник и кои как с греческою и римскою митологиею, так и с историею их не совершенно познакомлены.

О прозаическом переводе моем предварительно сознаю, что знатокам латинского языка и даже несведущим в оном покажется он неудовлетворительным и красоты подлинника не в точном, а иногда в уродливом виде представляющим. Приняв за правило переводить мысли и выражения Горациевы почти слово в слово, не мог я наблюдать везде приличной красотам их чистоты слога и заменять точность соответственными оной витийственными оборотами. Но смею чистосердечно удостоверить, что я не имел коварного умысла представить в прозе моей Горация безобразным для того, чтоб показался он приятнейшим в стихах моих; и долгом поставляю заблаговременно предостеречь беспристрастных читателей, что в прозаических чертах должны видеть они токмо холодный силуэт сего прекрасного пиита. За неимением на нашем языке хорошего перевода покорно прошу их сличить мой с прекрасными переводами г-на Батте на французском, а г-на Мендельсона на немецком языке.[16] Тогда только будут они в состоянии судить с некоторою основательностию, где в стихах моих имел я счастие представить Горация не в безобразном виде и где, как в оных, так наипаче в про-

зе, снимал с него лишь неудачный и уродливый отлепок.

В заключение скажу, что, желая искренно, по свойственному всем сочинителям чувству, чтобы представляемый мною русский Гораций был благосклонно принят читателями, почту себя весьма счастливым, если, как я объяснил в начале, даст он повод или искуснейшим пиитам нашим, или вступающим в их поприще питомцам муз исполнить удачнее меня предпринятый мною подвиг.

Могу притом удостоверить откровенно, что это будет самая лестная награда за труд мой, не весьма много, впрочем, приятности мне обещающий, ибо мало сыщет он в читателях снисходительных одобрителей попытке моей пересадить на отечественную пошву тибурский лавр, но подвергнется неминуемо строжайшему латино-русских любословов истязанию, а что истинно для меня опаснее того, принужден будет пред просвещенными знатоками выдерживать убивственное сравнение с превосходным произведением бессмертного пиита, прославившего лирою своею знаменитый Августа век.

ОПЫТ СТИХОТВОРНОГО ПЕРЕВОДА И ПОДРАЖАНИЯ ГОРАЦИЕВЫХ ОД

НИЧТОЖЕСТВО БОГАТСТВ

Кн. III, ода I

Непросвещенну чернь с презреньем изгоняю.
А вы безмолвствуйте: парнасских жрец богинь,
Для юношей и дев стихи я воспеваю,
Еще неслыханны донынь.

Цари — подвластным страх; царей — Зевес властитель,
Титеи дерзостных низвергший в прах детей,
Колеблющий весь мир и звездную обитель
Единым манием бровей.

Пусть тот садов себя пространством величает,
Сей знатен, в Марсов круг за почестьми течет,
Того пусть слух доброт повсюду прославляет,
Сего — толпящийся причет, —

Равняет всех их смерть; вельможа напыщенный
Иль нищий — всем ее быть жертвой суждено:
И в урне роковой все имена вмещенны
Судьбой мешаются равно.

Злодей, зря меч нагий, над головой висящий,
Не может яств вкушать сицильских и вина;
Ни пенье птиц, ни лир приятно глас
звенящий
Ему не возвращают сна.

В убогой хижине, приосененной миром,
Не презирает сон приютна уголка
И на брегу реки колеблема Зефиром
Покрова темного леска.

Умеренного кто довольства лишь желает,
Того ни бурное морских волненье вод,
Ни запад лютого Арктура не смущает,
Ни звездного Козла восход,

Ни град, цвет гроздия иль плод его разящий,
Ни жатва, льстившая надеждою златой,
Ни сад, то дождь ливный, то лютость
зим винящий,
То землю иссушивший зной.

Уж рыбы зрят моря, оплотами стесненны:
Богач пред богачом там с челядью своей
И с зодчими в волнах спешат возвысить
стены,
Наскуча твердою землей.

Но страх, но скорбь за сим вельможей вслед
стремится,
Забота тощая с нахмуренным челом
В трирему, медью вкруг обиту, с ним садится
И задь седла его верхом.

Почто ж, коль мраморы драгие синадийски,
Ни благовоннейший персидский аромат,
Ни багряницы блеск, ни вина кампанийски
Печалей гнета не легчат?

Почто желать, столпы воздвигнув приворотны,
Чтоб новый вкус мой дом на зависть всем одел
И на сокровища променивать заботны
Сабинский малый мой удел?

⟨*1814*⟩

НА РАЗВРАТ НРАВОВ

Кн. III, ода VI

Квирит! за предков злодеянья,
Безвинный, ощутишь ты месть,
Пока священны храмы, зданья
Из пепела коснишь вознесть,[1]

Пока кумиров обожженных
И пылью, дымом очерненных
Не восстановишь в прежню честь.

Бессмертных власть верховну чтущий,
Воздел всемирный ты венец:
Начало счастья им, грядущий
Лишь им приписывай конец.
Гесперии всех бед, злосчастий
Причиной — буйство вышней власти
Не покорившихся сердец.

Пророчески жрецов прещенья
Отвергшу, нашу рать в боях
Двукрат толпами ополченья
Менез, Пакор разбили в прах;
Двукрат добычею беструдной
Украся ожерелье скудно,
Смеется нам наш гордый враг.

Едва не пал сей град строптивый,
Междоусобный строя ков,
Когда и Дак браннолюбивый,
И с нильских эфиоп брегов
Восстали против нас войною,
Сей страшен силою морскою,
Тот — лучших множеством стрелков.

Пороком век наш плодовитый
Вначале браки осквернил,
Домы́ и роды знамениты,
В разврате сем источник был,
Который вскоре, как волнами,
Народ, отечество бедами
И злодеяньем наводнил.

К замужеству девицы близки
Охотятся перенимать
Похабны пляски ионийски
И, не стыдяся посвящать
Себя толь гнусному искусству,
К прелюбодейному распутству
Спешат уж с детства навыкать.

Жена, из-под венца лишь, ищет
Уже молодших волокит,
Пока муж пьет, в потемки рыщет
И там поспешно, сброся стыд,
Непозволе́нну, без зазора
И без дальнейшего разбора,
Утеху встречному дарит.

Иная, с ведома супруга,
Не закрасневшися, встает
Из пиршественна даже круга,

Когда или купец зовет,
Иль корабельный гость гесперский,
Что за ее распутства дерзки
Сокровища, как сор, дает.

Не от таких отцов военный
Род юношей проистекал,
Который кровью Карфагены
Моря пространны обагрял,
Кем Пирр, во бранях знаменитый,
Великий Антиох разбиты
И ужас Рима — Ганнибал.

Мужéственно то было племя
Трудолюбивых поселян,
Считавших не за тяжко бремя
Пахать сохою сабелян,
Носить дрова к избе убогой
В час льготы от работ, коль строгой
Их матерью приказ был дан,

В час даже, как небес светило,
Простерши с гор отрадну тень,
Волов усталых отрешило
От гнувшего ярма весь день
И, чтоб трудам дать отдых малый,

Поспешно колесницу гнало
За крайний запада ступень.

Чего не изменяют едки
Лета в тлетворном бегстве их?
Сынов развратных наши предки
Родили, — мы отцов своих
Уже в разврате превосходим,
А в сыновьях — потомство рóдим
Развратнее и нас самих.
⟨1814⟩

ЮНЫМ ВОИНАМ

Кн. III, ода II[1]

ПРОТИВ КОРЫСТОЛЮБИЯ

Кн. III, ода XXIV

Хотя б с ливийскими индейски
Богатства цельны ты скопил,
Моря Тирренски, Апулейски
Для зданий щебнем нагрузил,
Коль рок необходимый, строгий
Уставит гвоздь алмазный в грудь,
Душевной не уймешь тревоги

3 Зак. 3682

И не возможешь ускользнуть
От крепкой пе́тли, что сурова,
Ничем не умолима смерть
В летящий миг уже готова
Над головой твоей простерть.

Блаженней геты и степные
За Понтом[1] скифы жизнь ведут,
Что на колесах подвижные
Их домы за собой везут;
Земля без граней им свободно
Приносит жатвы и плоды,
И ратаи[2] там лишь погодно
Проводят тучные бразды;
Один, скончав свою работу,
Другому труд передает,
Взаимну доставляет льготу[3]
Соседу своему сосед.

Там может средь семейна круга
Детей своих любяща мать,
Быв целомудренна супруга,
Безвинно пасынков ласкать.
Там муж не раб жене богатой,
Она не знает волокит,
Наследны доблести — не злато
Всяк драгоценным веном[4] чтит.

Там в браке верность неизменну
Хранит врожденный страх стыда:
Забывших клятву их священну
Преступниц нет иль смерть — их мзда.

О! кто положит с злодеяньем
Междоусобию конец?
Коль хочет статуй с надписаньем:
«Прямый отечества отец»,
Пусть буйство обуздать решится
И своевольство пресечет:
Потомством он благословится!
От нас, увы! пусть мзды не ждет:
Завистны души, унижаем
Живущу доблесть мы средь нас,
Но ищем, воскресить желаем,
Лишь только улетит из глаз.

К чему и жалобы и стоны,
Злодейство казни коль не зрит?
К чему бессильные законы,
Коль нравственность не подкрепит?
Когда ж ни зноем опаленна,
Ни дальна Севера страна,
Что вечным снегом отягченна,
Борею в область отдана,

От алчности не отучает
Корыстолюбного купца,
Коль грозны волны побеждает
Отважна опытность пловца,

Коль бедности порок постыдный
Велит все делать, все сносить
И крутизною незавидный
Путь добродетели забыть, —
Пойдем и в Капитол священный,
Куда, усердием горя,
Зовет народ нас восхищенный...
Иль бросим в ближние моря
Драгие камни бесполезны,
Громады золотых монет, —
Да поглотят несыты бездны
Источник всех злодейств и бед!

Коль истинное сокрушенье
О злобе нашей ощутим,
Корыстолюбья истребленье
Началом будет нам благим
И юношей, лишенных силы,
Навычка строгая к трудам.
Вельможич, ныне всадник хилый
И ловчий трус, — по целым дням
Готов искусною рукою

Или ахейский трох катать,
Иль запрещенною игрою
Свой жребий случаю вверять.

Меж тем родитель вероломный
Спешит, забыв и стыд и честь,
Поверившего в клад огромный
Товарища в торгу обчесть;
Гостеприимство, дружбу, братство
Готов он дешево продать,
Чтоб недостойному богатство
Сему наследнику собрать.
Что ж в том? — Неправое, конечно,
Стяжанье скоро возрастет,
Но все к нему чего-то вечно
В глазах скупца недостает.

⟨1814⟩

НА РОСКОШНЫЕ ОБИТАЛИЩА

Кн. II, ода XV

Уж пышны зданья властелина
Землей ограбят скоро плуг;
Обширней тиниста Лукрина
Пруды изрыты видим вкруг.
Где вяз был — клен стал одинокий;

Кусты и цветники беспроки,
Что обонянье лишь манят,
Уж скоро вытеснят оливы,
Владельцев прежних верный клад;
И в сводах лавры горделивы
Их листьем солнце отразят.

Не так гласит скрижаль закона,
Что Ромул нам преподает,
Устав небритого Катона
И древних праотцев завет:
При них гражда́не скудно жили,
Все злато в общий клад копили.
Стыдяся земляных домов,
Никто на север для прохлады
С навесом не взводил столбов:
Богатством украшали грады
И мрамором — лишь храм богов.
⟨1814⟩

ПОХВАЛА СЕЛЬСКОЙ ЖИЗНИ

Эпод II

«Блажен, градским не сжатый кругом,
Кто так, как древни предки мзды,
Заботы чужд и чужд вражды,

Своим в полях наследных плугом
Взвергает тучные бразды.

Кого в смятенье не приводит
Ни резкий в бой зовущий рог,
Ни грозный вид морских тревог;
Кто дверь судилища обходит
И гордый знатности порог.

То юны лозы виноградны
Он к тонким тополям крепит,
То острой пилкой коротит
Дички и, чуждых соков жадны,
К ним ветви нежные щепит;

То вдаль бродящих средь долины
Мычанье слышит тучных стад,
То сот, что пчелы вновь дарят,
Сбирает в чистые кувшины,
То мягку шерсть стрижет ягнят.

А если овощми покрыту
Главу уж осень вознесет,
С какой приятностью он рвет
Иль грушу, им самим привиту,
Или багряный гроздный плод![1]

Тебе, садов его хранитель,
Надежный их от татей[2] щит,
Прияп, сын Вакха знаменит,
Тебе, Сильван, границ блюститель,
Он их признательно дарит.

Под дуб ли ляжет древний, мшистый
Или к густой траве прильнет,
В леску над ним хор птиц поет;
Журча, ручей катится чистый
И легкий сон к нему зовет.

Когда ж длань Дия-громомета
Льет дождь иль снег зимой валит,
Со псами в дебри он спешит
И вепря лютого в тенета,
Вдали расставленны, стремит;

Иль сети тонкие готовит
Прожорных накрывать дроздов,
Иль в си́лки робких русаков
И журавлей прелетных ловит,
Награду милых толь трудов.

Ах! кто б в трудах толь безмятежных
Отрав любви забыть не мог?

Но, если, счастия в залог,
Детей лелеющую нежных
Пошлет ему супругу бог,

Супругу верную, делящу
Домашние заботы с ним,
Как скромную сабинку зрим
Иль апулейку работящу,
Осмугленну лучом златым!

К возврату мужа, утомленна
Надзором полевых работ,
Когда она вязанкой дров
Возжжет средь очага священна
Огонь, отнятый у богов;

Коль стада, утучненна паствой,
Запертого в загон, одна
Доеньем не утруждена,
С некупленной поставит яствой
Бутылку нового вина, —

Тогда ни устрицы лукрински,
Ни лещ, ни редкий рыбы род,
Что в час бурливых непогод
Зимою ветер ионийский
Приносит нам стремленьем вод;

Ни рябчик, ни фазан хваленый
Мне вкусны б не казались так,
Как в наших зреющий садах
Оливный плод, щавель зеленый
И тучным нужный проскурняк;

Или сосущий мать ягненок,
Пред вешним празднеством рожден,
На жертву Терму посвящен;
Иль мягкий, жирненький козленок,
Из волчьей пасти исхищен.

Вкушая толь приятны яствы,
Когда уж тмится небосклон,
Как мило зреть со всех сторон
При возвращеньи с тучной паствы
Стада, теснящиесь в загон;

Здесь обращенный плуг влачащих
Стопою медленной волов
И родовых толпу рабов,
Владельца первый клад, стоящих
Вкруг светлой храмины богов!» —

Так Алфий-ростовщик — отныне
Уж сельский житель — говорит;

И отданну казну в кредит
Собравши месяца в средине,
С недели в рост отдать спешит.

⟨1810-е гг.⟩

ПРОТИВ ЗЛАТОЛЮБИЯ

Кн. II, ода II

Державин! враг сокрытых кладов
И руд драгих в земле скупой!
Сребро не привлекает взглядов
Своим ни цветом, ни красой;
Встречает лишь одно презренье
И не завидно никому,
Умеренно употребленье
Коль блеска придает ему.

Живут и вечно будут живы
Пожарский, Минин,[1] честь граждан,
Которых рвеньем враг кичливый
Из царства русского изгнан.
Они к спасению державы
И жизнь и злато в дар несли:
Их имена на крыльях славы
Промчатся до концов земли.

Кто алчность обуздать умеет
Несытых прихотей своих,
Тот более богатств имеет,
Чем царь индийских недр златых;
Чем новый хищностью водимый
Атилла,[2] если б покорил
И Волгой берега поимы,
И быстрый Таг,[3] и тучный Нил.

Недугом водяным кто страждет,
В лечении не строг к себе,
Чем больше пьет, тем больше жаждет,
В противной с Танталом судьбе;
С дня на день в нем дебелость вредна
С болезнью тяжкою растет,
Пока из тела мертво-бледна
Он злых острот не изженет.[4]

Пускай, кто славу счастьем числит,
Как галлов вождь, похитит трон;[5]
Различно мудрый с черныю мыслит:
Счастливца в нем не видит он;
И, мненье, чтимое народом,
Исправя, лавр тому дает,
На кучи злата мимоходом
И оком кто не поведет.

⟨1811—1814⟩

БОГАТОМУ СОСЕДУ

Кн. II, ода XVIII

Парчи[1] и резьбы позлащенны
Не красят дома моего;
Столбы, в Карраре[2] иссеченны,
Преддверий не хранят его.
Алмазами в нем чаш блестящих
Не притекает зреть народ;
И до зари толпа просящих
Меня в сенях моих не ждет.

Но честность, лиры дар небесный,
В удел сей жизни рок мне дал.
Не знатен — знатным я известный,
И нищ — богатым нужен стал.
От неба больше не желаю,
Рожден не алчным, не скупым,
Друзьям могущим не скучаю:
Доволен малым я своим.

Теснятся в вечность дни за днями,
Как в море за волной волна;
То светит полными лучами,
То умаляет круг луна;
А ты, как бледна тень слоняясь,

Гранит распиливать велишь;
Гробницею не занимаясь,
Палаты к небу громоздишь.

Владея целым брегом моря,
Расширить поле чтоб свое,
С несытою пучиной споря,
Теснишь плотинами ее.
Столбы сдвигая порубежны,
Соседов гонишь ты твоих;
И каждый день, чрез нивы смежны
Шагнув, захватываешь их.

Изгнанный старец, муж с женою,
Бежа из родины своей,
Уносят бедность за спиною,
А у груди — нагих детей.
Богач! на что ты грабишь нища?
И подле груды золотой
Тебе вернее нет жилища,
Как под могилою сырой.

Земля всем смертным без разбора
Готова лоно растворить,
И ненасытной смерти взора
Не можно златом обольстить.

Богатых и счастливцев племя
Сечет она, как летний цвет,
И снять придет с несчастных бремя,
Хоть ими призвана, хоть нет.

⟨1806⟩

СКРОМНАЯ БЕСПЕЧНОСТЬ

Кн. III, ода XXIX

Царей потомок тирренийских,
О Меценат! тебя давно
В дому моем в посудах хийских
Заповеднóе ждет вино.
Готовы уж венки, сплетенны
Из свежих, благовонных роз,
И выжат балан драгоценный
Для умащения волос.

Отвергши медленья причины,
Спеши, — не вечно должен ты
Эфульски озирать вершины[1]
И их отлогие хребты;
Раздолы, где Тибур пролился,
Луга, змеей где вьется он,
И холмы, древле где вселился
Отцеубийца Телегон.

Оставь избыток, приносящий
Со скукой отвращенье нам,
И гордый терем твой, стремящий
Главу к высоким облакам.
Престань с него пленяться Римом,
Его богатством, красотой,
Клубящимся верх кровов дымом
И пышных зданий пестротой.

Вельможам часто перемена
Была приятна средь сует:
Под кровом шалаша смиренна
Нередко мог простый обед
И без ковров на балдахины,
Без багряницы на столах
Изгладить мрачные морщины
На их нахмуренных челах.

Кефей уж вновь лучи бросает,
Предтеча Пса свод неба жжет,
Лев лютый пламень изрыгает,
И солнце дни нам знойны шлет;
Пастух и жаром удрученны
Стада под тень к ручью спешат
В лесах Сильвана скрыться темных,
И на брегах зефиры спят.

А ты, печась о благе Рима,
Страшишься серрских, скифских стрел[2]
И парфа, буйностью водима,
Кем древле с славой Кир владел.
Но бог премудро ночи темной
Покров над будущим простер:
Смеется он, коль бед вседенно
Страшится смертный выше мер.

Устрой на благо час летящий;
Предбудущее — как река,
Котора то струи молчащи
Льет в море, не мутя песка,
То, наводнясь, брега срывает,
Древа с кореньем, камни гор,
Стада и домы поглощает,
Колеблет шумом холм и бор.

Тот властен сам в себе, тот волен
И путь ко счастью проложил,
Кто, настоящим лишь доволен,
Сказать мог: «Я сегодня жил».
Пусть Дий иль небо тьмой обложит,
Иль солнцем ярко озарит:
Собывшегось не уничтожит,
Прошедшего не возвратит.

4 Зak. 3682

Фортуна злобна самовластно
Играет нашею судьбой
И тешится всяк час ужасной
Злоприхотливою игрой.
Непостоянна, коловратна
В дарах и почестях своих,
Сегодня мне благоприятна,
А завтра уж манит других.

Пока со мной она, хвалами
Богиню не стыжусь я чтить;
Взмахнет ли легкими крылами, —
Спешу дары ей возвратить
И. добродетели смиренной
Щитом покрывшись, не ропщу,
За честность истинно почтенной,
Без вена, — бедности ищу.

С жестоким бурный Афр стремленьем
Когда готов мой парус рвать,
Я с робким не привык моленьем
Богам обеты посулять;
Коль яры ветры дуть престанут
И, пища роскоши моей,
Богатства тирские не станут
Добычею скупых морей,

Тогда, коль ветерок прислужен
Дохнет на скромного пловца,
Покров лишь Поллукса мне нужен,
Любезной Леды близнеца;
Тогда меня сей спутник звездный
И легкий двувесельный челн
Сохранно пренесут чрез бездны
Бунтующих эгейских волн.

1812

СПОСОБ К ДОВОЛЬСТВУ

Кн. III, ода XVI

Когда, боясь невинной дщери,
Ахриз Данаю заточил
В темницу, где железны двери
Затвором медным укрепил,

Когда стрегущих денно-ночно
К вратам приставил чутких псов,
Казалось, что ее он прочно
От влюбчивых берег воров.

Но Дий с Венерою украдкой
Смеялся, тщетность зря тревог,

И что везде путь сыщет гладкий
Преображенный в злато бог.

Меж воев злато протекает,
Меж стражей, окруживших дом,
Сквозь тверды камни проникает
Быстрее, чем крылатый гром.

Весь славный род Амфиарея
Алчбой корысти истреблен.
Филипп, ключом златым владея,
Отверз врата твердейших стен.

Дары под власть его попрали
Царей, стязующихся с ним;
Дары сердца людей смягчали,
Разбоям вдавшихся морским.

С богатствами растет к ним жадность,
Заботы вновь они родят.
Копить их, возвышаться в знатность
Страшился я, о Меценат!

Чем больше мы себе откажем,
Тем больше боги нам дадут,
Но быть своих сокровищ стражем
Безумным лишь приличен труд.

Итак, богатых оставляю
И, наг, из табора сего
Ко стану тех перебегаю,
Что не желают ничего.

Именьем малым я владея,
Скупца богаче, что возмог
Собрать все жатвы Апулея:
При всем избытке он убог.

Лесок тенистый, ток прелестный
И нива, наградивша труд,
Царю Ливи́и неизвестный,
Мне жребий счастия дают.

Хотя с полей калабрских пчелы
Сото́в мне не приносят в дар;
В сицильских вазах застарелый
Не крепнет Бахусов нектар,

Хотя на галльских паствах тучны
Стада мне во́лны[1] не растят;
Однако с нищетой докучны
Меня и нужды не тягчат.

Когда б не стало мне стяжанья,
Ты б щедрою помог рукой,

Но, сократя мои желанья,
Доход я увеличил мой;

И малым боле богатею,
Чем если б, мер алчбе не знав,
С Мигдонией стяжал я всею
Пространство Крезовых держав.

Кто много требует строптиво,
Тот в многом недостаток зрит.
Блажен, рукою бережливой
Кому довольство бог дарит!

⟨1814⟩

СУДЬБА

Кн. I, ода XXXIV

Пока вслед буйного ученья
Я слепо в мраке заблуждал,
Богам не часто долг почтенья
И не усердно воздавал.

Теперь я принужден кормою
Назад мой челн поворотить
И в путь, давно забытый мною,
Невольно со стыдом вступить.

Зевес, на небесах пространных
Обыкший облака сгущать,
Чтоб молнией из туч раздранных
Вселенной гнев свой возвещать,

Теперь, прияв перун в десницу
И в ясный вознесясь зенит,
Без туч, гремящу колесницу
С летящими коньми стремит.

Земля трепещет, быстры реки,
И Стикс, клонящий к аду бег,
Атлантские хребты далеки
И страшного Тенара брег.

Бог может низменность смиренну
В высоку гору превратить;
Унизя знатность напыщенну,
Что в тьме коснеет, осветить.

Фортуна колесом вращает
Ей свыше подчиненный свет,
Тут с треском острый верх срывает,
Где хочет, там его кладет.

⟨1814⟩

ПРИЗЫВАНИЕ ВЕНЕРЫ

Кн. I, ода XXX

Царица Пафоса и Книда, о Венера!
Покинь любимый Кипр, приди в смиренный храм,
Куда возжегшая обильный фимиям
Зовет тебя Глицера.

Да поспешит с тобой твой пламенный Эрот,
И с распущенными хариты поясами,
Меркурий с нимфами, и Молодость с цветами,
Лишенна без тебя красот.

⟨1806⟩

ВЕСНА

Кн. I, ода IV

Уж южный май в весенней неге
Спешит, прогнавши зимний хлад,
Суда, осохшие на бреге,
На волны с крутизны скользят,
К загону стадо не теснится,
Не жмется к огоньку пастух,
И инеем не серебрится
Покрывшийся травою луг.

При лунном в рощице сияньи
Сзывает Ладо юных дев.
В прозрачном льня́ном одеяньи
Они, под плясовой напев,
Сплетяся белыми руками,
Летают, чуть клоня траву,
И мерно легкими стопами
Атласят мягку мураву.[1]

Вот время первые цветочки
С блестящею росой срывать
И, свив душистые веночки,
Власы красавиц увенчать.
Вот время влюбчивому Лелю[2]
Наместо жертвенника в честь
Из мягких трав постлать постелю,
А в жертву — горлицу принесть.

Мой друг! тебя днесь рок ласкает,
Но бледно-тоща смерть ногой
Равно в златую дверь толкает,
Как в двери хижины простой.
Превратна жизнь и скоротечна
Претит достичь нам дальних мет;[3]
За нею ночь нас встретит вечна,
И хлябь земная всех пожрет.

Там злато, знатность напыщенна
Не развлекут твоих очей.
Приятство дружества священна
Души не упоит твоей.
Не будешь виночерпной чашей
В пирах любовь ты воспалять;
В объятьях неги с милой Дашей
Сладчайший всех нектар вкушать.

Спеши ж, в кругу отрад, веселий
Крылатый миг останови:
Брегись, чтоб с ним не улетели
Восторги первыя любви.
Лишь раз ее очарованье
Нас может в жизни усладить, —
Увы! прелестно сна мечтанье,
Проснувшись, льзя ли возвратить?[4]
⟨1799, 1806⟩

ВОРОЖБА
Кн. I, ода XI

Хлоя! не желай бесплодно,
Любопытствуя, открыть,
Долго ли богам угодно
Нашу жизнь еще продлить?

Ворожбой не занимайся
О предбудущей судьбе,
Принимать равно старайся
Все, что суждено тебе.

Хоть еще на свете много
Лет нам рок прожить велел,
Хоть с зимою сею строгой
Жизни положен предел, —

Хлоя! жить спеши украдкой,
Смейся, пой, люби, играй
И по мере жизни краткой
Цель надежды приближай.

Миг, в который молвим слово,
Улетел уже от нас:
Не считай на утро ново,[1]
А лови летящий час.

⟨1806⟩

КРАСОТА

Кн. IV, ода X

Еще до сей поры пленяешь,
Влечешь к себе всех взоры ты

И гордо сердце подкрепляешь
Цветущим блеском красоты.

Но скоро уж, когда с летами
Увянет нежная краса,
Спадет волнистыми шелками
Плеча покрывшая коса.

Когда черты, где свежи розы
Слились с лилейной белизной,
Свирепы ощутя морозы,
В морщинах блеск сокроют свой, —

Тогда с немой упрекой грозно
В невинно зеркало взглянув,
Тогда-то, Хлоя, но уж поздно,
Ты скажешь, горестно вздохнув:

«Зачем в приятной я судьбине,
Как ныне, мыслить не могла
Или зачем не та я ныне,
Не та, что в младости была!»

⟨1804⟩

НЕПОСТОЯНСТВО

(*К Пирре*)

Кн. I, ода V

Какой прелестник ловкий, статный
В вертепе неги и прохлад,
Опрыскан влагой ароматной,
О Пирра! средь любви отрад
В восторге прижимает нежном
Тебя на мягком ложе роз
И для кого плетешь в небрежном
Убранстве злато льнистых кос?

Увы! коль крат любви обманы,
И лесть сирениных речей,
И клятвы, пред богами данны,
Оплачет несчастливец сей!
Коль кратно моря треволненье
И вспененный его хребет
Неопытного в изумленье,
В тревогу, в горесть приведет!

Теперь, пленен тобой, беспечно
Он ослепляется мечтой,
Что будешь ты любезна вечно
И вечно искренна душой;

Теперь твой взор его прельщает,
Как вид кристальных тихих вод,
Но, ах! мечтатель сей не знает
Изменных моря непогод!

Несчастны, что, тобой плененны,
Тебя узнали лишь слегка;
О мне ж внесенна[1] в храм священный
Обетна на стене доска —
Свидетель, что, от злостраданья
Средь бурных избежав зыбей,
Одежды мокры в дар признанья
Царю я посвятил морей.[2]

4 октября 1818
Обуховка

ПЕРЕМАНКА

Кн. I, ода XVII

Охотно Фаун оставляет
Для Лукретиллы свой Ликей,
И коз моих он охраняет
От зноя и дождливых дней.

Они, сквозь чащу пробираясь,
Там щиплют тмин и злак лугов,
Ни скрытых змей не опасаясь,
Ни нападенья от волков.

Меж тем как стадо здесь пасется,
От гладких скал в вечерний час
В долине, в роще раздается
Пастушеской свирели глас.

О Тиндарида! боги любят
И набожность и песнь мою:
К тебе они здесь усугубят
Щедроту и любовь свою.

В знак милости, благоприятства
Из рога изобилья тут
Они все сельские богатства,
Дары все на тебя прольют.

Ты здесь, в тени моей Темпеи,
От знойна Сирия уйдешь;
К Улиссу нежну страсть Цирцеи
И Пенелопы воспоешь.

С лесвийским соком виноградным
Покал[1] тебя тут сладкий ждет;
И Вакх с Ареем кровожадным
Строптивых распрь не заведет.

Тут Кир из ревности бесчинно
Не оскорбит твоей красы,

С одеждой не сорвет невинной
Венка, вплетенного в власы.
⟨1820⟩

ЛЮБОВНАЯ КЛЯТВА

Кн. II, ода VIII

Когда б хоть раз ты казнь, Барина,
За ложны клятвы понесла:
Хоть тень на зуб, на лоб морщина,
На ноготь крапинка б взошла;

Поверил бы, но лишь ужасной
Главу измене обречешь,
Милее кажешься и страстный
Влюбленный рой сильнее ждешь.

И праху матери, и ясным
В нахмуренной ночи звездам,
И хладной смерти непричастным
Тебе полезно лгать богам.

Смеется мать любви; веселы
Смеются нимфы вкруг Харит
И бог, что пламенные стрелы
Кровавым каменем острит.

Тебе повсюду юнош стая
И новые рабы растут,
И прежни, гнев их забывая,
Под кров изменницы бегут.

Тебя все матери боятся
И стары скряги за детей;
И жены юные страшатся,
Чтоб блеск твой не взманил мужей.

⟨Вторая половина 1810-х гг.⟩

БЕЗОПАСНОСТЬ

Кн. I, ода XXII

Кто злобы чужд, обманов низких,
Чист сердцем, правдою живет,
Тому ни в копьях мавритийских,
Ни в скифском луке нужды нет;

Колчан ему не нужен, полный
Смертельно ядовитых стрел,
Хотя б песчаные он волны
Ливийски протекать хотел,

Хотя б Кавказа негостинный
Пройтить отважился хребет

5 Зak. 3682

Иль дальные страны́ пустынны,
Чудесный где Гидасп течет.

Вот так и я, бродя беспечно
В сабинской рощице меж гор
И, занят думою сердечной,
За грань в густый вошедши бор,

Когда там для Лалаги страстны
Любовные стихи слагал,
Вдруг волка, ловчий неопасный
И безоружен, я прогнал.

Не зрела Давния военна
Таких чудовищ средь лесов,
Ни область, Юбу подчиненна,
Кормилица безводна львов.

Всели ж меня хоть в степь, где тощих
Зефир деревьев не живит,
Край света на горах полнощных,
Что Зевс туманами тягчит,

Под колесницею солне́чной
В необитаемой стране —
Лалаги будут милы вечно
И голос и улыбка мне.
⟨1814, 1816⟩

МЩЕНИЕ ЛЮБОВНИКА

Эпод XV

Ночь длилась, и луна златая
Сияла меж подруг своих,
Когда, о Лида! прижимая
Меня в объятиях твоих
Сильней, чем плющ вкруг дуба вьется,
Ты клятву повторяла мне,
Ту клятву, что богам смеется,
Живущим в звездной вышине.

Клялась ты: волк пока в долине
Ягненков будет устрашать
И Орион зыбей в пучине
Не перестанет воздвигать,
Пока Зефир не позабудет
Лелеять Фебовых кудрей, —
Любовь твоя взаимно будет
Ответствовать любви моей.

Но бойся, мести чтоб достойной
Ты от меня не понесла:
Я не стерплю, чтоб ты спокойно
Все ночи с милым провела;
Другую полюблю сердечно,

Сказав изменнице: прости!
К тебе ж не возвращуся вечно,
Как ни жалей и ни грусти.

А ты, счастливец обольщенный,
Утратой ныне горд моей!
Хотя сады распространенны,
Хоть тысячу ты стад имей,
Хотя б обширнее Босфора
К тебе златый Пактол протек,
Хоть будь мудрее Пифагора,
Что в мире жил двукратный век,

Хотя б прекрасного Нирея
Твоей ты превзошел красой,
Но тож, о ясных днях жалея,
Их мрачной заменишь тоской;
Изменой станешь ты терзаться
И легковерность клясть свою,
Тогда-то над тобой смеяться
Я буду в очередь мою.

7 декабря 1819
Обуховка

СПОСОБ УТЕШЕНИЯ

Эпод XIII

Ужасна буря мрак наводит
    На светлый свод небес;
В дожде и буре к нам нисходит
    С угрюмых туч Зевес.
Фракийский ветр моря вздымает
И грозно в дебрях завывает.

Мой друг! уловим быстрый час
    Дня, вечно окрыленна,
Пока от старости у нас
    Не затряслись колена.
Пока прилично, без причин
На лоб не наведем морщин.

Подай слитое при Торквате
    Столетно мне вино.
О прочем замолчать нам кстате:
    Быть может, суждено,
Чтоб Дий внезапной переменой
Послал нам жребий вожделенный.

Теперь на волоса взольем
    Мастик Ахеменея[1]

И песнь веселу воспоем
Под струны Силленея.
Приятный их и громкий звон
Пусть скорбь и думы гонит вон.

Премудрый так кентавр Пелида
Учил средь юных лет:
«Герой, которого Фетида
Бессмертна смертным в свет,
И то на краткий миг, родила,
Хоть в мрачном Стиксе закалила!

Тебя поля троянски ждут,
Где тощий Ксанф холодный
И быстрый Симоис текут
В понт Геллы многоводный.
Там парки мерну нить прервут
И в дом тебе возврат препнут.

Оттоль тебя голубоока
Не пренесет в отчизну мать.[2]
Спеши ж там чашей гроздна сока
И песнью скорби услаждать.
Тоску, угрюмые печали
Всегда они лишь облегчали».

⟨1814⟩

РАСЧЕТЛИВОЕ УГОЩЕНИЕ

Кн. IV, ода XII

Уж спутники весны, зефиры, вылетают,
Фракийских усмиря волнение зыбей,
И их дыханьем воздувают
Ветрила кораблей.
Уж, инеем не убеленны,
Зеленые луга цветут,
И реки, снегом наводненны,
В крутых межгорьях не ревут.

Несчастна ласточка, по Итисе скорбяща
И мщеньем яростным за наглость вечный стыд
Кекропа роду наносяща,
Свивать гнездо спешит.
Уж пастухи то звуком рога,
То песнью тешат вечерком
Любящего их стадо бога
И милый аркадийский холм.

Пришла пора попить; но, юными князьями
Вергилий взысканный! калесских сладких вин
Коль жаждешь, заплати духами:

Тебе их лот[1] один
Вина бутылю обещает
В Сульпициевых погребах,
Вина, что рой надежд рождает
И рассевает скорби мрак.

Коль хочешь пировать, прийди к нам
с этой данью,
Как в доме богача, здесь даром не гостить.
Но не забудь, спеша к свиданью,
Заботы отложить.
Припомня Стикс, обдумав зрело,
Что на костре нам должно тлеть,
Мешай, мой друг! с бездельем дело:
Приятно в пору и дуреть.

12 мая 1820
Обуховка

БЕЗЗАБОТНОСТЬ

Кн. II, ода XI

На что нам галльска исполина[1]
Решить затеи наугад
Иль ков британца,[2] с кем пучина
И чужды царства нас делят?

На что, покой тревожа сладкий,
В пустых заботах век кружить
И нитку льняну жизни краткой
С кострицей жесткою сучить?[3]

Уж пылкость, молодость отстали,
Ушли давно от нас бегом,
И наши седины прогнали
Любовь игриву с сладким сном.
Недолго свежими цветами
Любезна красится весна;
Не вечно полными лучами
Блестит пременчива луна.

Почто ж на замыслы надмерны,[4]
Которых веком не свершить,
В заботах тратить час неверный,
Готовый всех нас пережить?
Не лучше ль на полянке чистой
Под тополью роскошной сей
Или под липою тенистой
Нам пить за здравие друзей?

Подайте ж вин, — из древня века
Всегда в чести было вино:
Твердят, что сердце человека
Невинно веселит оно.

Скорей шампанское несите,
Покуда пробок вверх не бьет,
И в ручейке прохолодите,
Что с шумом возле нас течет.
⟨1806⟩

ДРУГУ МОЕМУ

Кн. I, ода IX

Взгляни, как снегом покровенны
Высоких гор верхи блестят;
Как сосны, инеем нагбенны,
И реки, льдом отягощенны,
В брегах, оцепенев, стоят.

Теперь-то, сидя у камина,
Мороз забыть ты нас заставь;
По старшинству их лет и чина
Вели подать венгерски вина,[1]
А прочее богам оставь.

Метели, бури и морозы
Когда они хотят смирить,
Тогда ни липы, ни березы,
Ни гибки однолетны лозы
Не смеют веткой шевелить.

Что завтра встретится с тобою,
Не беспокойся узнавать,
Минутной пользуйся чертою
И день, отсроченный судьбою,
Учись подарком почитать.

Во младости несуетливой
Без пляски, игр не трать часа́,
И плод вкушай любви счастливой,
Покуда старостью брюзгливой
Не посребрятся волоса.

Теперь тебя зовут гулянья,
Театр, концерты, маскерад[2]
И те условленны свиданья,
Где нежны вечерком шептанья
Украдкой о любви твердят;

Где смех невольный открывает
Красотку в темном уголке,
Что в фанты перстенек теряет[3]
И слабо лишь обороняет
На сжатой с нежностью руке.

⟨1806⟩

УМЕРЕННОСТЬ

Кн. II, ода X

Коль хочешь век прожить счастливо,
Не все в открыто море мчись,
Не слишком к берегу трусливо
Меж ка́мней с лодочкою жмись.

Кто счастья шумного тревоге
Средину скромну предпочтет,
Не в златоглавом тот чертоге,
Но и не в хижине живет.

На ель высоку вихрь стремится,
И башня, гордая челом,
С крутых высот скорей валится,
Вершины гор бьет чаще гром.

Надежду мудрый зрит в напасти,
На случай злый вооружен;
Но в льстивом бережется счастьи
Судьбы коварных перемен.

Не все зима нас удручает:
Весна за нею вслед спешит.
Сегодня горесть убивает,
А завтра радость оживит.

Не каждый раз перун[1] горящий
Грозит пожарами странам,
Но часто тучи, град носящи,
Прогнав, дарует ведро нам.

Будь тверд в злосчастные минуты,
Но счастью тож не доверяй
И ветром парусы надуты
Заблаговремя опущай.
⟨1806⟩

СУЕТНОСТЬ ЖИЗНИ

Кн. IV, ода VII

Растаял снег, земля открылась,
Позеленела мурава,
Струя кристальна с гор скатилась,
Оделись листьями древа.

Возобновился вид природы,
Впадают реки в берега,
И дев веселы короводы[1]
Уж топчут мягкие луга.

«Не льстись ничем ты вечным
в свете», —
Твердит тебе то год, и час,

И миг, что в молненном полете
Крыло времен несет от нас.

Весна морозы прогоняет,
Спешит за нею лето вслед,
С плодами осень поспешает
И зиму строгую ведет.

Но года круг непостоянный
Стократ возобновит луна,
А ты, в подземный дом изгнанный,
Ввек будешь прах и тень одна.

Кто весть, угодно ли судьбине
Прибавить к нашей жизни миг?
Что дашь себе, то вырвешь ныне
Из рук наследников скупых.

Когда умрешь и поневоле
Тебя к кладбищу отнесут,
Ни знатный род, ни честь оттоле,
Ни ум тебя не изведут.

Никто не выходил из гроба,
Хоть всяк в него отсель идет.
Бездонна, знать, земли утроба:
Повсюду вход, — исхода нет.
⟨*1806*⟩

УТЕШЕНИЕ В ГОРЕСТИ

Кн. II, ода IX

Не вечно ливнем дождь стремится
На пестрое лицо полей;
Не вечно бурями мутится
Поверхность зе́ркальна морей.
Не ежедневно в круге года
Тягчит верхи Рифейски[1] лед,
В дубравах воет непогода
И вихрь с деревьев листья рвет.

А томный вопль твой мила друга
Не престает из гроба звать!
Светило дня с сафирна круга[2]
Спешит ли в море бег скончать,
Вослед ли золотой денницы[3]
Течет оно на свод небес, —
Ступень бесчувственной гробницы
Ты током орошаешь слез.

Но старец, век тройной проживший,
По Антилохе дорогом
Не век стенал, ток слез проливши,
Не вечно сетовал о нем.
Не вечно юного Троила,
Как пал он в мрачный ада зев,

Кропилась хладная могила
Росою слез троянских дев.

Прерви ж стенанья малодушны,
Прерви, и вместе воспоем
С десницей росса неразлучны
Победы, новой славы гром:
Как быстрый Пад пред ним смирился[4]
И алчна гидра вспять бежит,[5]
Хребет Альпийский преклонился
И галл в ущельях гор дрожит.[6]
⟨1799⟩

МОРЕПЛАВАНИЕ

Кн. I, ода III

Да путь тебе благословенный
Пошлет богиня красоты
И братья страстныя Елены,
Светящи с звездной высоты!
Да царь Эол все ветры свяжет
И лишь попутному прикажет
Лелеять паруса твои!
Корабль! внуши мольбы мои:[1]

К брегам афинским чрез пучину
С Вергилием безвредно рей
И вверенну тебе храни мне половину
Души моей.

Тот тверду грудь, как брус дубовый,
И сердце медное имел,
Кто первый чрез моря суровы
На легком плыть челне посмел;
Кто бурна Афра не страшился,
Когда с Бореем он стремился
В борьбу, смесивши дождь и град;
Кто пасмурных презрел Гиад;
Кому и Нот грозил напрасно,
Сей Адрии владыка злый,
Что взносит к облакам и низит самовластно
Ее валы.

Какой вид смерти, лютым роком
Представленной, того страшит,
Кто на морях холодным оком
Чудовища плывущи зрит;
Кто всхолмленны презрел пучины
И на Керавнские вершины
Бесстрашно взоры возводил?
Вотще всемощный разделил
Страны́ безмерным океаном,

6 Зак. 3682

Когда продерзкий утлый челн
Преплыл на поприще морских зыбей
пространном
Разливы волн.

На все, что только запрещенно,
Отважно смертный руку взнес!
Отважно скрытый огнь священный
Похитил Промефей с небес
И вверил племенам развратным,
Но вслед за буйством святотатным
Болезни, глад, толпа забот
Снизшли тягчить строптивый род;
И скорбь лицо земли покрыла,
Как моря шумного струи;
И, медленна дотоль, смерть грозна ускорила
Шаги свои.

В пустынях воздуха пространных
Дедал взносился на крылах,
Природой мудрой нам не данных;
Ираклий, сперши ада праг,
Шагнул чрез Ахерон глубокий:
Ничто для смертных не высоко!
Мы даже небесам самим
В кичливой буйности грозим!

И наши дерзки преступленья
Претят, чтоб Хрона грозный сын,
Смягчася, выпустил из рук перуны мщенья
На миг один.

⟨1821⟩

ВРЕМЯ

Кн. II, ода XIV

Неприметно утекают
Воскрыленные лета.
Старости не удаляют
Ум, ни сердца правота;
И прогнать не могут мимо
Смерти, ввек неумолимой.

Хоть молебны кто всяк день
Петь о многолетстве станет,[1]
Смерть, привязчива, как тень,
На минуту не отстанет,
Все — и раб, и царь с венцом —
Спустимся в подземный дом.

Тщетно кровью обагренных
Будем убегать полей,

Волн беречься разъяренных
И зараз осенних дней:
К предкам должно преселиться,
Праху с прахом съединиться.[2]

Должно все оставить здесь:
Дом, роскошную услугу,[3]
Нежную с детьми супругу;
И из саженных древес
Ельник лишь один постылый
Нас проводит до могилы.[4]

Все мы так, как тень, пройдем,
А наследник наш богатый,
Цельным капским тороватый[5]
Век нетронутым вином,
Закутя пиры и балы,[6]
Через край нальет бокалы.

⟨1806⟩

ПРОКЛЯТИЕ ДЕРЕВУ

Кн. II, ода XIII

Тот в день несчастный и печальный
К работе вредной приступал,

Кто здесь тебя первоначально,
Проклято дерево! сажал:
Рукой злочестья, вероломства
Он вырастил тебя близ дома своего
На гибель позднего потомства,
К стыду села всего.

Родному тот отцу, конечно,
В свирепстве череп размозжил
И в темну ночь бесчеловечно
Дом кровью гостя обагрил;
Тот с ядом колхов яд змеиный
Мешал, кто внес тебя в средину рощи сей,
Чтоб ты над головой невинной
Обрушилось моей.

Чего страшиться повсечасно,
Век смертный предузнать не мог:
Преплывшему Босфор опасный
Пунийцу уж не страшен рок.
Стрел парфа, в бегство обращенна,
Боится марз, того — наш меч и цепь страшит, —
Но всех нас смерть непредузренна
Разила и разит.

Я сам чуть в царстве Прозерпины
Пред грозным не предстал судьей;

Чуть дальней не узрел долины,
Предела праведных теней;
Эолки, жертвы дев кичливых,
Алкея, что, златой коснувшися струны,
Пел бедства плаваний бурливых,
И ссылки, и войны.

В священной тишине, в молчаньи
Внимают тени гласу их;
Но песнь о битвах, о изгнаньи
Мучителей, тиранов злых
Дружнее в круг толпу стесняет;
И дивно ль? — лиры их пленили Тартар весь:
Им внемля, уши опускает
Стоглавый черный пес.

С власами эвменид сплетенных
Не слышен свист зиявших змей.
От мук, навеки присужденных,
С Танталом хищный Промефей
В забвеньи отдыхают сладком;
И быстрый Орион, первейший из ловцов,
Не гонит рысей в поле гладком
И в дебре лютых львов.

25 мая 1820
Обуховка

БОЛЯЩЕМУ ДРУГУ

Кн. II, ода XVII

Почто ты жалобой твоею,
Почто мою терзаешь грудь?
Чтоб ты скорей меня окончил жизни путь!
Несходно с волей то моею,
Несходно с волею богов,
О Меценат, моя подпора и покров!

Увы! коль строгая судьбина
Тебя, о полдуши моей!
Безвременно сразит, почто в разлуке сей
Не столь драгая половина
Здесь будет жертвой скорбей злых?
Нет, нет, один нас день в гроб сринет обоих.

Я клялся клятвой неизменной;
Дай руку, друг мой! поспешим:
Коль в невозвратный путь, в последний путь моим
Предтечей быть тебе сужденно,
Не разлучась, пойдем, пойдем
И вместе гробовой порог перешагнем.

Ни зев Химеры вспламененный,
Ни, вновь родясь, сторукий Гиг
Не разлучат меня с тобою ни на миг:

Так правосудия священный
Благотворительный завет,
Так милосердных парк определил совет.

Весы ль в день моего рожденья
Приосеняли небосклон,
Взирал ли на меня ужасный Скорпион,
Столь страшный в час его всхожденья;
Предвестник ли морских тревог,
Гесперской глубины владыка, Козерог, —

Но удивительно согласны
Созвездья наши меж собой.
Сам Юпитéр сдержал уж над твоей главой
Удар Сатурна столь опасный
И крылья рока отягчил,
Когда трикратный плеск феатры оглушил.

Под падшим древом пал я б мертвый,
Когда б меня в тот грозный час
Питомцев Гéрмеса хранитель, Фавн, не спас.
Ты, тучные заклавши жертвы,
Воздвигни храм бессмертным в честь,
А мне довлеет им ягненка лишь принесть.

1820
Обуховка

СОВЕТ

Кн. II, ода III

В напастях, горести старайся
С великодушием терпеть,
А в счастии не забывайся.
Мой друг! ты должен умереть.

Умрешь, хотя печалься вечно,
Хоть в праздные, веселы дни
Вино ты прийдешь пить беспечно
В гостеприимной древ тени,

Сребриста тополь, ель высока
Где дружны ветви в свод плетут,
С журчаньем где струи потока,
Извившись, торопко текут.

Вели ж там вина, ароматы
И кратковечных роз принесть,
Пока нам счастье, дни крылаты
И младость позволяют цвесть.

Домы́, сады распространенны
Покинешь ты, оставя свет,
И клад, годами накопленный,
Наследник алчный твой возьмет.

Хотя богат, породы знатной,
Хоть раб и в хижине живешь,
Хоть царь, но смерти беспощадной
Равно ты жертвою падешь.

Назначен всем предел нам равный;
Всяк жребий вынут наугад,
И в вечну ссылку, поздно ль, рано,
Нам парки всем спешить велят.
⟨1806⟩

ПРОЩАНЬЕ

Кн. III, ода XXVII[1]

НАБОЖНОСТЬ

Кн. III, ода XXIII

Если утром ежедневно,
Как от сна ты восстаешь,
Руки к небесам смиренно
С теплою мольбой взнесешь;
Если в праздники ко храму
С светлой, как душа, свечой
Ты хоть горстку фимиаму
Скромной принесешь рукой, —

Жертвы сей довольно богу;
Не страшись ни в чем вреда:
Ветр заразный в осень строгу
Пощадит твои стада,
Нивы саранча не тронет,
Ульи напитает мед,
Ветви сад к земле приклонит, —
Каждый цвет в нем будет плод.

С дна морского похищенны
Бисеры, коралл, янтарь,[1]
Пышною рукой взнесенны,
Украшают пусть алтарь;
Златом пусть он обольется,
Блеском звезд бразильских стран;[2]
Пусть на нем всяк день возжжется
Смирна и драгий ливан.[3]

Но в дому алтарь твой скромный
Утварью простой одет,
И зачем ты в храм огромный
Пышный понесешь обет:
Коль невинна, хоть убога,
Длань коснется алтаря,
Легче умоляет бога,
Чем драгий обет царя.
⟨1806⟩

НА СМЕРТЬ ДРУГА

Кн. I, ода XXIV

Оплакивать, увы! главу, нам толь любезну,
Какой предлог иль стыд
Скорбящим воспретит?
О Мельпомена! песнь внуши мне томну, слезну,
Ты, коей с лирой золотой
Богов отец державный
Дарит и голос плавный,
Унылу песнь воспой.

Итак, Квинтилия уж сон одержит вечный!
Где нравов чистота,
Где верность, правота,
Нагая истина и друг чистосердечный,
И Феб, восторгу своему
Предавшийся на лире, —
Где сыщут в целом мире
Подобного ему?

Все добрые по нем льют горьки токи слезны,
Ты всех горчайший льешь;
Но тщетно к небу шлешь
Умильные мольбы, — уж друга, друг любезный!
Не оживишь ты своего:

В самих дарах их строги,
Тебе послали боги
На краткий срок его!

Хоть лиры сладостью сравнишься ты с Орфеем,
Который восхищал
Древа фракийских скал,
Не возвратится кровь в тень, кою кадуцеем,
Для смертных страшным толь жезлом,
Через пустынны реки
Меркурий уж навеки
Загнал в подземный дом.

Никто из черного к нам не выходит стада,
Которое Плутон
Приемлет в свой загон;
И рок безжалостный замкнул исходы ада.
Несносна скорбь! Но чем смягчить?
Терпенье облегчает,
Чего не возмогает
Ничто переменить.

15 октября 1816
Обуховка

ДРУГУ СЕРДЦА

Кн. II, ода VI

Я знаю, друг мой, что за мною
На край бы света ты летел,
Со мной бестрепетной ногою
Гиркански дебри ты б прошел;
И ссылочной Сибири холод,[1]
И средь песков ливийских зной,
Меж лютых кафров[2] жажду, голод
Охотно б претерпел со мной.

Но дай бог, чтоб на бреге Псола,[3]
Где липы мне шалаш плетут,
В тени зеленого раздола
Был старости моей приют!
Дай бог, чтоб счастье там прильнуло
К груди, усталой от забот,
И томно сердце отдохнуло
От бурных жизни непогод!

Но ежели свирепством рока
Удела милого лишусь,
На тучный брег Салдайска тока,
В Тавриду древню преселюсь,[4]

Где овцы, пеленой обвиты,
Красу сребристых нежат рун,
Отколь в кумирах знаменитый
Владимиром сражен Перун.[5]

Земли тот уголок счастливый
Всех боле мест манит мой взор:
Средь леса зреют там оливы,
Мед каплет из ущелья гор.
Там долго ветр весенний веет,
Гнетет недолго зимний хлад,
В долинах, как янтарь, желтеет
Токайский сладкий виноград.[6]

Вот там-то, в рощице тенистой,
Устланной мягкой муравой,
Близ тока, из скалы кремнистой
Жемчужной льющегось струей,
Мы сядем отдохнуть с тобою
И дружны съединим сердца.
Там теплой оросишь слезою
Прах милого тебе певца.[7]

⟨1806⟩

ПРЕДПОЧТЕНИЕ СТИХОТВОРСТВА

(К Меценату)

Кн. I, ода I

О Меценат, царей потомок тирренийских,
Моя и слава и покров!
Иной в ристаньях олимпийских,
От колесницы пыль клубя до облаков,
Коль быстро колесом горящим
Мету опасну облетит,
Венчанный пальмою, к богам, земле судящим,
Уже себя взнесенным чтит.

Сего, коль рвение толпы непостоянной
На вышни почести взведет,
Того, коль с Ливии пространной
Все жатвы в житницу он собственну сберет;
Любящего сохой своею
Наследственны поля пахать
За жребий Аттала не подстрекнешь ладьею
Эгей свирепый рассекать.

Купец, со трепетом зря бурный Афр полдневный
В борьбе с икарскою волной,
При ужасах пучины гневной
Спокойство хвалит сел, приют укромный свой;

Но вдруг, лишь буря утихает
И зыбь скалу престанет бить,
Он утлую ладью поспешно исправляет,
Бессилен нищету сносить.

С покалом старого массийска гроздна сока[1]
Тот, легши под древесну тень
Иль близ священного потока,
Проводит леностно от утра целый день;
Другие любят ратны станы,
Смешенный труб с пищальми звук
И Марса грозного потеху, подвиг бранный,
Для матерей источник мук.

Под кровом светлых звезд ловец зимой ночует,
Хотя жена младая ждет,
Коль серну верный пес почует
Иль дерзкий вепрь в лесу тенета разорвет.
Меня ж священный плющ равняет
С богами, вводит в их собор,
Меня в прохладе рощ от черни отделяет
Сатир и нимф прелестный хор.

Свирели коль своей игривой, сладкогласной
Эвтерпа мне не возбранит
И Полимния[2] коль согласно
Лесвийску громкую мне лютню острунит,

7 Зак. 3682

Когда, о Меценат! тобою
Причтусь к лирическим певцам,
Над злобной завистью взнесенною главою
Коснусь я звездным небесам!

1818

К ЛИРЕ

Кн. I, ода XXXII

О лира, милая подруга!
Коль древ в тени, под час досуга,
Резвясь, я песни пел с тобой,
Прожить достойны год, другой,
Внуши мне новый стих латинский!
Герой и гражданин лесвийский
Всех прежде на тебе бряцал.
Во стане ль ратном изощрял
Оружье, бранна духа полный,
Иль, бурны одолевши волны,
Корабль свой в тиху пристань вел,
Он Вакха, муз, Венеру пел,
Дитя с палящими стрелами,
И Лика с черными очами,
И черны Лика волоса.[1]
О Фебовых рамен краса,[2]

Трапезы Дия услажденье,
В трудах приятно облегченье,
О лира! коль зову с мольбой,
На голос откликайся мой!..

⟨1814—1823⟩

К МЕЛЬПОМЕНЕ

Кн. IV, ода III

О Мельпомена! кто приятный,
Рождаясь, взгляд твой привлечет,
Того истмийский подвиг знатный,
Как славного бойца, хвалой не вознесет;
Не мчат там кони легче птицы
Его победной колесницы;
Народам Капитол вождя не кажет в нем,
Смирившего царей надменных
И средь трофеев вознесенных
Венчанна Фебовым венцом.

Но шум тибурска водопада,
Поящего роскошный луг,
Тенистой рощицы прохлада
В пленительный восторг его приводят дух;
Но эолийскими стихами
Он будет равен меж певцами!..

Уж гордый Рим меня достойным признает
Вступить в собор их знаменитый,
И меньше злобно-ядовитый
Меня зуб зависти грызет.

О ты, что плавно размеряешь
Звук лиры золотой моей,
Могуща, если пожелаешь,
И рыбам дать немым глас нежный лебедей, —
О Муза! я тебе обязан,
Что всеми здесь перстом указан
Как первый римлянин, познавший лиры строй.
Что жив, что песнями пленяю,
Коль сим ласкать себя дерзаю,
Тебе обязан тем одной.

⟨1814—1822⟩

ПИИТ-ЛЕБЕДЬ

Кн. II, ода XX

На крыльях дивных и могучих,
Певец двувидный, я помчусь
В эфир, верх облаков плывучих,
С земною перстью разлучусь;
Над завистью вознесенный злою,
Оставлю грады под пятою!..

Нет, нет! хоть род мой небогат,
Но если ты твоим любезным
Зовешь меня, о Меценат! —
То не умру; багром железным
Харон в ладью не повлечет,
За Стиксом не убережет!..

Уж голени мои покрылись
Шаршавой, жесткой кожей вдруг,
Власы седые превратились
В волнистый, белоснежный пух,
Из перстов перья показались,
И крылья по плечам расстлались!

Надежней, чем Дедала сын,
Как лебедь, сладку песнь гласящий,
С зенитных я узрю вершин
Босфор, в крутых брегах стенящий,
Пески сыпучи гетулян
И степи гипербореан.

Моею песнью колх пленится
И дак, что в близкий брани час
Притворно марзов не страшится,
Гелон, столь удален от нас,
Иберы, мудрыми слывущи,
И галл, струи Родана пьющий!..

Прочь Нении слезливый лик,
Унылы песни и цевницы,
Постыдный сетующий клик
Вкруг праздныя моей гробницы!
Прочь вопли, погребальный стон
И лишня почесть похорон!..

⟨1814—1822⟩

ГЕНИЙ-ПИИТ

(Ломоносов)

Кн. IV, ода II

Кто росску Пиндару желает
В восторгах пылких подражать,
Вослед Икара тот дерзает
На крыльях восковых летать:
Взнесется к облакам, но вскоре,
Лишь солнца силу ощутит,
Низринется стремглав, и море
Безумца имя возвестит.

Как быстрый ток струи скопленны
Стремит с крутой вершины гор,
Кристаллы льет на брег зеленый,
Дремучий будит шумом бор, —

Так звучной лирой Ломоносов
Сопровождая громкий стих,
Пленяет слух и души россов
И усладит потомство их.

Творца глаголы повторяя,
На суд ли смертного с ним звал?
«Он, гласом громы прерывая,
Словами небо колебал.
С покрытыя пучины мглою
Хаосный, леностный туман
Разгнал всесильною рукою
И с суши сдвинул океан».[1]

Поет ли, как восход денницы,
Минервы шествие на трон?
Коль важно подвиг сей царицы,
Коль громко возглашает он!
«Сам Бог ведет; и кто противу?
Кто ход его остановит?
И океанских вод разливу
Навстречу кто поставит щит?»[2]

Любви ль предел изображает?
Как кисть его оживлена!
Какою прелестью пленяет
Волшебна, райская страна!

«Там мир в полях и над водами,
Там вихрей нет, ни шумных бурь:
Меж бисерными облаками
Сияет злато и лазурь.

Древа листами помавают
И, нежну ощущая власть,
Друг друга ветвьми обнимают,
В бездушных там любовна страсть.
Ручьи вослед ручьям крутятся,
То гонят, то себя манят,
То прямо друг к другу стремятся
И, слившись меж собой, журчат».[3]

За Марсом ли вослед дерзая,
Сражений представляет вид:
«С трофея на трофей ступая,
Российско воинство спешит.
Орлам сим воды, лес, стремнины,
Глухие степи — равен путь:
Нося перун, полки орлины
Парят, где ветр лишь может дуть».[4]

С такою дерзостью чудесной
Изведав неустанность крыл,
Верх облак, в синеве небесной,
Российский сей орел парил.

Но я, как пчелка, над землею
С трудом с цветов сосуща мед,
Я тиху песнь жужжать лишь смею:
Высокий страшен мне полет.

Державин! ты на лире звонкой
Воспой великие дела
Царицы, что победой громкой
Моря и сушу потрясла.
Воспой богов сей дар бесценный,
Дороже коего они
Не могут ниспослать вселенной,
Хоть возвратят златые дни.

Воспой тот день трикрат счастливый,
Когда на жертвенник побед
Зеленый лавр, обвит оливой,[5]
Она в знак мира вознесет.
Тогда и я, в толпе народа,
Участник общего добра,
Во время пышна к храму хода[6]
С восторгом возглашу: ура!

С тобой мы вместе радость нашу
Явим усердным торжеством:
Бесценных ты мастиков чашу
Возжжешь пред мирным божеством.

Чертог твой, яркими звездами
Украшен, ночью возблестит,
И радостными голосами
В нем гимн Астрее возгремит.[7]

А я, помост усыпав храма
Взращенными цветами мной,
Возжгу в нем горстку фимиама
С белейшею лилей свечой
Из воска,[8] что с полянки смежной
Трудолюбивая пчела
За мой о ней надзор прилежный
С избытком в дар мне принесла.
⟨1791⟩

К МУЗЕ

(Певцу Фелицы)[1]

Кн. I, ода XXVI

Доколе музами любим,
Тревоги все, заботы, горе
За ветрами пущу я в море,
«Счастливый путь!» — примолвя им.

Пусть галл Европой потрясает,[2]
Британец всех на море бьет,[3]
От рая Пий ключи теряет,[4] —
Да мне до них и нужды нет.

Честей я не служу кумиру,
Ползком я злата не ищу;
Доволен малым, — жизнь и лиру
Любви и дружбе посвящу.

О Муза, друг холмов тенистых,
Любящая Кастальский ток![5]
Певцу Фелицы свей венок
Из лавров, из цветов душистых.

Я слаб ему хвалу греметь, —
Тебе, сестра́м твоим пристойно
Возвысить звонку лиру стройно
И Фебова любимца петь.

Август 1797

О ДОСТОИНСТВЕ СТИХОТВОРСТВА

Кн. IV, ода VIII

Охотно б чаши, бронзы редки
Я в дар принес моим друзьям;
Треноги, что ахеан предки
Дарили храбрым их вождям;
И если б был богат искусством,
Которым Скопас и Фарраз
С толь дивным, превосходным чувством
Отделывали напоказ,

Тот в камне, кистью сей живою,
То смертных вид, то лик богов,
Тебе б признательной рукою
Принес я лучший из даров.

Но сим искусством — сам ты знаешь,
О Цензорин! — я не богат,
И от убогих не желаешь
Толь драгоценных ты заплат;
Притом ты мыслишь, что не нужно
Приумножать диковин сбор,
Чтоб ими только в час досужный
Развлечь или забавить взор.
Стихи ты любишь, — так стихами
Тебя мы можем подарить,
Издревле чтимое веками
Достоинство их объяснить.

Черты, на мраморе блестящи,
Из темных гробовых дверей
Вновь к жизни, к славе возводящи
Героев, доблестных вождей;
Угрозы исступленны, яры
Бегуща Ганнибала вспять
И буйной Пунии пожары
Так громко не могли вещать

О том, кому им покоренна
Прозванье Африка дарит,
Как лира, Фебом оструненна,
Калабрских вещих пиерид.

Коль лиры замолчат златые,
Лишится добродетель мзды:
Что был бы нам твой сын, Илия,
Когда бы Ромула труды
Завистливо молчанье скрыло?
Священного восторга полн,
Пиит исторг витийства силой
Эака из стигийских волн.
Пииты, их хвалы правдивы,
Их благосклонная молва
Для алтарей его Счастливы
Определили острова.

От смерти Муза избавляет
И небо доблестям дарит:
Ираклий с ней в Олимп вступает
И с Дием трапезу делит;
На вознесенны круги звездны
Кастор и Поллукс так взошли
И в бурю из морския бездны
Крушимы взносят корабли;

Так, гроздным листвием венчанный,
И Вакх, приемля наш обет,
Предначинаниям желанный
Конец благоуспешно шлет.

⟨1814⟩

ЖЕЛАНИЯ СТИХОТВОРЦА

Кн. I, ода XXXI

Чего пиит от неба просит,
Когда в путь новый год течет
Или когда во храм приносит
Он в день рожденья свой обет?
Не жатва льстит его богата,
Не мягка вóлна тучных стад,
Не кучи серебра и злата,
Не пышность мраморных палат.

Пусть пьет нектар кокосов сочных
Тот, кто нашел златое дно,
Пускай из кристалей восточных
Вкушает капское вино.[1]
Наперсник счастья он любимый:
Проснувшись, руку лишь простреt, —
Земля, моря неукротимы
И мир весь дань ему несет.

Но я, я сыт укругом[2] хлеба,
Доволен кружкой кислых щей[3]
И больше не прошу от неба,
Как чтобы в бедности моей
Хранило мне здоровье цело,
Ум свежий и душевный мир
И век пресекло б престарелый,
Бесчувственный ко звуку лир.

⟨1806⟩

ПАМЯТНИК ГОРАЦИЯ

Кн. III, ода XXX

Я памятник себе воздвигнул долговечный,
Превыше пирамид и крепче меди он.
Ни едкие дожди, ни бурный Аквилон,
Ни цепь несметных лет, ни время быстротечно
Не сокрушат его. Не весь умру я, нет:
Большáя часть меня от строгих парк уйдет;
В потомстве возрасту я славой справедливой;
И в гордый Капитол с весталкой молчаливой
Доколе будет жрец торжественно всходить,
Не перестанет всем молва о мне твердить,
Что тамо, где Авфид стремит ревущи воды,
И в дебрях, где простым народом Давн владел,

Я первый, вознесясь от низкия породы,
В латинские стихи эольску меру ввел.
Гордись блистательным отличьем, Мельпомена!
Гордись: права тебе достоинство дало,
Из лавра дельфского, в честь Фебу посвященна,
Венок бессмертья свив, укрась мое чело.

⟨1806⟩

ОПЫТ ПРОЗАИЧЕСКОГО* ПЕРЕВОДА ГОРАЦИЕВЫХ ОД, С ПРИМЕЧАНИЯМИ

НИЧТОЖЕСТВО БОГАТСТВ

Кн. III, ода I

Odi profanum vulgus et arceo.
Favete linguis: carmina non prius
audita Musarum sacerdos
virginibus puerisque canto.

Regum timendorum in proprios greges,
reges in ipsos imperium est Iovis,
clari Giganteo triumpho,
cuncta supercilio moventis.

Est ut viro vir latius ordinet
arbusta sulcis, hic generosior
descendat in campum petitor,
moribus hic meliorque fama

contendat, illi turba clientium
sit maior: aequa lege Necessitas

* просторечного

8 Зак. 3682

sortitur insignis et imos,
omne capax movet urna nomen.

Destrictus ensis cui super impia
cervice pendet, non Siculae dapes
dulcem elaborabunt saporem,
non avium citharaeque cantus

somnum reducent; somnus agrestium
lenis virorum non humilis domos
fastidit umbrosamque ripam,
non Zephyris agitata Tempe.

Desiderantem quod satis est neque
tumultuosum sollicitat mare
nec saevus Arcturi cadentis
impetus aut orientis Haedi,

non verberatae grandine vineae
fundusque mendax, arbore nunc aquas
culpante, nunc torrentia agros
sidera, nunc hiemes iniquas.

Contracta pisces aequora sentiunt
iactis in altum molibus; huc frequens
caementa demittit redemptor
cum famulis dominusque terrae

fastidiosus, sed Timor et Minae
scandunt eodem quo dominus, neque
decedit aerata triremi et
post equitem sedet atra Cura.

Quod si dolentem nec Phrygius lapis
nec purpurarum sidere clarior
delenit usus пес Falerna
vitis Achaemeniumque costum,

cur invidendis postibus et novo
sublime ritu moliar atrium?
Cur valle permutem Sabina
divitias operosiores?

Ненавижу непросвещенную чернь и изгоняю. Безмолвствуйте. Стихи, неслыханные доднесь, жрец муз, пою юношам и девам. Над паствами страшных царей, над самими царями простирается владычество Юпитера, знаменитого торжеством над гигантами, единым манием бровей колеблющего вселенну. Бывает, что один обширнее другого рассаживает кустарники по грядам; сей, знаменитее породою, выходит на Марсово поле искателем почестей; тот нравами добрыми и именем отличается; иной гордится толпою причетников, но равным законом распределяет необходимость жребий великих и малых; все имена власти-

тельная урна сотрясает. У кого над злочестивою выею висит обнаженный меч, тому ни сицилийские яствы не усладят вкуса, ни птиц и лиры пение не возвратят сна; легкий сон не презирает ни низменной хижины поселянина, ни тенистых берегов, ни Зефиром колеблемой Темпеи. Кто желает токмо потребного, того не тревожит ни бурное море, ни свирепое стремление заходящего Арктура, ни восходящего Козла, ни побитые градом виноградники, ни обольстившие нивы, ни древа, то дождь, то иссушающее поля созвездие, то свирепую зиму обвиняющие. Рыбы чувствуют стеснение вод ввергаемыми в море громадами; тут часто насыпает бут делопроизводитель с рабами и владелец, наскучивший твердою землею,[1] но страх и опасность текут вослед вельможи сего, не отступают от обитой медью триремы; и за конником садится мрачная забота. Если же скорбей ни фригийские мраморы, ни употребление багряницы, светлейшей звезд, не успокоивают, ни фалернское вино и ахеменейские ароматы, на что мне воздвигать высокие чертоги с завидными по новому вкусу вратами, к чему променивать Сабинскую долину на многозаботные богатства?

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Безмолвствуйте* — «favete linguis» значит точно «благоприятствуйте языками». Древ-

ние суеверы, думая, что при жертвоприношениях услышанные речи могли иметь худые или хорошие предзнаменования, извещали присутствующих, чтобы произносили они токмо благознаменательные слова. Опасение проговориться заставляло народ безмолвствовать; и таким образом слова «благоприятствуйте языками, favete linguis» в последствии времени приняты были в значении «безмолвствуйте».

2. Гигантами — они родились от Урана, Неба и Геи, Земли, от которой и название свое получили. Подобно титанам, восстали они противу богов, но наконец побеждены Юпитером.

3. Марсово поле, Campus было в Риме пространная площадь, где собирался народ для избрания чиновников.

4. причетников — Ромул позволил каждому частному человеку избрать себе покровителем кого-либо из сенаторов. Первые назывались «клиентами, cliens», а последние «патронами, patronus». Те обязаны были почитать патрона своего, как отца; помогать ему во всех делах его, выкупать из плена, участвовать в составлении приданого дочерям, в платеже его долгов и пени, с него присуждаемыя. Патроны же долженствовали защищать клиентов на суде и вспомоществовать им во всем, как родным детям.

5. урна — древние присвояли судьбе чашу, в которой все жребии, то есть участи смертных, находились.

6. обнаженный меч — Гораций имел здесь в виду философа Дамокла. Превознося богатство и великолепие Дионисия, тирана Сиракузского, признавал он его счастливейшим из смертных. Дионисий устроил для него богатейший пир, потчевал вкуснейшими яствами и напитками. Дамокл был в восхищении, как вдруг увидел над головою своею висящий на конском волосе обнаженный меч; опасность смерти воспрепятствовала ему наслаждаться пиршеством и признавать счастливым тирана.

7. сицилийские яствы — в Сицилии любили хорошо покушать и попить; сим они так отличались, что изобильный и вкусный стол обыкновенно называли столом сиракузским.

8. Темпеи — прекрасная в Фессалии долина между горами Оссою и Олимпом. Именем Темпе означались иногда и другие приятные местоположения.

9. Арктура — северное созвездие близ Медведицы; имя его происходит от греческих слов «αρκτος, медведь» и «υρα, хвост»,[2] ибо в небесном знаке том находится ясная звезда близ хвоста Медведицы. Созвездие сие называлось также «арктофилаксом, αρκοφυλαξ, стражем Медведя», но почему называлось оно «вологонителем, βοωτες», догадаться мне трудно, разве потому, что иногда созвездие Медведицы называли «Телегою» и, может статься, заключили, что должно при ней, везомой волами, быть погонщику. Древние полагали

восхождение небесного знака сего в половине сентября, а захождение в начале следующего месяца.

10. Козла — созвездие Козлят, находящееся по левую сторону Арктура, восходит в конце сентября и предвещает бурную, ненастную погоду.

11. триреме — так назывались галеры, три яруса весел имеющие.

12. фригийские мраморы — ломка мрамора сего производилась в Фригии близ города Синады, почему называли его синадийским камнем. Он был цвету белого с красными оттенками.

13. фалернское — гора Фалерн находится в Италии, близ кампанийского города Синопа. Оттуда получали самое лучшее вино.

14. ахеменейские — сей аромат собирали большею частью на острове Патане, при устье реки Инда, близ Персии: для сего-то Гораций называет аромат сей ахеменейским по имени Ахеменея, персидского царя, которого потомки, даже до Дария, сына Гистаспова, называлися Ахеменидами.

15. чертоги — римляне называли «atrium» большую при входе в дом комнату, где они обедали, варили кушанья, выставляли изображения предков и хранили казну. В старину сени, чаятельно, служили к подобным же употреблениям.[3]

16. Сабинскую долину — сабинцы были древнейший народ в Италии. Страна их была в соседстве Рима между Наром и Анио, примыкала к Умбрии, с полдня граничила с Латиею, к востоку — с пределами эквов, а к западу —

с Этрурией. Гораций имел там небольшую дачу на берегах Тибура.

НА РАЗВРАТ НРАВОВ

Кн. III, ода VI

Delicta maiorum immeritus lues,
Romane, donec templa refeceris
aedisque labentis deorum et
foeda nigro simulacra fumo.

Dis te minorem quod geris, imperas.
hinc omne principium, huc refer exitum:
Di multa neglecti dederunt
Hesperiae mala luctuosae.

Iam bis Monaeses et Pacori manus
inauspicatos contudit impetus
nostros et adiecisse praedam
torquibus exiguis renidet;

paene occupatam seditionibus
delevit urbem Dacus et Aethiops,
hic classe formidatus, ille
missilibus melior sagittis.

Fecunda culpae saecula nuptias
primum inquinauere et genus et domos;

hoc fonte deriuata clades
in patriam populumque fluxit.

Motus doceri gaudet Ionicos
matura virgo et fingitur artibus,
iam nunc et incestos amores
de tenero meditatur ungui;

mox iuniores quaerit adulteros
inter mariti vina, neque eligit
cui donet impermissa raptim
gaudia luminibus remotis,

sed iussa coram, non sine conscio
surgit marito, seu vocat institor,
seu navis Hispanae magister,
dedecorum pretiosus emptor.

Non his iuventus orta parentibus
infecit aequor sanguine Punico,
Pyrrhumque et ingentem cecidit
Antiochum Hannibalemque dirum,

sed rusticorum mascula militum
proles, Sabellis docta ligonibus
versare glaebas et severae
matris ad arbitrium recisos

portare fustis, sol ubi montium
mutaret umbras et iuga demeret
bobus fatigatis, amicum
tempus agens abeunte curru.

Damnosa quid non imminuit dies?
aetas parentum peior avis tulit
nos nequiores, mox daturos
progeniem vitiosiorem.

За злодеяния предков безвинно будешь ты наказан, о римлянин! пока не возобновишь храмов и падающих божеских чертогов и кумиров, обезображенных черным дымом. Ты признаешь себя меньшим богов, и потому властвуешь: отсюда все твое начало, сюда относи конец. Пренебреженные боги послали многие горестной Гесперии бедствия. Уже двукратно рать Менеза и Пакора сокрушила наши стремления, не освященные провещаниями,[1] и, увелича добычею мелкое ожерелье, радуется. Мятежами занятого града едва не разорили дак и эфиоп; сей морскою силою страшный, тот отличный меткими стрелами. Век, злодеянием обильный, первоначально осквернил брак, и род, и домы; от сего источника происшедшие бедствия полились на отечество и на народ. Изучением ионических плясок пленяется взрослая девица, образуется к хитростям уже

теперь и о порочной любви помышляет от мягкого ногтя. Вдруг молодших ищет прелюбодеев между пиршествами мужа; она не разбирает даже, кому дарит наскоро непозволительные утехи, удалив светильники; по повелению, явно не без ведома мужа, встает, позовет ли купец или хозяин корабля гиспанского, бесстыдство дорого покупающий. Не от сих родителей происшедшее юношество обагрило моря кровию пунической, поразило Пирра, и великого Антиоха, и жестокосердого Ганнибала, но сельских воинов мужественное племя, приобыкшее сабинскою сохою ворочать глыбы и по воле строгой матери нарубленные носить связки дров, когда солнце переменяет тени гор и приводит приятное время при удалении колесницы. Чего не убавили зловредные дни? Век отцов, худший дедовского, произвел нас негоднейших; а мы породим скоро еще развратнейшее племя.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Гесперии* — Италия называлась также Гесперией ближнею в отношении Испании, дальнею Гесперией проименованной.

2. *Менеза и Пакора* — Менез был военачальник, Пакор — сын Орода, парфянского царя. Парфяне жительствовали в Азии, в соседстве медов.

3. не освященные провещаниями — римляне не начинали никогда сражений без наблюдения предзнаменований; чаятельно, Гораций имеет здесь в виду разбитие римлян под предводительством Красса, вступившего в сражение с парфянами, несмотря на неблагоприятные предзнаменования.

4. ожерелье — парфяне любили украшаться ожерельями.

5. дак и эфиоп — Гораций, по-видимому, говорит о войне триумвира Антония и Клеопатры, царицы египетской, противу Августа. Даки были признаваемы за один народ с гетами и обитали по Дунаю в нынешней Трансильвании, Молдавии и Валахии.

6. ионических плясок — они были весьма любострастны и, может статься, походили на наши русские народные пляски.

7. взрослая девица — у древних римлян постыдно было взрослым девицам учиться плясать.

8. мягкого ногтя — по примеру греков латины словами «мягкие ногти» означали детство.

9. кровью пуническою — пунический — то же, что карфагенский.

10. Пирра — он был царь эпиротов и наследник Ахилла. Победя консула Лавиния при Гераклее, он разбит был Фабрицием и Курrием.

11. Антиоха — сей сирский царь побежден на море Эмилием Региллом, а на суше Л⟨уцием⟩ Сципионом.

12. Ганнибала — знаменитый карфагенский полководец.

13. сабинскою — в подлиннике сказано: сабельскою; имя сие значит то же, что сабинскою. Сабинцы были соседы римлян.[2] См. выше, ⟨страницы 119—120⟩, прим⟨ечание⟩ 16, «Ничтожество богатств».

ЮНЫМ ВОИНАМ

Кн. III, ода II

Angustam amice pauperiem pati
robustus acri militia puer
condiscat et Parthos ferocis
vexet eques metuendus hasta

vitamque sub divo et trepidis agat
in rebus. Illum ex moenibus hosticis
matrona bellantis tyranni
prospiciens et adulta virgo

suspiret: «Eheu, ne rudis agminum
sponsus lacessat regius asperum
tactu leonem, quem cruenta
per medias rapit ira caedes».

Dulce et decorum est pro patria mori.
Mors et fugacem persequitur virum
nec parcit imbellis iuventae
poplitibus timidoque tergo.

Virtus repulsae nescia sordidae
intaminatis fulget honoribus
nec sumit aut ponit securis
arbitrio popularis aurae.

Virtus recludens inmeritis mori
caelum, negata temptat iter via
coetusque vulgaris et udam
spernit humum fugiente penna.

Est et fideli tuta silentio
merces. Vetabo, qui Cereris sacrum
vulgarit arcanae, sub isdem
sit trabibus fragilemque mecum

solvat phaselon; saepe Diespiter
neglectus incesto addidit integrum,
raro antecedentem scelestum
deseruit pede Poena claudo.

В суровом ремесле воинском пусть учится возмужалый юноша охотно сносить отяготительную нищету, и грозный всадник пусть поражает

свирепых парфян копием своим; пускай проводит жизнь под наметом небесным в беспрестанных опасностях. Узрев его с твердыни вражеской, супруга браннoносного тирана и взрослая девица со вздохом да рекут: «Увы! неопытный в ратоборстве царский жених да не дерзнет раздражить жестокого льва сего, которого в средину сечи стремит кровожадная ярость». Славно и приятно за отечество умереть; смерть преследует убегающего воина и не щадит робкого хребта и выи невоинственного юношества. Доблесть, постыдного отказа не знающая, сияет чистыми почестями, не приемлет и не возвращает она секир по воле непостоянной народа; доблесть, отверзающая достойным бессмертия небеса, небитым стремится путем и, презирая толпу черни и тинистую землю, на крыльях улетает. Равномерно и скромному молчанию есть верная награда. Не потерплю я, чтобы священные таинства Цереры обнаруживший жил под одним со мною кровом, чтобы со мною в утлом челноке отчалил он от брега: часто оскорбленный Юпитер с преступником невинного карал, и редко от предшествующего злодея отступает хромоногая Казнь.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. парфян — Народ сей жительствовал в Азии, в соседстве медов. Он славился конни-

цею. Г-н Дасье думает, что он по сему и название свое получил, производя, чаятельно, оное от греческого слова «ιδος παριδος — конный».[1]

2. отказа не знающая — Гораций хочет сказать, что прямая доблесть не добивается происками знатности отличий, но принимает оные по достоинству.

3. чистыми почестями — г-н Дасье заключает, что Гораций называет почести чистыми, незапятнанными в противоположность получаемым от черни, которые заслуживаются подлостию, блеск оных затмевающею.

4. секир — в Риме консулы, проконсулы и преторы и при избрании в сии звания получали связанные пуки палок, в средине коих находились топоры, секиры. Двенадцать ликторов носили оные пред ними в знак, что имели они полную исполнительную власть для наказания виновных немедленно по учинении приговора.

5. таинства Цереры — Гораций имеет тут в виду празднества Цереры, богини земледелия, отправляемые во многих городах Греции, а преимущественно в Элевзии, городке афинейском. Во время отправления оных наблюдалось глубочайшее молчание. Таинства ее почитались весьма важными; предмет оных неизвестен, ибо только испытанным в скромности и в благонравии людям оный был являем. Осмелившийся не то что открыть таинство, но даже обряд наблюдавший при совершении оного или дерзнувший подсмат-

ривать наказан был смертию. Впоследствии празднества таинств сих введены были в Риме.

6. хромоногая Казнь — Казнь почиталась богинею. Греки называли ее Дики и Немесис.[2] Изображали ее хромоногою по той причине, что Казнь нескоро иногда постигает злодея.

ПРОТИВ КОРЫСТОЛЮБИЯ

Кн. III, ода XXIV

Intactis opulentior
    thesauris Arabum et divitis Indiae
caementis licet occupes
    tyrrhenum omne tuis et mare Ponticum,

si figit adamantinos
    summis verticibus dira Necessitas
clavos, non animum metu,
    non mortis laqueis expedies caput.

Campestres melius Scythae,
    quorum plaustra vagas rite trahunt domos,
vivunt et rigidi Getae
    inmetata quibus iugera liberas

fruges et Cererem ferunt,
    nec cultura placet longior annua,

9 Зак. 3682

defunctumque laboribus
    aequali recreat sorte vicarius.

Illic matre carentibus
    privignis mulier temperat innocens
nec dotata regit virum
    coniunx nec nitido fidit adultero;

dos est magna parentium
    virtus et metuens alterius viri
certo foedere castitas,
    et peccare nefas aut pretium est mori.

O quisquis volet impias
    caedes et rabiem tollere civicam,
si quaeret pater urbium
    subscribi statuis, indomitam audeat

refrenare licentiam,
    clarus postgenitis, quatenus, heu nefas,
virtutem incolumem odimus,
    sublatam ex oculis quaerimus invidi.

Quid tristes querimoniae
    si non supplicio culpa reciditur,
quid leges sine moribus
    vanae proficiunt, si neque fervidis

pars inclusa caloribus
    mundi nec Boreae finitimum latus
durataeque solo nives
    mercatorem abigunt, horrida callidi

vincunt aequora navitae,
    magnum pauperies opprobrium iubet
quidvis et facere et pati
    virtutisque viam deserit arduae?

Vel non in Capitolium
    quo clamor vocat et turba faventium
vel non in mare proximum
    gemmas et lapides aurum et inutile,

summi materiem mali,
    mittamus, scelerum si bene paenitet.
Eradenda cupidinis
    pravi sunt elementa, et tenerae nimis

mentes asperioribus
    formandae studiis. Nescit equo rudis
haerere ingenuus puer
    venarique timet, ludere doctior

seu Graeco iubeas trocho,
    seu malis vetita legibus alea,
cum periura patris fides
    consortem socium fallat et hospites

indignoque pecuniam
haredi properet. Scilicet improbae
crescunt divitiae, tamen
curtae nescio quid semper abest rei.

Превосходя имуществом неприкосновенные сокровища Аравии и богатой Индии, хотя бы зданиями занял ты все Тирренское и Апулийское море; но если жестокая необходимость вонзает в темя адамантовые гвозди, ни духа от боязни, ни главы не уклонишь от сетей смертных. Блаженнее живут степные скифы, которых кибитки обыкновенно влекут странствующие домы; и дикие геты, коих неразграниченные нивы свободно приносят овощи и Цереру; где не любят пахать долее года: окончившему работу преемник доставляет равномерный отдых. Там невинная супруга снисходительна к сиротам-пасынкам. Жена с богатым приданым не управляет мужем и не доверяет знатному любовнику. Великое вено есть добродетель родителей и чуждающееся другого мужа, верное браку целомудрие: преступить не позволено иль воздаяние — смерть. О! кто захочет истребить нечестивые убийства и бешенство граждан! Если желает на статуях быть надписан: «Отец отечества», да осмелится обуздать некротимое своеволие; он прославится у потомков, а дотоле, увы! завидливы, ненавидим мы живущую добродетель, исчезнувшую ищем. К чему

печальные жалобы, если казнию не искореняется преступление! Что пользуют тщетные законы без нравов, когда ни сильными жарами опаляемая часть мира, ни соседственная Борею страна и ни утвердевшие снега купца отогнать не могут; когда хитрые мореходцы побеждают ужасные моря? Убожество, великое бесславие, повелевает каждому все и делать, и терпеть, и оставлять путь трудной добродетели. Отнесем или в Капитолию, куда зовет клик и толпа рукоплещущих, или повержем в ближайшее море перлы и камни, и злато бесполезное, источник величайшего зла. Если истинно раскаиваемся в злодействиях, искореним пагубного корыстолюбия основание; усовершим слишком изнеженные мысли строгими навыками. Благородный юноша не умеет держаться на коне и страшится ловитвы; он искуснее в забавах или в катании греческого троха, или особливо в запрещенной законами игре: меж тем как вероломный отец, обманывая вкладчика и гостя, поспешает скопить недостойному наследнику богатство. Неправедное стяжание возрастает, но к неполному все еще, не знаю, чего-то недостает.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. неприкосновенные сокровища — словами сими Гораций означает, что римляне не доходили войною до Аравии и сокровищ ее не расхищали.

2. *строгая необходимость* — названием сим, necessitas, означали римляне Парку и даже смерть. Гораций говорит, что она предшествует Фортуне с гвоздями, клиньями и прочая. См.: Кн. I, ода XXXV.

3. *Тирренское и Апулейское* — Тосканское и Адриатическое моря. 〈См. также ниже, с. 172, примеч. 2 к оде «Ворожба»〉.

4. *геты* — народ сей кочевал по берегам Дуная до Черного моря.

5. *Цереру* — богиня хлебопашества. Гораций поставляет здесь лицо вместо принадлежности, то есть жатвы.

6. *равномерный отдых* — не понимаю, как Гораций мог сказать, что гетские хлебопашцы друг друга погодно переменяли: такой взаимности кочующие народы наблюдать не могут; приличнее было бы сказать сие о нивах, чем о пахарях.

7. *снисходительна к сиротам-пасынкам* — все почти переводчики, кроме г-на Фосса,[1] заставляют здесь Горация говорить, что скифские матери не посягают на жизнь их пасынков. Стихи сии не суровость, но нежность изображают, а потому основательнее предположить можно, что Гораций хотел представить другую мысль. Разврат нравов времени его был чрезмерно велик и почти всеобщий: молодые девушки из корыстолюбия выходили за престарелых отцов семейства, мачеха не могла приласкать пасынка, не

подвергая себя предосудительному заключению, что для удобности искала в своем семействе наместника дряхлому супругу. Противуположно сему Гораций, чаятельно, сказать хотел, что снисходительная к пасынкам скифская мачеха таковому унизительному подозрению никогда не подвергалась.

8. «Отец отечества» — Гораций говорит «отец града». Такого названия нигде, кроме сей оды, не встречается.

9. Борею — полуночный ветр.[2]

10. в Капитолию — так назывался в древности главный храм Рима.

11. греческого троха — трох был железный обруч около саженя в поперечнике с железными по внутренней стороне кольцами. Дети катали оный железным же прутом с деревянною рукояткою.

12. гостя — гостеприимство в древности почиталося священным.

НА РОСКОШНЫЕ ОБИТАЛИЩА

Кн. II, ода XV

Iam pauca aratro iugera regiae
moles relinquent, undique latius
extenta visentur Lucrino
stagna lacu, platanusque caelebs

evincet ulmos; tum violaria et
myrtus et omnis copia narium
spargent olivetis odorem
fertilibus domino priori,

tum spissa ramis laurea fervidos
excludet ictus. Non ita Romuli
praescriptum et intonsi Catonis
auspiciis veterumque norma.

Privatus illis census erat brevis,
commune magnum; nulla decempedis
metata privatis opacam
porticus excipiebat Arcton,

nec fortuitum spernere caespitem
leges sinebant, oppida publico
sumptu iubentes et deorum
templa novo decorare saxo.

Уж мало пашен плугу царские здания оставят; везде видим обширнее Лукринского озера распространяющиеся пруды. Одиноким явором вытесняется вяз; наконец, гряды фиалок, мирт и вся роскошь обоняния разольет запах на месте олив, обогащавших прежнего владельца, и густый ветвями лавр заградит путь пламенным лучам. Не так предписано Ромула и небритого Катона зако-

нами и правилами древних: у них частные доходы были малы, общественные велики. Никакой притвор, простиравшийся на десять шагов в ширину, не перехватывал прохладного северного ветра: законы случайную дерновую хижину презирать не позволяли, повелевая грады на общественное иждивение и храмы богов украшать новым камнем.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Лукрина — озеро сие находится близ Байи в Кампании.[1] Август соединил оное с Авернским и обратил в пристань, называвшуюся Июлиянскою.

2. Одиноким явором — Гораций противуположно вязу называет явор[2] одиноким, поелику никогда не сочетается он с виноградною лозою.

3. Ромула — первый царь и законодатель римлян.

4. Катона — он называет Катона Цензора небритым, потому что в его время еще не стригли волос.

5. случайную дерновую хижину — Гораций подразумевает тут домик, доставшийся с уделом земли. Г-н Дасье думает, что Гораций говорит здесь не о дерне или полянке, но о хижине, из дерна построенной, случайно доставшейся при разделе участка земли.

6. новым камнем — Гораций словами сими означает, без сомнения, мрамор, хотя существен-

ное название оного в других местах сочинений его встречается:

Urit me Glycerae nitor
Splendentes pario marmore purius.[a]

См.: Кн. I, ода XIX.

ПОХВАЛА СЕЛЬСКОЙ ЖИЗНИ

Эпод II

«Beatus ille qui procul negotiis,
ut prisca gens mortalium,
paterna rura bobus exercet suis
solutus omni fenore,
neque excitatur classico miles truci,
neque horret iratum mare
forumque vitat et superba civium
potentiorum limina.
Ergo aut adulta vitium propagine
altas maritat populos
aut in reducta valle mugientium
prospectat errantis greges
inutilisque falce ramos amputans
feliciores inserit,

[a] Сожжен я Глицеры красою // Что блеском и мрамор паросский затмит (*лат.; пер. А. А. Фета*).

aut pressa puris mella condit amphoris,
aut tondet infirmas ovis.
Vel cum decorum mitibus pomis caput
Autumnus agris extulit,
ut gaudet insitiva decerpens pira
certantem et uvam purpurae,
qua muneretur te, Priape, et te, pater
Silvane, tutor finium!
Libet iacere modo sub antiqua ilice,
modo in tenaci gramine;
labuntur altis interim ripis aquae,
queruntur in silvis aves,
frontesque lymphis obstrepunt manantibus,
somnos quod invitet levis.
At cum tonantis annus hibernus Iovis
imbres nivesque comparat,
aut trudit acris hinc et hinc multa cane
apros in obstantis plagas,
aut amite levi rara tendit retia
turdis edacibus dolos,
pavidumque leporem et advenam laqueo gruem
iucunda captat praemia.
Quis non malarum, quas amor curas habet,
haec inter obliviscitur?
Quod si pudica mulier in partem iuvet
domum atque dulcis liberos,

Sabina qualis aut perusta solibus
    pernicis uxor Apuli,
sacrum vetustis exstruat lignis focum
    lassi sub adventum viri,
claudensque textis cratibus laetum pecus
    distenta siccet ubera,
et horna dulci vina promens dolio
    dapes inemptas adparet,
non me Lucrina iuverint conchylia
    magisve rhombus aut scari,
si quos Eois intonata fluctibus
    hiems ad hoc vertat mare,
non Afra avis descendat in ventrem meum,
    non attagen Ionicus
iucundior quam lecta de pinguissimis
    oliva ramis arborum
aut herba lapathi prata amantis et gravi
    malvae salubres corpori
vel agna festis caesa Terminalibus
    vel haedus ereptus lupo.
Has inter epulas ut iuvat pastas ovis
    videre properantis domum,
videre fessos vomerem inversum boves
    collo trahentis languido
positosque vernas, ditis examen domus,
    circum renidentis Laris!» —

Haec ubi locutus faenerator Alfius,
iam iam futurus rusticus,
omnem redegit Idibus pecuniam,
quaerit Kalendis ponere.

«Блажен, кто, удаляясь от сует, как древнее смертных племя, отеческие нивы возделывает своими волами, свободный от всякия лихвы. Кто не пробуждается грозною трубою в стане и не ужасается разъяренного моря, кто уклоняется от судилища и от гордого сильных граждан порога! То возросшие виноградные отрасли сочетает он с высокими тополями и, бесполезные ветви кривым ножом обрезывая, плодоноснейшие прививает; то бродящие в пространной долине обозревает мычащие стада; то выжатый мед скрывает в чистых кувшинах; то стрижет слабых овец. Когда же зрелыми плодами украшенную главу осень на полях возносит, как радуется он, срывая привитые груши и не уступающее багрецу гроздие,[1] дабы принести в дар тебе, Приап, и тебе, Сильван, хранитель границ! Захочет ли под древним ясенем или на липкой траве возлечь; с высоких берегов падают воды; жалобно птицы поют в лесах, и потоки, шумя журчащими струями, призывают легкий сон. Но когда гремящий Юпитер зимнею порою собирает дожди и снега, тогда или множеством псов загоняет он свирепых вепрей в расставленные то там, то там тенеты; или на

тонких вилках раскидывает редкие сети для уловления жадных дроздов; или робкого зайца и залетного журавля, потешную добычу, уловляет силками. Кто между сим не забудет злых крушений, причиняемых любовью? Если же целомудренная жена помогает, надзирая за домом и милыми детьми, какова сабинянка или солнцем опаленная супруга проворного апулейца, ежели она наложит сухих дров на священный очаг пред возвращением утомленного мужа и, запирая в хлев веселое стадо, доит полные сосцы и, доставая новое вино из сладкого сосуда, некупленые яствы приуготовляет; то не будут мне приятны ни лукринские устрицы, и ни ромб, и ни скара, если какие восшумевшая буря восточными волнами в наше море загонит; ни африканская птица, ни рябчик ионийский не пойдут так приятно в желудок мой, как маслина, с тучнейших ветвей сорванная, щавель, любящий луга, и дебелому телу полезный проскурняк или ягненок, закланный в празднество Терма, или у волка отнятый козленок. За таковым столом как приятно видеть овец, с паствы в дом поспешающих, видеть утомленных волов, влекущих обращенный плуг на ослабевшей вые, и стоящих родовых рабов, толпу богатого дома вокруг домашних светлых Ларов», — так говоря, Алфий-ростовщик, и тотчас решась быть поселянином, собрав в средине месяца все деньги, старается по первое число отдать их в рост.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. судилища — у римлян оное называлося «Форум».

2. Прияп — сын Венеры и Бахуса, в Лампсаке бог любострастия, но в Риме — страж садов.

3. Сильван — сын Пана или Марса. Неизвестно, почему римляне называли его «Марс-патер, Марс-отец». По значению имени он был наш «леший». Сильванов было три. Первый — хранитель домов, Лар, это наш «домовой»; второй — бог пастухов, или Фавн; третий, о котором Гораций говорит, назывался «восточный», — ему посвящали рощицу между соседних рубежей. Не знаю, почему называет он его хранителем границ. Терм у римлян было особое божество. 〈См. также ниже, примеч. 12〉.

4—5. сабинянка, апулейца — во время Горация распространившаясь роскошь еще не заразила жителей сих провинций. Там были лучшие хозяева и хлебопашцы. См. выше, стр〈аницы〉 119—120, прим〈ечание〉 16, «Ничтожество богатств», 〈и ниже, с. 163, примеч. 5 к оде «Способ к довольству»〉.

6. лукринские устрицы — см. выше, стр〈аница〉 137, прим〈ечание〉 1, «Роскошные обиталища».

7. ромб — у французов тюрбо, род весьма широкой морской рыбы.[2]

8. скар — неизвестная ныне морская рыба.

9. африканская птица — Гораций называет словами сими африканскую курицу.

10. рябчик ионийский — они почиталися вкуснейшими.

11. проскурняк — мы теперь не едим его, но видно, что он вкусен и полезен казался Горацию, ибо упоминает об оном и в XXXI оде книги I-й.

12. Терма — у римлян бог границ, Terminus. Его изображали с человеческою головою, но без рук и без ног, означая тем неподвижность рубежей. Древле имел он в Риме храм на скале Тарпейской. Когда младший Тарквиний располагал воздвигнуть храм Юпитеру в Капитоле, то все кумиры богов уступили места свои, одного Терма никакие усилия подвинуть не могли, и таким образом он остался в храме совместно с Юпитером.

13. светлых Ларов — статуи богов, хранимые в домах. Их поставляли обыкновенно у очага и ежедневно вычищали.

14. в средине месяца — Гораций означает оную словом «ides — иды», которым 15-е число каждого месяца определялось.

15. по первое число — слово «calendae, календы», употребленное Горацием, означало у римлян начало месяца. Г-н Дасье думает, что ростовщик Алфий отдавал взаймы деньги на полмесяца за один процент со ста вместо обыкновенного полупроцента, что составляло в год почти пятую часть капитала.

ПРОТИВ ЗЛАТОЛЮБИЯ

Кн. II, ода II

Nullus argento color est avaris
abdito terris, inimice lamnae
Crispe Sallusti, nisi temperato
splendeat usu.

Vivet extento Proculeius aevo,
notus in fratres animi paterni;
illum aget penna metuente solvi
Fama superstes.

Latius regnes avidum domando
spiritum quam si Libyam remotis
Gadibus iungas et uterque Poenus
serviat uni.

Crescit indulgens sibi dirus hydrops
nec sitim pellit, nisi causa morbi
fugerit venis et aquosus albo
corpore languor.

Redditum Cyri solio Prahaten
dissidens plebi numero beatorum
eximit Virtus populumque falsis
dedocet uti

10 Зak. 3682

vocibus, regnum et diadema tutum
deferens uni propriamque laurum,
quisquis ingentis oculo irretorto
spectat acervos.

Никакого сребро не имеет цвета, о Крисп Саллустий, враг погребенных в скупой земле сокровищ! если умеренное употребление не придает ему блеска. Прокулей, известный отеческою к братьям любовью, будет жить в отдаленном веке. Слава бессмертная пронесет его в потомство на вековечных крыльях. Пространнее властвовать будешь, обуздав алчный дух, нежели когда бы ты Ливию с отдаленным Гадисом соединил[1] и одному обе Пунии служили. Потворствуем самому себе, растет жестокий водяной недуг и не уменьшает жажды, пока причина болезни из жил не изженется и расслабляющая влага из бледного тела. Возвращенного на трон Киров Фраата несогласно с чернью мыслящая добродетель изъемлет из числа блаженных и научает чернь не употреблять ложных наименований, вручая державу, безопасную диадиму и благоприобретенный лавр тому только, кто не косым оком на огромные кучи золота взирает.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Саллустий* — он был внук сестры историка Саллустия, который его усыновил.

2. *Прокулей* — муж сестры Мецената. Когда братья его, с которыми разделил он наследственное имение, лишились оного во время междоусобных войн, то он разделил с ними вторично доставшийся ему участок.

3. *Ливию* — греки сим именем называли Африку, но здесь под оным Гораций означает особенно страну, заключающую Карфагену.

4. *Гадисом* — Гораций названием сим означает не один остров Кадикс, лежащий близ западного берега Испании, но всю южную часть оной, как-то: Андалузию и прочее.

5. *обе Пунии* — то есть Африканскую и Испанскую Карфагены.

6. *Фраата* — сей парфянский царь умертвил отца своего, тридцать братьев и старшего своего сына. Он был изгнан подданными своими, восстановлен скифами и вновь возведен на трон Тиверием.

7. *Киров трон* — то есть царство парфянское, которым владел Кир.

БОГАТОМУ СОСЕДУ

Кн. II, ода XVIII

Non ebur neque aureum
    mea renidet in domo lacunar,
non trabes Hymettiae
    premunt columnas ultima recisas

Africa, neque Attali
    ignotus heres regiam occupavi,
nec Laconicas mihi
    trahunt honestae purpuras clientae.

At fides et ingeni
    benigna vena est, pauperemque dives
me petit; nihil supra
    deos lacesso, nec potentem amicum

largiora flagito,
    satis beatus unicis Sabinis.
Truditur dies die,
    novaeque pergunt interire lunae;

tu secanda marmora
    locas sub ipsum funus et sepulcri
immemor struis domos
    marisque Bais obstrepentis urges

submovere litora,
    parum locuples continente ripa.
Quid, quod usque proximos
    revellis agri terminos et ultra

limites clientium
    salis avarus? Pellitur paternos
in sinu ferens deos
    et uxor et vir sordidosque natos.

Nulla certior tamen
    rapacis Orci fine destinata
aula divitem manet
    erum. Quid ultra tendis? Aequa tellus

pauperi recluditur
    regumque pueris, nec satelles Orci
callidum Promethea
    revexit auro captus. Hic superbum

Tantalum atque Tantali
    genus coercet, hic levare functum
pauperem laboribus
    vocatus atque non vocatus audit.

Ни слоновою костью, ни золотом не сияет потолок в доме моем; гиметские перекладины не тяготят столбов, иссеченных в отдаленнейшей Африке; безвестный наследник, не занял я чертогов Аттала; и благородные причетницы не прядут мне лаконийского багреца, но верность и обильный дар ума — мой удел; убогого меня ищет богатый. Ничего более у богов не прошу и от могущего друга не домогаюсь больших щедрот, одним Сабином счастлив довольно. День днем прогоняется, и новые луны спешат погаснуть; ты же рассекать мраморы нанимаешь под час самого погребения и, не помышляя о гробе, зиждешь чертоги; принуждаешь подвинуть берега моря, шумящего в Байях; не довольно богат твердою землею. Но что? Ты даже исторгаешь межевые знаки соседнего поля и за грани причетников перескакиваешь, скупец. Изгоняется жена и муж, носящий в лоне своем отеческих богов и детей в рубищах. Нет, однако ж, вернейшего жилища богатому владельцу, как назначенная обитель хищного Орка. Почто же стремишься далее? Равно земля отверзает недра свои нищему и отрокам царей; спутник Орка, плененный златом, не перевез обратно хитрого Промефея; он удерживает высокомерного Тантала и племя Танталово в заключении; и, дабы облегчить окончившего труды свои убогого, званый или незваный, внимает ему.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. гиметские — гора Гимет находится в Аттике.[1]

2. Аттала — Гораций, вероятно, говорит здесь о Аристонике, который после смерти Аттала, царя Пергамского, назвался сыном Эвмена, овладел государством, разбил Лициния Красса, которого римляне послали против его, а наконец был побежден Перпенною, приведен в Рим и удавлен в темнице.

3. причетницы — см. выше, стр⟨аница⟩ 117, прим⟨ечание⟩ 4, «Ничтожество богатств».

4. лаконийского — сей багрец, самый лучший из европейских, отыскивали в Лаконийском заливе между Тенарским и Малейским мысами, на южном берегу Пелопоннеса.

5. Сабином — см. выше, стр⟨аницы⟩ 119—120, прим⟨ечание⟩ 16, «Ничтожество богатств».

6. в Байях — озере, омывающем Кампанийские берега в соседстве Лукринского и Авернского озера.

7. Орка — название Плутона, главного адского божества, и самого ада.

8. спутник Орка — Харон, который перевозит в ад души умерших.

9. Промефея — он был сын Япета и Климены. По наставлению Минервы, приставя светоч к солнечной колеснице, похитил он небесный огнь и даровал смертным. В наказание за таковое святотатство Юпитер приковал его к горе Кавка-

зу и повелел ястребу терзать печень его. Он был освобожден Геркулесом. Гораций, подражая Аристоту,[2] переместил его в ад.

10. Тантала и племя Танталово — Тантал, царь Ливии, желая испытать всеведенье богов, представил им в снедь сына своего Пелопса. В наказание за то осужден он в аде сидеть, в реке погруженный до самых уст, от которых при томительной жажде вечно струя утекает. Атрей, Тиест, Агамемнон и прочие суть его потомки.

СКРОМНАЯ БЕСПЕЧНОСТЬ

Кн. III, ода XXIX

Tyrrhena regum progenies, tibi
non ante verso lene merum cado
cum flore, Maecenas, rosarum et
pressa tuis balanus capillis

iamdudum apud me est. Eripe te morae,
ne semper udum Tibur et Aefulae
declive contempleris arvum et
Telegoni iuga parricidae.

Fastidiosam desere copiam et
molem propinquam nubibus arduis;
omitte mirari beatae
fumum et opes strepitumque Romae.

Plerumque gratae divitibus vices,
mundaeque parvo sub lare pauperum
cenae sine aulaeis et ostro
sollicitam explicuere frontem.

Iam clarus occultum Andromedae pater
ostendit ignem, iam Procyon furit
et stella vesani Leonis,
sole dies referente siccos,

iam pastor umbras cum grege languido
rivumque fessus quaerit et horridi
dumeta Silvani caretque
ripa vagis taciturna ventis.

Tu civitatem quis deceat status
curas et urbi sollicitus times
quid Seres et regnata Cyro
Bactra parent Tanaisque discors.

Prudens futuri temporis exitum
caliginosa nocte premit deus
ridetque, si mortalis ultra
fas trepidat. Quod adest memento

componere aequus; cetera fluminis
ritu feruntur, nunc medio alveo
cum pace delabentis Etruscum
in mare, nunc lapides adesos

stirpisque raptas et pecus et domos
volventis una, non sine montium
clamore vicinaeque silvae,
cum fera diluvies quietos

irritat amnis. Ille potens sui
laetusque deget cui licet in diem
dixisse: «Vixi». Cras vel atra
nube polum Pater occupato

vel sole puro; non tamen irritum,
quodcumque retro est efficiet, neque
diffinget infectumque reddet
quod fugiens semel hora vexit.

Fortuna saevo laeta negotio et
ludum insolentem ludere pertinax
transmutat incertos honores,
nunc mihi, nunc alii benigna.

Laudo manentem; si celeris quatit
pennas, resigno quae dedit et mea
virtute me involvo probamque
pauperiem sine dote quaero.

Non est meum, si mugiat Africis
malus procellis, ad miseras preces
decurrere et votis pacisci,
ne Cypriae Tyriaeque merces

addant avaro divitias mari;
tunc me biremis praesidio scaphae
tutum per Aegaeos tumultus
aura feret geminusque Pollux.

Давно уж для тебя, тирренских царей племя, Меценат! хранится у меня в кади, еще не вороченной, легкое вино с цветом роз и выжатым для волос твоих баланом. Расторгни препоны: не вечно на влажный Тибур, отлогие эфульски нивы[1] и холмы отцеубийца Телегона взирай; оставь скучный избыток и чертог, близкий к высоким облакам; престань любоваться дымом, богатством и шумом счастливого Рима. Весьма часто приятные богатым перемены и опрятный под малым Ларом бедных ужин без ковров и багряницы разглаживали наморщенное чело. Уже светлый отец Андромеды являет скрывавшиеся лучи; уже Прокион свирепствует и созвездие буйного Льва, и Солнце возвращает дни засухи. Уже утомленный пастух с стадом удрученным ищет тени, и ручья, и диких кустарников Сильвана; и безмолвные берега лишены перелетных ветерков: ты же печешься о том, какое положение царству прилично, и, заботясь о граде, страшишься того, что серры, и подвластная Киру Бактрия, и несогласный Танаис замышляют. Премудрый бог событие будущего времени мрачною ночью покрывает и смеется, если смертный выше меры трепещет. Настоящее не забывай устроить благоразумно;

прочее стремится по подобию реки, то среди ложа с миром упадающей в Этрусское море, то подмытые камни и древа отторженные, и стада, и домы вместе катящей не без треска гор и окрестного леса, когда яростное наводнение спокойные воды раздражает. Тот властвует собою и весело поживет, кто может сказать: я сегодни жил. Завтра, хотя отец богов застелет свод неба мрачным облаком, хотя чистым солнцем озарит, но прошедшего несбывшимся не учинит, не разделает и не уничтожит того, что унес уже летящий час. Фортуна, жестокому делу радующаяся, забавляясь буйственною игрою, переменяет непостоянные почести, то мне, то другому благоприятствуя. Хвалю пребывающую; взмахнет ли быстрыми крылами, спокойно возвращаю дары и, добродетелью моею прикрывшись, честного без вена убожества ищу. Я не обык, когда ревет мачта африканскими бурями, прибегать к жалким мольбам и договариваться обетами, чтоб кипрские и тирские сокровища не преумножили богатств скупого моря: тогда меня под защитою двувесельного челна Авр и с близнецом Поллукс безопасно перенесут через эгейские волны.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *царей Тирренийских* — Меценат происходил из знатного тосканского роду. 〈См. ниже, с. 250, примеч. 1 к оде «Предпочтение стихотворства»〉.

2. не вороченный — иные думают, что это значит «не начатый», а по мнению г-на Дасье, «не опорожненный». Но Гораций остатками не мог приманивать благодетеля своего.

3. баланом — в Египте и в Эфиопии находится дерево, с которого собирали род желудя, называемого миробаланом, и выдавливали из оного приятное душистое масло.

4. Тибур, или Тиволи, — в двенадцати милях от Рима. Ручей Анио, нынешний Теверон, орошал его. Городок сей построен был греком Тибурном, переселившимся из Аргоса в Италию с двумя братьями своими. Гораций имел там небольшой дом и дачу.

5. эфульские — небольшой город близ Тибура, построенный на покате горы.[2]

6. Телегон — он был сын Улисса и Цирцеи. Желая посетить отца своего, прибыл он в Ифаку ночью. Когда стражи не пущали его в дом, то произошла драка. Улисс, прибежавши на помощь своим, был убит Телегоном, не познавшим его. Убийца, спасаясь бегством, приплыл к Италии и там близ Рима на небольшой горе построил город Тускул.

7. отец Андромеды — Кефей, эфиопский и финикийский царь, отец Андромеды, помещен в число созвездий. Он находится у хвоста меньшой Медведицы и восходит девятого июля.

8. Прокион — имя сие по-гречески значит «Предпесий».[3] Созвездие сие восходит перед каникулами в половине июля.

9. буйного Льва — Гораций, по-видимому, хотел означить оным каникулы, начинающиесь при вступлении Солнца в созвездие Льва.

10. Сильвана — древние признавали трех Сильванов; одного — хранителя домов, другого — оберегателя садов, третьего — покровителя стад, который был то же, что Пан или Фавн. На Руси известны первые два под названием домовых и леших, а панов знают только в Польше и Малороссии. ⟨См. также выше, с. 143, примеч. 3 к оде «Похвала сельской жизни», и ниже, с. 170, примеч. 5 к оде «Весна»⟩.

11. серры — народ скифский, обитавший между Индиею и Восточным морем. Предупреждая войну с римлянами, прислали они к Августу послов с прошением мира.

12. Бактра — столица Бактрианы, выше парфян, между реками Оксом и Окхом лежащая. Древле находилась она под державою Кира.

13. Танаис — река Дон, при котором скифы обитали.

14. Этрусское море, или море Тосканское.

15. кипрские и тирские — города — Кипр на острове сего имени к востоку Средиземного моря, а Тир — столица Финикии, были весьма богатые торговые города.

16. Авр — так назывался самый приятный и тихий ветер.[4]

17. Поллукс — Леда, жена Тиндарова, от Юпитера родила близнецов Кастора и Поллук-

са. Древние за них принимали воздушные огни, которые почитали они даже звездами, суеверствуя, что ежели два таковые метеоры показывались вдруг, то предзнаменовали тихую погоду, а явление одного — приближение бури.

18. эгейские волны — Эгейское море, разделяющее Грецию от Малой Азии. Оно получило имя свое от царя Афинского Эгея, отца Тезеева, который в оном утопился.

СПОСОБ К ДОВОЛЬСТВУ

Кн. III, ода XVI

Inclusam Danaen turris aenea
robustaeque fores et vigilum canum
tristes excubiae munierant satis
    nocturnis ab adulteris,

si non Acrisium, virginis abditae
custodem pavidum Iuppiter et Venus
risissent: fore enim tutum iter et patens
    converso in pretium deo.

Aurum per medios ire satellites
et perrumpere amat saxa potentius
ictu fulmineo: concidit auguris
    Argivi domus ob lucrum

demersa exitio; diffidit urbium
portas vir Macedo et subruit aemulos
reges muneribus; munera navium
    saevos inlaqueant duces.

Crescentem sequitur cura pecuniam
maiorumque fames. Iure perhorrui
late conspicuum tollere verticem,
    Maecenas, equitum decus.

Quanto quisque sibi plura negaverit,
ab dis plura feret. Nil cupientium
nudus castra peto et transfuga divitum
    partis linquere gestio,

contemptae dominus splendidior rei
quam si, quicquid arat impiger Apulus,
occultare meis dicerer horreis,
    magnas inter opes inops.

Purae rivus aquae silvaque iugerum
paucorum et segetis certa fides meae
fulgentem imperio fertilis Africae
    fallit sorte beatior.

Quamquam nec Calabrae mella ferunt apes,
nec Laestrygonia Bacchus in amphora

languescit mihi nec pinguia Gallicis
crescunt vellera pascuis,

importuna tamen pauperies abest,
nec, si plura uelim, tu dare deneges.
Contracto melius parva cupidine
vectigalia porrigam

quam si Mygdoniis regnum Alyattei
campis continuem. Multa petentibus
desunt multa; bene est cui deus obtulit
parca quod satis est manu.

Заключенную Данаю медная башня и крепкие двери и бдительных псов заунывная стража ограждали довольно от ночных любовников, если б Акризию, скрываемой девы робкому охранителю, Юпитер и Венера не насмеялись; ибо безопасен бывает и открыт путь богу, превращенному в злато. Золото посреди стражей проходит и, быв сильнее громового удара, любит раздроблять камни. Пал аргивского прорицателя дом, чрез корыстолюбие погруженный в погибель. Царь македонский отверзал врата градов и низвергал соперников-царей дарами; дары уловляли жестокосердых вождей корабельных. За возрастающим богатством следует забота и жажда большего. По справедливости страшился я подъять главу далекоблистающую, о Меценат, краса всадников!

11 Зак. 3682

Чем больше кто себе отказывает, тем больше от богов получает. В стан ничего не ищущих иду наг; и, переметчик, сторону богатых оставляя, радуюсь. Властелин презираемого имущества, я знаменитее, чем если бы все, что сожинает трудолюбивый апулиец, в житницах своих поместил, при великом богатстве будучи убогим. Источник чистыя воды, лесок в несколько десятин и верная надежда жатвы доставляет большее блаженство, безвестное блистающему властию над плодоносною Африкою. Хотя ни калабрские пчелы не носят мне меда, ни Вакх не стареет в сосудах лестригонских, ни тучные на галльских паствах не растут мне руны; но и беспокойная нищета удалена от меня, и, если б пожелал я большего, ты не отказался бы дать мне; но, уменьшив прихоть, я лучше заплачу малые подати, чем если бы мигдонийские поля Алия новым царством увеличил. Многого желающему многого недостает; блажен, кому бог бережною рукою дает, что для него довольно.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Данаю* — Акризий, аргосский царь, быв извещен оракулом, что будет умерщвлен внуком своим, взял предосторожность, чтоб дочь его Даная не имела детей, и для сего заключил ее в медную неприступную башню. Юпитер сошел в оную золотым дождем, и царевна родила от него Персея.

2. аргивского прорицателя — Амфиарай женат был на сестре Адраста, царя аргосского. Быв искусным прорицателем, знал он, что погибнет при осаде Фив, и для того не хотел туда следовать с Адрастом и Полиником. Сей, подаря жене Амфиарая золотое с дорогими камнями монисто, преклонил ее убедить своего мужа к походу противу Фив, под стенами коего в первый день сражения был он поглощен землею, развергшеюся под его колесницею. Все племя его погибло, ибо Алкмеон убил мать свою Эрифилу и был умерщвлен ее братьями. Амфилох, вторый сын Амфиарая, погиб под Фивами, и так скупость одной женщины все семейство сие истребила.

3. Царь македонский — Филипп, отец Александра Великого.

4. всадников — известно, что в Риме было три сословия; патрикии, или сенаторы, всадники, их было великое число, они составляли самую большую силу войска, иногда были производимы в сенаторы. Правительство давало каждому и содержало для военной службы лошадь со всем прибором. Третье состояние было плебеяне, или простолюдины.

5. апулейцы — жители италианской области Апулии, родины Горациевой, были весьма трудолюбивые хлебопашцы.

6. калабрски пчелы — мед тарантский в Калабрии почитался самым лучшим.

7. Вакх — бог вина. Гораций поставляет здесь изобретателя вместо вещи, то есть вина.

8. лестригонских — утверждали, что народ сей обитал древле в Сицилии, потом поселился в Кампанийской области, между Каеты и Минтурна и что по его имени Формия называлась Лестригониею.

9. галльские паствы — Гораций означает здесь страну Галлии, за рекою По к северу простирающуюся.

10. мигдонийское царство — оно составляло часть Фригии и державу славного в древности богатствами и длинными ушами царя Мидаса.

11. Алиатовыми — Гораций означает здесь известного превратностию счастия Креза, царя лидийского, сына Алиатова.[1] Он почитался самым богатейшим царем в свете.

СУДЬБА

Кн. I, ода XXXIV

Parcus deorum cultor et infrequens,
insanientis dum sapientiae
consultus erro, nunc retrorsum
vela dare atque iterare cursus

cogor relectos. Namque Diespiter,
igni corusco nubila dividens

plerumque per purum tonantis
egit equos volucremque currum,

quo bruta tellus et vaga flumina
quo Styx et invisi horrida Taenari
sedes Atlanteusque finis
concutitur. Valet ima summis

mutare et insignem attenuat deus
obscura promens; hinc apicem rapax
Fortuna cum stridore acuto
Sustulit, hic posuisse gaudet.

Редко и неусердно воздавая честь богам, блуждал я, следуя буйной мудрости; ныне принужден обратно поворотить парусы мои и вступить в оставленный мною путь; ибо отец богов, горящею молниею рассекая облака, часто по ясному небу стремил гремящих коней и крылатую колесницу, от чего тягота земли и быстрые реки, от чего Стикс и страшное жилище ненавистного Тенара и конец Атлант потрясаются. Бог может пременить низкое на высокое и, смиряя превознесенное, выставляет безвестное наперед. Хищная Фортуна с резким треском срывает отсюда вершину, а здесь, полагая, радуется.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *часто по ясному небу* — это было хорошее предзнаменование.

2. *Стикс* — адская река.

3. *Тенара* — в Пелопоннесе, на Лаконийском мысе, скала, в которой находилась весьма глубокая пещера, ведущая, по мнению суеверов, ко вратам ада.

4. *Атлант* — гора сия полагается близ западных берегов Африки и Марокской области.

5. *острую вершину* — иные думают, что Гораций под сим словом разумеет остроконечную царскую шапку скифов и в виду имеет Фраата или Тиридата. См. выше, стр⟨аница⟩ 147, прим⟨ечание⟩ 6, «Против златолюбия».

ПРИЗЫВАНИЕ ВЕНЕРЫ

Кн. I, ода XXX

O Venus regina Cnidi Paphique,
sperne dilectam Cypron et vocantis
ture te multo Glycerae decoram
transfer in aedem.

Fervidus tecum puer et solutis
Gratiae zonis properentque Nymphae
et parum comis sine te Iuventas
Mercuriusque.

О Венера, царица Книда и Пафоса! презри любимый Кипр и пренесись в украшенный дом Глицеры, многим фимиамом тебя призывающей. Да поспешат с тобою пламенный сын и с распущенными хариты поясами, и нимфы, и Юность, мало без тебя приятная, и Меркурий.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Пафоса и Книда* — два города на острове Кипре, Венере посвященном, в которых имела она храмы. Утверждали, что на Пафосе никогда не падал дождь, в окружности проливающийся. Город Книд был и в Карии, но вероятнее, что здесь Гораций имел в виду находящийся на Кипре.

2. *Хариты* — греческое название граций.

ВЕСНА

Кн. I, ода IV

Solvitur acris hiems grata vice veris et Favoni,
trahuntque siccas machinae carinas,

ac neque iam stabulis gaudet pecus aut arator igni,
nec prata canis albicant pruinis.

Iam Cytherea choros ducit Venus imminente luna,
iunctaeque Nymphis Gratiae decentes
alterno terram quatiunt pede, dum gravis Cyclopum
Volcanus ardens visit officinas.

Nunc decet aut viridi nitidum caput impedire myrto
aut flore, terrae quem ferunt solutae;
nunc et in umbrosis Fauno decet immolare lucis,
seu poscat agna sive malit haedo.

Pallida Mors aequo pulsat pede pauperum tabernas
regnumque turris. O beate Sesti,
vitae summa brevis spem nos vetat incohare longam;
iam te premet nox fabulaeque Manes

et domus exilis Plutonia; quo simul mearis,
quad nec regna vini sortiere talis,
nec tenerum Lycidan mirabere, quo calet iuventus
nunc omnis et mox virgines tepebunt.

Исчезает свирепая зима приятною переменою весны и Фавона; влекут рычагами осохшие суда; уже хлевы стадам не милы, а пахарю очаг; и луга седым инеем не убеляются. Уже киферейская Венера водит хороводы при появлении луны; и скромные хариты, соединяся с нимфами, попеременно

ногою ударяют в землю, меж тем как разгоряченный Вулкан жжет тяжелые наковальни циклопов. Теперь-то прилично или зеленою миртою умащенную главу венчать, или цветами, растаявшею землею произращенными; теперь-то прилично в тенистых рощах заклать Фауну, требует ли агницы, или желает лучше козленка. Бледная смерть равною толкает ногою в хижины убогих и в башни царей. О счастливый Сестий! краткое поприще жизни претит нам начинать дальную надежду. Скоро покроет тебя ночь, и баснословные тени, и тесный дом Плутона, куда вступя, не будешь ты ни по жребию избирать царя пиршеству, ни удивляться нежному Ликиду, которым ныне воспламеняются все юноши, а скоро воспламенятся девы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Фавона* — западный ветер, обыкновенно предшествует весне, и для того Овидий сказал, что начинает он веять с 5-го февраля.

2. *киферейская Венера* — она получила название сие от острова Киферы внизу Пелопоннеса, к востоку близ Малейского мыса лежащего, известного ныне под именем Цериго. Венера на острове сем имела самый древний, финикийцами построенный ей храм.

3. *Вулкан* — бог кузнецов, супруг Венеры.

4. циклопов — утверждают, что циклопы были великаны, жившие в Сицилии близ Лилибейского мыса. Г-н Бохарт[1] производит имя их от финикийского слова «кеклуб», так сказать, Лилибейский залив со стороны Ливии, но греки, желающие отыскать у себя все корни имен, думали, что циклопы названы так от греческого слова «куклос, κυκλος, круглый» и что название сие получили они оттого, что имели только один глаз во лбу. Гомер наипаче утвердил их в мнении сем; оно подало некоторым ученым повод к заключению, что циклопы носили род шапок, имеющих впереди дыру. Вообще думали, что циклопы были кователи перунов Юпитера, и Гезиод придает им имена, тому соответственные. Мимоходом скажу, что, по мнению некоторых, аравийцы под названием «кеклуб» признавали славян; огнемечущая в Сицилии гора Этна, по-видимому, заставила перенесть туда кузницу Вулкана и помощников его циклопов, а на соседственных островах поселить Эола, бога ветров, чтоб было кому раздувать огонь кузнечными их мехами.

5. Фауну — сельский бог, до пояса он имел вид человека, а ноги и уши козлиные. См. выше, стр⟨аница⟩ 158, прим⟨ечание⟩ 10, «Скромная беспечность». ⟨Ср. также ниже, с. 228—229, примеч. 11 к оде «Болящему другу»⟩.

6. Сестий — римский консул вместо Августа 730-го года от созд⟨ания⟩ Рима, столь по-

стоянный в дружестве к Бруту, что и сам Август за то уважал его.

7. *Плутона* — бога ада.

8. *царя пиршеству* — древние имели обыкновение по жребию избирать из угощаемых царя пиршества, который, как хозяин, повелевал за столом, требовал ему угодных напитков и проч.

ВОРОЖБА

Кн. I, ода XI

Tu ne quaesieris (scire nefas), quem mihi, quem tibi
finem di dederint, Leuconoe, nec Babylonios
temptaris numeros. Ut melius, quidquid erit, pati!
seu pluris hiemes, seu tribuit Iuppiter ultimam
quae nunc oppositis debilitat pumicibus mare
Tyrrhenum, sapias; vina liques et spatio brevi
spem longam reseces. Dum loquimur fugerit invida
aetas: carpe diem, quam minimum credula postero.

Не старайся узнавать, чего ведать не должно; какой мне, какой тебе конец определили боги, Левконоя! и не испытывай вычетов вавилонских; а лучше терпеть все, что ни случится. Много ли зим Юпитер пошлет, или эта будет последнею, которая в противустоящие скалы Тирренское мо-

ре устремляет. Умудрися; цеди вина и по краткому пространству усекай долгие надежды. Меж тем, как говорим, улетает завистливое время; лови день, последующему отнюдь не доверяя.[1]

ПРИМЕЧАНИЯ

1. вычетов вавилонских — вавилоняне были весьма склонны к звездословию, или к суеверному по звездам гаданию. Гораций имеет здесь в виду разные присвоенные к мнимой сей науке вычеты.

2. Тирренийское море — омывающее берега Италии, Сардинии и Сицилии. ⟨См. также выше, с. 134, примеч. 3 к оде «Против корыстолюбия»⟩.

КРАСОТА

Кн. IV, ода X

O crudelis adhuc et Veneris muneribus potens,
insperata tuae cum veniet pluma superbiae,
et quae nunc umeris involitant deciderint comae,
nunc et qui color est puniceae flore prior rosae
mutatus, Ligurinum in faciem verterit hispidam,
dices: «Heu», quotiens te speculo videris alterum,
«Quae mens est hodie, cur eadem non puero fuit,
vel cur his animis incolumes non redeunt genae?»

О жестокий до сих пор и дарами Венеры гордящийся! когда нечаянно оперится высокомерие твое; когда летающие теперь по плечам власы спадут и румянец, ныне пунической розы цвет превосходящий, изменившись, преобразит Лигурина в щетинистое лицо,[1] тогда-то скажешь ты, каждый раз увидя себя другим в зеркале: «Зачем теперешнего рассудка не имел я в детстве? Или зачем с нынешними чувствами не возвращаются юные ланиты?»

ПРИМЕЧАНИЯ

1. оперится высокомерие — то есть улетит то, чем ты теперь кичишься. Г-н Дасье говорит, что Гораций заимствовал выражение сие от греков!

2. пунической розы — римляне весьма любили цветы, и роскошь заставляла их очень дорого ценить те, которые отличны были красотою. Пуниею называлась Карфагена.[2]

НЕПОСТОЯНСТВО

(К Пирре)

Кн. I, ода V

Quis multa gracilis te puer in rosa
perfusus liquidis urget odoribus
grato, Pyrrha, sub antro?
cui flavam religas comam,

simplex munditiis? Heu quotiens fidem
mutatosque deos flebit et aspera
    nigris aequora ventis
        emirabitur insolens

qui nunc te fruitur credulus aurea
qui semper vacuam, semper amabilem
    sperat, nescius aurae
        fallacis! Miseri, quibus

intemptata nites! Me tabula sacer
votiva paries indicat uvida
    suspendisse potenti
        vestimenta maris deo.

Какой статный юноша, опрысканный благовонными влагами, прижимает тебя, о Пирра! на ложе роз в прохладном вертепе? Для кого златые плетешь ты косы в простом убранстве? Увы! сколь крат оплачет он измену верности и богов! сколь крат холмящаяся от мрачных бурь пучина приведет в изумление неопытного, который ныне, слепо доверяя, наслаждается тобою, прекрасная! который всегда тебя незанятою, всегда любезною надеется видеть, не зная обманчивых ветров. Несчастны те, которым ты, не испытанная ими, блистаешь! О мне ж обетная на священной стене доска свидетельствует, что мокрые одежды посвятил я могущему богу морей.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *на ложе роз* — изнеженные римляне часто составляли постель свою из лепестков ощипанных роз.

2. *измену верности и богов* — Венеры, Купидона, иных непостоянство известно.

3. *холмящаяся от мрачных бурь пучина* — Гораций уподобляет здесь Пирру непостоянному и бурливому морю.

4. *обетная на священной стене доска* — сию мысль заимствовал Гораций из обыкновения, которому последовали избавившиеся от кораблекрушения: они изображали в картине претерпение их, представляли прохожим для побуждения их к соболезнованию и к поданию милостыни и, наконец, вешали оную в храме того божества, которого помощи относили избавление свое.

ПЕРЕМАНКА

Кн. I, ода XVII

Velox amoenum saepe Lucretilem
mutat Lycaeo Faunus et igneam
defendit aestatem capellis
usque meis pluviosque ventos.

Impune tutum per nemus arbutos
quaerunt latentis et thyma deviae
olentis uxores mariti,
nec viridis metuunt colubras

nec Martialis haediliae lupos,
utcumque dulci, Tyndari, fistula
valles et Usticae cubantis
levia personuere saxa.

Di me tuentur, dis pietas mea
et Musa cordi est. Hinc tibi copia
manabit ad plenum benigno
ruris honorum opulenta cornu;

hic in reducta valle Caniculae
vitabis aestus et fide Teia
dices laborantis in uno
Penelopen vitreamque Circen;

hic innocentis pocula Lesbii
duces sub umbra, nec Semeleius
cum Marte confundet Thyoneus
proelia, nec metues protervum

suspecta Cyrum, ne male dispari
incontinentis iniciat manus
et scindat haerentem coronam
crinibus inmeritamque vestem.

Охотно и часто Фаун меняет Ликей на приятный Лукретил, защищая коз моих от знойного

лета и от засушливых Австров.[1] Беспечно между безопасными кустарниками ежовника[2] ищут скрывающегося тимиана жены зловонного мужа, ни зеленых не страшася змей, ни в хлеве яростных волков, когда нежная свирель по долинам и по гладким скалам пологой Устики раздается. Боги хранят меня, о Тиндарида! богам благочестие мое и Муза приятны. Здесь вдоволь припасены тебе изобильные сокровища сельских даров из щедрого рога. Здесь, в уединенной долине, ты сокроешься от зноя Каникулов и на лире тейской воспоешь томящихся по Улиссе Пенелопу и блистательную Цирцею. Здесь из невинной чаши лесвийской будешь ты пить под тенью, и неистовый Семелин сын не заведет с Марсом распрь. Здесь не будешь ты бояться наглого в ревности Кира, чтоб он на тебя, неравную в силах, дерзких не наложил рук, не разорвал вплетенного в власы венца и невинной одежды.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Фаун — см. выше, стр⟨аница⟩ 158, прим⟨ечание⟩ ⟨10⟩, «Скромная беспечность». ⟨Ср. также с. 170, примеч. 5 к оде «Весна»⟩.

2. Ликей[a] — гора в Аркадии, близ Алфея.

3. Лукретил — Сабинская гора, в соседстве которой имел Гораций небольшую дачу.

---

[a] Было: Лицей

12 Зак. 3682

4. жены зловонного мужа — то есть козла.

5. Устики — Гора Сабинская близ дома Горациева.

6. о Тиндарида! — по-видимому, дочь Гратидии, противу которой в молодости своей написал Гораций сатиру, как из XVI-й оды первой книги значит. Влюбясь потом в Тиндариду, оскорбленную Киром, он переманивает ее сею одою к себе.

7. от зноя Каникулов — Каникула, звезда, которую греки называли «Псом» и «Сирием» и приписывали времени появления оной самые большие жары.

8. на лире тейской — то есть Анакреоновой, который был уроженец Тейа, ионийского города, нынешнего Сузара.

9. Пенелопу и блистательную Цирцею — первая была жена известного греческого царя Улисса, а Цирцея, сестра колхидского царя Аэта, волшебница и любовница Улиссова. Гораций называет ее стеклянною, лоснящеюся, может быть, потому, что древние, как и ныне черкасиянки, любили красить и лощить лица свои.[3]

10. из невинной чаши лесвийской — лесвийское вино было весьма слабо и приятно.

11. Семелин сын — Бахус, рожденный от Юпитера Семелою, дочерью Гермионы и Кадма, фивского царя. ⟨См. также ниже, с. 197—198, примеч. 4 к оде «Беззаботность», с. 247, примеч. 12 к оде «Другу сердца», с. 254, примеч. 2 к оде «К лире»⟩.

12. с Марсом — Марс был бог брани, сын Юпитера и Юноны.

13. Кира — о нем упоминает Гораций в XXXIII-й оде книги 1-й.

ЛЮБОВНАЯ КЛЯТВА

Кн. II, ода VIII

Ulla si iuris tibi peierati
poena, Barine, nocuisset umquam,
dente si nigro fieres vel uno
turpior ungui,

crederem; sed tu simul obligasti
perfidum votis caput, enitescis
pulchrior multo iuuenumque prodis
publica cura.

Expedit matris cineres opertos
fallere et toto taciturna noctis
signa cum caelo gelidaque divos
morte carentis.

Ridet hoc, inquam, Venus ipsa, rident
simplices Nymphae ferus et Cupido,
semper ardentis acuens sagittas
cote cruenta.

Adde quod pubes tibi crescit omnis,
servitus crescit nova nec priores
impiae tectum dominae relinquunt
saepe minati.

Te suis matres metuunt iuvencis,
te senes parci miseraeque nuper
virgines nuptae, tua ne retardet
aura maritos.

Если бы за клятвопреступление какая-нибудь казнь тебя, Барина! постигла когда-либо; если б черный зуб показался у тебя или одним ногтем безобразнее ты учинилась, я поверил бы; но лишь только изменническую голову свою обету обречешь, еще прекраснее блистаешь и юношей делаешься общею заразою. Тебе полезно скрытый прах матери обманывать, небо со всеми молчаливыми звездами ночи и хладной смерти не причастных богов. Смеется над сим, говорю, сама Венера; смеются добродушные нимфы и лютый Купидон, всегда разжженные стрелы острящий на окровавленный оселок. Притом все юношество растет для тебя; новое рабство растет; и прежние, часто угрожавшие, дома не оставляют. Тебя страшною для детей своих матери почитают, и старые скряги, и бедные новобрачные супруги, дабы блеск твой не задержал мужей их.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Барина — г-н Дасье, не признавая имени сего греческим, ни латинским, подтверждает мнение г-на Лефевра,[1] что оно должно быть написано «Эарина». Осмелюсь противу сего предложить мою догадку, не была ли сия красавица отрасль какого-либо богатого славеноруса? И точное имя ее не было ли титульное «барыня»? В предпоследнем стихе оды сей, может быть не без намерения, Гораций назвал ее «domina», однозначительно с «госпожою, барынею».

2. черный зуб — древние верили, что за ложную клятву делался или типун на языке, или зубы чернели, или бородавка на носу вырастала.

3. и праха матери — древние обыкновенно клялись прахом родителей, богами, небом и землею.

БЕЗОПАСНОСТЬ

Кн. I, ода XXII

Integer vitae scelerisque purus
non eget Mauris iaculis neque arcu
nec venenatis gravida sagittis,
Fusce, pharetra,

sive per Syrtis iter aestuosas,
sive facturus per inhospitalem

Caucasum vel quae loca fabulosus
lambit Hydaspes.

Namque me silva lupus in Sabina
dum meam canto Lalagen et ultra
terminum curis vagor expeditis,
fugit inermem,

quale portentum neque militaris
Daunias latis alit aesculetis,
nec Iubae tellus generat, leonum
arida nutrix.

Pone me pigris ubi nulla campis
arbor aestiva recreatur aura
quod latus mundi nebulae malusque
Iuppiter urget,

pone sub curru nimium propinqui
solis in terra domibus negata:
dulce ridentem Lalagen amabo
dulce loquentem.

Непорочно живущий и злодейству не причастный не имеет нужды ни в маврийских стрелах, ни в луке, ни в туле,[1] отягченном ядовитыми стрелами, хотя бы, о Фуский! по знойным, зыбучим

пескам, хотя бы проходил по негостеприимному Кавказу или по местам, омываемым баснословным Гидаспом; ибо от меня безоружного в лесу сабинском, когда, воспевая Лалагу мою и бродя беспечно, перешел я за грань, волк убежал. Такого чудовища ни военная Давния не питает в пространных дубравах своих, ни страна Юбы не рождает, знойная кормилица львов. Всели меня там, где в леностных степях никакое древо теплым ветерком не оживляется, в страну света, которую туманы и злобный Юпитер тяготят; всели под самую колесницу Солнца, в землю, к обиталищам не способную, я буду любить приятно улыбающуюся, приятно говорящую Лалагу.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *в маврийских стрелах* — мавры были весьма искусные копьеметатели и стрелки.

2. *ядовитыми стрелами* — мавры, как многие другие свирепые народы, напояли ядом стрелы свои. Удивительно, как гишпанцы не принесли и сего яда из Америки в Европу.

3. *Фуский* — он был оратор, грамматик и пиит, тот самый, которому Гораций писал 10-е письмо 1-й книги.

4. *зыбучим пескам* — каковы суть африканские Сирты и другие внутри Африки, известные под названием песчаных морей.

5. негостеприимный Кавказ — знаменитый хребет гор, продолжающийся под разными названиями от Восточного даже до Черного моря, в древности «негостеприимным» же, «αξενος», именововавшегось.

6. баснословным Гидаспом — сия река течет в Индии и называется ныне Лобхан. Слово латинское «fabulosus», по мнению г-на Дасье, не значит здесь «баснословный», но «именитый, славный», ибо де и Плиний таким же образом назвал Атлас, «fabulosissimum Africae montem, славнейшая гора Африки». Но, может быть, благорассудительный Плиний назвал гору Атлас баснословною, подозревая, что туда она перенесена баснею.

7. сабинском — см. выше, стр⟨аницы⟩ 119—120, примеч⟨ание⟩ 16, «Ничтожество богатств».

8. Давния — страна сия есть часть Апулии, выдавшейся в Адриатическое море, где находится Сипонт и гора Гарган, ныне Монте ди С⟨ант⟩-Анжело. Вся Апулия от самнитов до Калабрии и даже вся Италия называлась Давниею.

9. Юбы — Мавритания, часть Нумидии, находилась под державою царя Юбы, в ней находилось великое множество львов и тигров.

МЩЕНИЕ ЛЮБОВНИКА

Эпод XV

Nox erat et caelo fulgebat Luna sereno
inter minora sidera,
cum tu, magnorum numen laesura deorum,
in verba iurabas mea,
artius atque hedera procera adstringitur ilex
lentis adhaerens bracchiis,
dum pecori lupus et nautis infestus Orion
turbaret hibernum mare
intonsosque agitaret Apollinis aura capillos,
fore hunc amorem mutuum.
O dolitura mea multum virtute Neaera!
Nam siquid in Flacco viri est,
non feret adsiduas potiori te dare noctes
et quaeret iratus parem,
nec semel offensae cedet constantia formae,
si certus intrarit dolor.
et tu, quicumque es felicior atque meo nunc
superbus incedis malo,
sis pecore et multa dives tellure licebit
tibique Pactolus fluat,
nec te Pythagorae fallant arcana renati
formaque vincas Nirea,
heu, heu, translatos alio maerebis amores;
ast ego vicissim risero.

Ночь длилась, и луна в ясном небе блистала между меньшими звездами, когда, великих богов власть оскорбляющая, клялася ты, повторяя слова мои и нежными руками прижимая меня крепче, нежели плющ обвивает великие дубы: пока волк страшен будет овцам, и Орион, плавателям ужасный, не перестанет возмущать зимнего моря, пока нестриженые волоса Аполлона Зефир возвевать будет, до тех пор продлится взаимная наша любовь. О! сколько потерпишь ты от моей твердости, Неера! ибо, ежели в Флакхе мужество осталось, то не потерпит он, чтобы ты любезнейшему все ночи освещала. В гневе изберет себе соответствующую страсти его любовницу и, сколько ты уж ни сокрушайся, оставит навсегда оскорбившую его красу. А ты, счастливейший и гордящийся ныне горестию моею, сколь ты стадами и пространнейшими землями ни богат, хотя бы у тебя Пактол протекал, и все таинства двукратно рождавшегося Пифагора тебе открыты были, хотя бы ты красотою превосходил Нирея, увы! скоро оплачешь изменническую любовь, и тогда-то в очередь мою я буду смеяться над тобою.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. повторяя слова мои — у римлян было обыкновение произносить клятву, повторяя точно слова заставляющего чинить оную.

2. Орион — один из гигантов, сыновей Земли,[1] был великий зверолов; по смерти он помещен в число созвездий. Восход его в начале марта, а захождение в конце ноября.

3. нестриженые волоса Аполлона — бога сего всегда представляют с длинными волосами, чем отличается он от всех богов. Может быть, хотели древние сим изобразить, что Солнце, которым после Аполлона признавали, никогда не стареется. Детям, приходящим в юношеский возраст, в Греции и Риме всегда остригали волоса.

4. Пактол — лидийская река, из горы Тмола истекающая, которая соединяяся с Гермом, впадает в Эгейское море между городом Смирною и Фоцеей. Во времена Креза с струями Пактола мешался золотой песок, собиранием которого обогатился царь сей.

5. двукратно рождавшийся Пифагор — сей мудрец уверял, что прежде он был Эфорбом на войне троянской, и доказывал сие тем, что узнал щит свой, посвященный Менелаем в Аргосе в храме Юноны.

6. Нирея — царь острова Накса, сын Харопса и Аглаи, был прекраснее всех, кроме Ахиллеса.

СПОСОБ УТЕШЕНИЯ

Эпод XIII

Horrida tempestas caelum contraxit, et imbres
nivesque deducunt Iovem; nunc mare, nunc silvae
Threicio Aquilone sonant. Rapiamus, amici,
occasionem de die, dumque virent genua
et decet, obducta solvatur fronte senectus.
Tu vina Torquato move consule pressa meo.
Cetera mitte loqui: deus haec fortasse benigna
reducet in sedem vice. Nunc et Achaemenio
perfundi nardo iuvat et fide Cyllenea
levare diris pectora sollicitudinibus,
nobilis ut grandi cecinit Centaurus alumno:
«Invicte, mortalis dea nate puer Thetide,
te manet Assaraci tellus, quam frigida parvi
findunt Scamandri flumina lubricus et Simois,
unde tibi reditum certo subtemine Parcae
rupere, nec mater domum caerula te revehet.
illic omne malum vino cantuque levato,
deformis aegrimoniae dulcibus adloquiis».

Ужасная буря сжала небо; дожди и снег низводят Юпитера; то море, то леса шумят фракийским Аквилоном. Похитим, друзья! случай у дня, пока юнеют колена, и, пока прилично, прогоним с нахмуренного чела старость. Подай вино, ты,

при моем консуле Торквате выжатое; о прочем перестань говорить: может быть, бог даст сему благоприятный оборот. Теперь приятно умаститься ахеменейскими духами и от тяжких забот сердце цилленейскою лирою облегчить. Так доблестный кентавр пел великому питомцу: «Непобедимый смертный, богинею рожденный, сын Фетиды! тебя ждет ассаракийская страна, которую протекает хладный поток скудного Скамандра и быстрый Симоис, но парки до возврата твоего прервут отмеряемую нить; и голубая твоя мать не пренесет тебя в дом: там всякую скорбь облегчай вином и пением, сладкими собеседниками в безобразной печали».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *низводят Юпитера* — древние стихотворцы означали иногда ненастье Юпитером. Известно, что в относительном смысле они принимали его за воздух, а дождь и снег есть существенно не что другое, как воздух, преобратившийся в лиющуюсь или затверделую влагу, и так падающий дождь и снег увлекают с собою Юпитера, для сего-то Вергилий в 7-й эклоге говорит:

Jupiter et laeto descendet plurimus imbri.

Юпитер снийдет в приятном и весьма обильном дожде.

2. фракийский Аквилон — Фракия простиралась вдоль гор, от востока к проливу Константинопольскому продолжающихся. Аквилон был для греков и Италии северо-восточный весьма свирепый ветр.

3. консуле Торквате — Гораций родился во время консульства Манлия Торквата. Римляне имели обыкновение означать вино свое именами консулов, управлявших республикою в тот год, когда оно выдавливаемо было.

4. ахеменейскими духами — см. выше, стр⟨аница⟩ 119, прим⟨ечание⟩ 14, «Ничтожество богатств».

5. цилленейскою лирою — Гораций называет ее цилленейскою, потому что Меркурий рожден в Аркадии на горе Циллене.[1] Не понимаю, почему присвояет он лиру Меркурию, а в X-й оде кн. 1-й присвояет ему изобретение оной. Г-н Дасье удостоверяет, что это потому, что ханаанцы и финикийцы были изобретатели лиры, кинирою на их языке называемою. Жаль, что Аполлон лишается преимущества сего.[2]

6. кентавр — кентавры жили на горах фракийских.[3] Хирон, о котором Гораций здесь говорит, был между ими знаменитейший мудростию и правосудием, для сего-то посылали к нему на воспитание многих царских детей, как-то: Язона, Геркулеса, Ескулапа, Ахилла и проч.

7. сын Фетиды — Ахилл был сын Пелея и Фетиды, богини морей.

8. ассаракийская страна — Фригия, в которой царствовал Ассарак, сын Троса, от которого Троя заимствовала свое имя.

9—10. Скамандра — Симоис, две небольшие реки близ Трои. Соединяясь, впадают они в Геллеспонт неподалеку от Сигейского мыса.

11. Парки — дочери Эрева и Ночи или Юпитера и Фемиды, их было три, Клото, Лахеза и Атропа; первая держала прядиво, вторая пряла, а третья отрезала нить человеческой жизни.

12. голубая мать — caerula, синеватая, так называли Фетиду по синеватому цвету моря.

РАСЧЕТЛИВОЕ УГОЩЕНИЕ

Кн. IV, ода XII

Iam veris comites, quae mare temperant,
impellunt animae lintea Thraciae,
iam nec prata rigent, nec fluvii strepunt
hiberna niue turgidi.

Nidum ponit Ityn flebiliter gemens,
infelix avis et Cecropiae domus
aeternum opprobrium, quod male barbaras
regum est ulta libidines.

Dicunt in tenero gramine pinguium
custodes ovium carmina fistula

delectantque deum, cui pecus et nigri
colles Arcadiae placent

Adduxere sitim tempora, Vergili,
sed pressum Calibus ducere Liberum
si gestis, iuvenum nobilium cliens,
nardo vina merebere.

Nardi parvus onyx eliciet cadum,
qui nunc Sulpiciis accubat horreis,
spes donare novas largus amaraque
curarum eluere efficax.

Ad quae si properas gaudia, cum tua
uelox merce veni; non ego te meis
inmunem meditor tinguere poculis,
plena dives ut in domo.

Verum pone moras et studium lucri,
nigrorumque memor, dum licet, ignium
misce stultitiam consiliis brevem;
dulce est desipere in loco.

Уж спутники весны, ветры фракийские, усмирители морей, паруса надувают; уже не замерзают поля, и реки не шумят, зимним снегом наполненные. Уже вьет гнездо несчастная птица, о Итисе

жалобы воздыхающая и явный позор Кекропову дому наносящая за то, что жестоко отомстила варварскому царей любострастию. На нежной траве лежа, тучных стражи овец поют песни на свирели и веселят бога, которому стада и тенистые холмы Аркадии любезны. Время пришло попить, Вергилий! но, если ты выжатое в Калесе пить вино желаешь, о юношей благородных прислужник, то нардом вино заслужи; нарда небольшой пузырек выманит целый бочонок вина, хранящегось в Сульпициевом погребу, вина, возродить приятные надежды и горечь забот усладить могущего. Итак, если хочешь попировать, то поспеши с товаром твоим явиться, ибо не расположен я без заплаты наполнять чашу твою, как в знатном доме водится. Однако же не косни и отложи попечение о корысти. Воспоминай, пока еще время есть, о мрачном костре и мешай урывками дело с бездельем: приятно и подурачиться кстате.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *ветры фракийские* — см. выше, стр⟨аница⟩ 190, прим⟨ечание⟩ 2, «Способ утешения», но Гораций здесь не о Аквилоне, но о Зефире говорит, который, по свидетельству Гомера, из Фракии же дует.

2. *несчастная птица, о Итисе жалобы воздыхающая* — Пандион, царь афинский, имел

13 Зак. 3682

двух дочерей, Прогнею и Филомелу. Старшую отдал он в замужество за Терея, фракийского царя. Чрез несколько лет царь сей выпросил у Пандиона позволение Филомеле навестить сестру свою. Возвратяся с нею в Фракию, он ее изнасильствовал, заключил в темницу и отрезал язык. Она сыскала средство известить Прогнею о несчастии своем, которая, освободя тайно сестру свою и потом в ярости умертвив сына своего Итиса, представила в яству Терею. Филомела, нечаянно явив, бросила ему на стол голову младенца. Когда злодей бросился на них с мечом, то боги превратили Прогнею в ласточку, а Филомелу в соловья, а Итиса в фазана. Вот басня. Должно заметить, что Пандион не был потомок Кекропа, первого царя афинского, но Гораций причисляет его к дому Кекропа единственно потому, что он царствовал в Афинах.

3. веселят бога — то есть Пана, он был бог пастухов, он обитал на горах и в рощах аркадийских. Его изображали, как вообще сатиров, с рогами и козлиными ногами. В Египте был он в числе главнейших богов. ⟨См. также выше, с. 158, примеч. 10 к оде «Скромная бесконечность», и с. 170, примеч. 5 к оде «Весна»⟩.

4. в Калесе — местечко вблизи от Капуи в Кампании. Вино, оттуда получаемое, почиталось наилучшим.

5. юношей благородных клеврет — г-н Дасье думает, что Гораций имеет здесь в виду Друза, Тибера и младшего Маркелла, племянника и зя-

тя Августа, им усыновленного. Может быть, Вергилий часто ходил к ним на поклоны.

6. нардом — душистое масло сие извлекаемо было из нарда, травы индийской. Оно почиталося благовоннейшим.

7. в Сульпициевом погребу — по-видимому, в оном хранились самые лучшие вина. Не можно наверно утверждать, что это был погреб. Латинское слово «horrea» означает просто «хранилище, амбар». Из многих мест Горациевых сие видеть можно, что римляне хранили вино на чердаках.

8. о мрачном костре — известно, что ⟨римляне⟩ сжигали мертвецов своих на кострах. Гораций здесь вместо костра сказал «мрачный огонь», то есть «печальный».

БЕЗЗАБОТНОСТЬ

Кн. II, ода XI

Quid bellicosus Cantaber et Scythes,
Hirpine Quincti, cogitet Hadria
divisus obiecto, remittas
quaerere, nec trepides in usum

poscentis aevi pauca. Fugit retro
levis iuventas et decor, arida
pellente lascivos amores
canitie facilem somnum.

Non semper idem floribus est honor
vernis, neque uno luna rubens nitet
vultu. Quid aeternis minorem
consiliis animum fatigas?

Cur non sub alta vel platano vel hac
pinu iacentes sic temere et rosa
canos odorati capillos,
dum licet, Assyriaque nardo

potamus uncti? Dissipat Euhius
curas edacis. Quis puer ocius
restinguet ardentis Falerni
pocula praetereunte lympha?

Quis devium scortum eliciet domo
Lyden? Eburna dic, age, cum lyra
maturet, in comptum Lacaenae
more comas religata nodum.

Что воинственный кантабер и скиф, отделенный от нас протекающим Адриатическим морем, замышляет, престань исследовать, Гирпин Квинтий! не трепещи о жизни, требующей мало на потребу. Убегает вспять игривая юность и красота, когда иссохшая седина гонит любострастие и легкий сон. Не всегда одинакова у вешних цветов прият-

ность, не одним багровая луна лицом сияет. Почто вечными умствованиями утомляешь ты слабый дух? Для чего, пока можно, не пить нам под высоким явором или сосною, лежа беспечно и увенчав седые волосы благовонными розами и ассирийским умастившись нардом? Эвий развевает съедающие заботы. Какой мальчик скорее прохладит покалы пламенного Фалерна вблизи протекающею водою? Кто приведет из дому околичною дорогою любострастную Лиду? Скажи, пусть с лирою из слоновой кости поспешит, завязав узлом небрежные волоса по обычаю лакедемонянки.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *кантабер* — народ, обитавший в Гиспании.

2. *Гирпиний Квинтий* — это тот самый, которому Гораций писал XVI-е письмо кн. 1-й.

3. *нардом* — нард произрастает в Индии; из оного составляли благовонное масло. Гораций называет оное ассирийским, потому что европейские купцы получали его из Сирии. 〈См. также выше, с. 194, примеч. 6 к оде «Расчетливое угощение»〉.

4. *Эвий* — Бахус назывался «Εὐάν, Эван и Эвий» по восклицанию ба〈к〉ханток «Эвоэ», в честь его произносимому. 〈См. также выше, с. 178, примеч. 11 к оде «Переманка», и ниже, с. 247,

примеч. 12 к оде «Другу сердца», с. 254, примеч. 2 к оде «К лире»〉.

5. *Фалерна* — см. выше, стр〈аница〉 119, примеч〈ание〉 13, «Ничтожество богатств».

ДРУГУ МОЕМУ

Кн. I, ода IX

Vides ut alta stet nive candidum
Soracte, nec iam sustineant onus
silvae laborantes geluque
flumina constiterint acuto?

Dissolve frigus ligna super foco
large reponens atque benignius
deprome quadrimum Sabina,
o Thaliarche, merum diota.

Permitte divis cetera, qui simul
stravere ventos aequore fervido
deproeliantis, nec cupressi
nec veteres agitantur orni.

Quid sit futurum cras, fuge quaerere et,
quem Fors dierum cumque dabit, lucro
appone, nec dulcis amores
sperne puer neque tu choreas,

donec virenti canities abest
morosa. Nunc et campus et areae
lenesque sub noctem susurri
conposita repetantur hora,

nunc et latentis proditor intimo
gratus puellae risus ab angulo
pignusque dereptum lacertis
aut digito male pertinaci.

Ты видишь, как в глубоком снегу стоит белый Соракт; уже не держат бремени отяготевшие леса, и острым морозом остановлены реки. Прогоняй холод, о Талиарх! обильно на очаг накладывая дрова, и щедрее из сабинского ушата выливай четырехлетнее вино; прочее оставь богам, которые, как скоро усмирят ветры, на кипящем море борющиеся, то ни кипарисы, ни древние вязы не колеблются. Что завтра будет, не пекися узнавать и каждый день, судьбою дарованный, причисляй к прибытку. Не презирай, юноша! ни сладкия любви, ни хороводов, пока от молодого тебя еще удалена угрюмая седина. Теперь и Марсово поле, и площадь, и тихие в условленный час ночные шептания должны привлекать тебя; теперь и приятный смех, изменяющий девице, скрывающейся в удаленном уголке, и залог, снимаемый с руки или с слабоупорного перста.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Соракт — гора близ Рима в области фалиской,[1] теперь называемая Монте-сан-Сильвестро или, испорченным именем, Монте-Тресто.

2. Талиарх — по-гречески слово «θαλιαρχος» значит «начальник пиршества», чаятельно, однако ж, что это было имя собственное.

3. сабинского ушата — латины называли оный «диота», или «двуухий», потому что имел две рукоятки. Величиною был он в квадратный фут, то же что «квадрамтал» и «амфора». Гораций называет его сабинским по сабинской стране, где их делали.

4. Марсово поле — см. выше, стр⟨аница⟩ 117, примеч⟨ание⟩ 3, «Ничтожество богатств». Обширная площадь, на которой упражнялось римское юношество в разных играх борьбе и беганье.

УМЕРЕННОСТЬ

Кн. II, ода X

Rectius vives, Licini, neque altum
semper urgendo, neque, dum procellas
cautus horrescis, nimium premendo
litus iniquum.

Auream quisquis mediocritatem
diligit, tutus caret obsoleti
sordibus tecti, caret invidenda
sobrius aula.

Saepius ventis agitatur ingens
pinus et celsae graviore casu
decidunt turres feriuntque summos
fulgura montis.

Sperat infestis, metuit secundis
alteram sortem bene praeparatum
pectus. Informis hiemes reducit
Iuppiter, idem

summovet. Non, si male nunc, et olim
sic erit: quondam cithara tacentem
suscitat Musam neque semper arcum
tendit Apollo.

Rebus angustis animosus atque
fortis appare; sapienter idem
contrahes vento nimium secundo
turgida vela.

Благополучнее жить будешь, о Лициний! ни всегда на глубину пущаясь, ни с предосторожностию страшася бури, слишком близко теснясь к неверному берегу. Кто любит златую средину, тот в безопасности чужд нищеты, ветхой хижины и, умеренный, чужд завидного чертога. Чаще колеблется ветрами высокая сосна; с большим стремлением валятся вознесенные башни, и громы разят вершины гор. В злополучии надеется, а в счастии страшится другого жребия благоуготованное сердце. Юпитер возвращает безобразные зимы, он же и отгоняет их. Нет, если худо ныне, то не всегда так будет: иногда лирою пробуждает Аполлон молчащую Музу и не беспрестанно напрягает лук. Являйся тверд и мужествен в горестном случае; но также благоразумно при слишком благоприятном ветре опускай надутые паруса.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Лициний* — одни думают, что это был претор М⟨арк⟩ Лициний Красс, державший сторону молодого Помпея и Антония против Авгу-

ста в надежде, что помощию их получит консульство. Другие с большею достоверностью утверждают, что сия ода надписана Лицинию Варру Мурене, брату Прокулея и Теренции, жены Меценатовой, тому самому, который был в заговоре против Августа с Фаннием Цепионом.

2. Напрягает лук — древние приписывали Аполлону много зол, как-то: моровую язву, голод и прочее. Гомер говорит, что стрелы бога сего причинили моровую язву в стане греков под Троею; иные изъясняют обстоятельство сие, приписывая причину болезни оной жарам, думая, что Аполлон был солнце, но я осмелюсь заметить, что Гомер различал солнце от Аполлона, именуя его, по греческому производству, от слова «απoλλυω», значит «погубитель». Он был начальник муз, и, следовательно, бог умственного света, так сказать, просвещения. Предки египетских мудрецов скрывали высокие науки от простого народа и, может статься, побуждены были к тому опытом пагубных переворотов, коими в новейшие времена одолжено человечество мнимому просвещению, выпустившему, как из студенца бездны, легионы пругов, милицию Аполлионову.[1] Древние, позабыв истинную причину имени Аполлона, превратили божество умственного света в солнце и дали повод Гомеру сказать, что стрелы Аполлона причинили в многолюдном воинском стане моровую язву, часто солнечным зноем причиняемую.

СУЕТНОСТЬ ЖИЗНИ

Кн. IV, ода VII

Diffugere nives, redeunt iam gramina campis
arboribus comae;
mutat terra vices et decrescentia ripas
flumina praetereunt;

Gratia cum Nymphis geminisque sororibus audet
ducere nuda chorus.
In mortalia ne speres, monet annus et almum
quae rapit hora diem.

Frigora mitescunt Zephyris, ver proterit aestas,
interitura, simul
pomifer autumnus fruges effuderit, et mox
bruma recurrit iners.

Damna tamen celeres reparant caelestia lunae;
non ubi decidimus
quo pater Aeneas, quo Tullus dives et Ancus,
pulvis et umbra sumus.

Quis scit an adiciant hodiernae crastina summae
tempora di superi?
Cuncta manus auidas fugient heredis, amico
quae dederis animo.

Cum semel occideris et de te splendida Minos
fecerit arbitria,
non, Torquate, genus, non te facundia, non te
restituet pietas;

infernis neque enim tenebris Diana pudicum
liberat Hippolytum,
nec Lethaea valet Theseus abrumpere caro
vincula Pirithoo.

Исчезли снега, возвращается уже зелень на полях, и на деревьях кудри; земля переменяет очередный вид; и наводняющиесь источники протекают меж берегами; Харита с нимфами и всеми сестрами осмеливается нагая водить хоры. Ничего не надейся вечного, научает тебя год и час, который похищает день, щедро нас прокормляющий. Морозы смягчаются зефирами; скоропреходящее лето прогоняет весну; и лишь только плодоносная осень рассыпает овощи, вдруг ленивая зима возвращается; но утрату небесную вознаграждают быстротекущие месяцы: мы же, нисшед туда, где благочестивый Эней, богатый Туллий и Анк находятся, будем прах и тень. Кто знает, прибавят ли вышние боги к нынешнему количеству завтрешнее время? Мой друг! все, что ты с усердием подаришь себе, из рук жадного наследника уйдет. Когда умрешь, о Торкват! и Миной произнесет над тобою торжественный приговор, ни

знатность, ни витийство, ни благочестие тебя не воскресят; ибо из подземного мрака ни Диана не освобождает целомудренного Ипполита, ни Тезей не может свергнуть летийских оков с любезного своего Пиритоя.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. благочестивый Эней — сын Анхиза и Венеры, троянский князь. Он был весьма богобоязненный человек: из пожара Трои вынес на плечах дряхлого отца своего, вывел за руку малолетнего сына и сердечно жалел, что жена его отстала и погибла. С трудом утешился он от потери ее с Дидоною и, наконец, на Лавинии женился.

2. богатый Туллий — Гораций называет Туллия Гостилия, третьего царя римского, богатым, потому что перенес он в Рим все сокровища города Альбы.

3. Анк — Анк Марций, внук Нумы и преемник Туллия Гостилия.

4. Торкват — Л⟨уций⟩ Манлий Торкват, при консульстве которого родился Гораций. Он происходил от древнего Манлия, коему присвоено имя Торквата, или Ожерельного, потому что, в сражении убив одного галла, снял он с него ожерелье. ⟨См. также выше, с. 190, примеч. 3 к оде «Способ утешения»⟩.

5. Миной — адский судья.

6. *Диана* — дочь Юпитера и Латоны, сестра Аполлона, богиня ловли. Ее почитали Луною. Хотя девица, но отправляла она должность повивальной бабки. Неизвестно, почему во времена Горация римляне приносили в Эрисийском лесу жертвы Диане купно с Гипполитом.

7. *Ипполита* — он был сын Тезея и отверг нецеломудренные предложения мачехи своей Федры. Оклеветанный ею и изгнанный отцом своим, убился, упав с колесницы, которую понесли лошади, испуганные морским чудовищем. Говорят, что Эскулапий воскресил его, но, по-видимому, легковерный Гораций отверг предание сие.

8. *Тезей* — сын Эгея, царя афинского.

9. *летийских* — Лета была адская река, с которой напившиесь теряли память.

10. *Пиритоя* — он был царь лапитов, сперва пошел войною противу Тезея, но пред самым сражением заключили вечную дружбу. Тезей и Пиритой сошли в ад для похищения Прозерпины, жены Плутона, и там попали в плен. Геркулес, сошедший туда же, чтобы похитить трехглавого пса Цербера, хотел вывесть оттоле сих двух героев. Он взял за руку Тезея, а Тезей — Пиритоя, но случившееся землетрясение разлучило сих двух друзей: один Тезей возвратился с Геркулесом.

УТЕШЕНИЕ В ГОРЕСТИ

Кн. II, ода IX

Non semper imbres nubibus hispidos
manant in agros, aut mare Caspium
vexant inaequales procellae
usque, nec Armeniis in oris,

amice Valgi, stat glacies iners
mensis per omnis, aut Aquilonibus
querqueta Gargani laborant
et foliis viduantur orni.

Tu semper urges flebilibus modis
Mysten ademptum, nec tibi Vespero
surgente decedunt amores
nec rapidum fugiente solem.

At non ter aevo functus amabilem
ploravit omnis Antilochum senex
annos, nec impubem parentes
Troilon aut Phrygiae sorores

flevere semper. Desine mollium
tandem querellarum et potius nova
cantemus Augusti tropaea
Caesaris et rigidum Niphaten,

Medumque flumen gentibus additum
uictis minores volvere vertices
intraque praescriptum Gelonos
exiguis equitare campis.

Не беспрестанно дожди из облак текут на пожатые нивы; не всегда непостоянные бури тревожат Каспийское море; на горах арменийских, о друг Валгий! не чрез все месяцы ленивый лед лежит, колеблемые Аквилоном дубы Гаргана и листьев вязы лишаются; ты же беспрерывно унылыми песнями оплакиваешь похищенного Миста. Горесть о любезном не оставляет тебя ни при восходящей вечерней заре, ни при утекающей от быстрого Солнца. Но три срока возмужаний проживший старец не беспрестанно оплакивал любезного Антилоха; не вечно родители и фригийские сестры по юном Троиле проливали слезы. Прекрати наконец нежные вопли и лучше воспоем новые Кесаря Августа трофеи и хладный Нифат, прибавленный к побежденным народам, и мидийскую реку, скромнейшие ныне волны катящую, и гелонов, разъезжающих в предписанных теснейших полях.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Валгий* — это был тот самый пиит Тит Валгий, о котором Гораций упоминает в 10-й сатире кн. 1-й. Тибулл сказал о нем, что никто бо-

14 Зak. 3682

лее его не приближился к Гомеру. Другой — Кай Валгий, был назначен консулом на место Мессалы, но в звание сие не вступил. Он был искусный грамматик, великий ритор и естествослов. Книгу о свойстве растений приписал он Августу.[1]

2. *Гаргана* — см. выше, стр⟨аница⟩ 184, примеч⟨ание⟩ 8, «Безопасность».

3. *Миста* — чаятельно, он был сын Валгия.

4. *три срока возмужаний проживший старец* — знаменитый Нестор, царь пилосский, жил более 90 лет.

5. *Антилокх* — сын его. Под Троею лишился он жизни, защищая отца своего.

6. *Троил* — он был Приямов сын и убит Ахиллесом прежде действия «Илияды»; сестры его были Креуза, Лаодика, Поликсена и Кассандра.

7. *Августа трофеи* — он отнял от парфян Армению и заставил возвратить знамена, отбитые ими у Красса и Антония.

8. *Нифат* — река в Великой Армении. Там находилась и гора сего имени, откуда истекает река Тигр.[2] Нифат значит «снежный».

9. *мидийскую реку* — Плутарх говорит, что Ефрат назывался Мидом. Есть, однако ж, другая река сего имени, которая, вытекая из Мидии, впадает в Аракс близ Персеполя.

10. *гелонов* — сей греко-скифский народ поселился в стране будинов,[3] к северу граничил с сарматами, к востоку с меланахленами, или черными.

МОРЕПЛАВАНИЕ

Кн. I, ода III

Sic te diva potens Cypri,
sic fratres Helenae lucida sidera,
ventorumque regat pater
obstrictis aliis praeter Iapyga,

navis, quae tibi creditum
debes Vergilium: finibus Atticis
reddas incolumem, precor,
et serves animae dimidium meae.

Illi robur et aes triplex
circa pectus erat, qui fragilem truci
commisit pelago ratem
primus, nec timuit praecipitem Africum

decertantem Aquilonibus
nec tristis Hyadas nec rabiem Noti,
quo non arbiter Hadriae
maior, tollere seu ponere vult freta.

Quem mortis timuit gradum
qui siccis oculis monstra natantia,
qui vidit mare turgidum et
infamis scopulos Acroceraunia?

Nequiquam deus abscidit
  prudens Oceano dissociabili
terras, si tamen inpiae
  non tangenda rates transiliunt vada.

Aaudax omnia perpeti
  gens humana ruit per vetitum nefas,
audax Iapeti genus
  ignem fraude mala gentibus intulit;

post ignem aetheria domo
  subductum macies et nova febrium
terris incubuit cohors,
  semotique prius tarda necessitas

leti corripuit gradum.
  Expertus vacuum Daedalus aera
pennis non homini datis;
  perrupit Acheronta Herculeus labor.

Nil mortalibus ardui est;
  caelum ipsum petimus stultitia neque
per nostrum patimur scelus
  iracunda Iovem ponere fulmina.

Богиня могущая Кипра, братья Елены, светозарные звезды, и ветров отец, укротивший всех прочих, кроме Япига, да управляют тобою,

о корабль! имеющий вверенным тебе в залог Вергилия; прошу тебя, к пределам Аттики принеси его невредимого и сохрани половину души моей. Тройные дубовые бревна и медные плиты ограждали сердце того, кто первый свирепому морю вверил утлую ладью и не убоялся ни стремительного Афра, боровшегося с аквилонами, ни угрюмых гиад, ни ярости Нота, могущественнейшего властителя Адрии, захочет ли поднять или укротить волны ее. Какого вида смерти убоится тот, кто сухими очами зрел плавающих чудовищ, треволнуемое море и проклинаемые Акрокеравнские скалы? Напрасно премудрый бог разделил пространным океаном земли, если буйные ладьи по запрещенным водам проплывают. Дерзающий все переносить человеческий род быстро ко всему заветному стремится: отважное Япетово племя пагубною хитростию принес огонь смертным,[1] но, как скоро из эфирного чертога был похищен, то истощающая болезнь и неизвестная дотоле недугов толпа налегла на земле и медленно приходящая прежде смерть ускорила шаги свои. В пустыне воздуха вознесся Дедал на крылиях, не данных человеку; Ираклий прешагнул чрез Ахеронт: ничего для смертных невозможного нет. Против неба самого ополчаемся мы в буйстве, и злодеяния наши не позволяют Зевесу отложить яростных перунов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Кипра* — последний остров к востоку Средиземного моря: он был преимущественно посвящен Венере, богине любви. В мореплаваниях иногда к ней молитвы воссылали, ибо вечерняя заря имя ее носила.

2. *братья Елены* — близнецы, сыны Юпитера и Леды, жены Тиндара, спартанского царя. По смерти их присвоено было им созвездие Близнецов. Признавали за них также метеорные огни; когда два вдруг показывались, то признавали сие благим предзнаменованием.

3. *ветров отец* — Эол, сын Ипотоя, царя Эолии.

4. *Япикса* — западно-северо-западный ветер.[2]

5. *Вергилия* — известный творец «Энеиды», любимец Мецената, друг Горация.

6. *Аттика* — страна, которой столица была Афины.

7. *Афра* — ⟨см. ниже, с. 240, примеч. 1 к оде «Набожность»,[a] и с. 251, примеч. 9 к оде «Предпочтение стихотворства»⟩.

8. *с аквилонами* — северный ветер, коего имя происходит от слова «aquila, орел». ⟨См. также выше, с. 190, примеч. 2 к оде «Способ утешения»⟩.

---

[a] В рукописи ошибочная отсылка к оде «Ничтожество богатств».

9. *гиад* — дочери царя Атласа. Они так неутешно оплакивали брата их Гия, растерзанного львицею, что от печали померли и превращены в созвездие, которого появление предвозвещает дождливую погоду.

10. *Нота* — южный ветер, также Австром называемый. 〈См. также ниже, с. 218, примеч. 5 к оде «Время»〉.

11. *Адрии* — Адриатическое море.

12. *Акрокеравнские* — или просто Керавнские, высокие горы в Эпире, прилежащие к восточному берегу Адриатического моря, имя их значит «громовые, перунные» от греческого слова «κεραυνος, гром».

13. *Япетово племя* — Промефей. См. выше, стр〈аницы〉 151—152, прим〈ечание〉 〈9〉, «Богатому соседу».

14. *Дедал* — сын Эвпалама, внук Эрехтея, царя афинского, был искуснейший художник. Минос, которому в Крите построил он лабиринт, заключил его в оный. Он улетел оттуда на составленных им из перьев крыльях.

15. *Ираклий* — славный Геркулес, сын Юпитера и Алкмены.

16. *Ахерон* — адская река, чрез которую переправился Геркулес для изведения Цербера, треглавого пса, стрегущего ад.

17. *Зевес* — Юпитер, сын Сатурна и Реи. Перун был его оружие.

ВРЕМЯ

Кн. II, ода XIV

Eheu fugaces, Postume, Postume,
labuntur anni, nec pietas moram
rugis et instanti senectae
adferet indomitaeque morti,

non, si trecenis, quotquot eunt dies,
amice, places inlacrimabilem
Plutona tauris, qui ter amplum
Geryonen Tityonque tristi

compescit unda, scilicet omnibus,
quicumque terrae munere vescimur,
enaviganda, sive reges,
sive inopes erimus coloni.

Frustra cruento Marte carebimus
fractisque rauci fluctibus Hadriae,
frustra per autumnos nocentem
corporibus metuemus Austrum:

visendus ater flumine languido
Cocytos errans et Danai genus
infame damnatusque longi
Sisyphus Aeolides laboris;

linquenda tellus et domus et placens
uxor, neque harum, quas colis, arborum
te praeter invisas cupressos
ulla brevem dominum sequetur.

Absumet heres Caecuba dignior
servata centum clavibus et mero
tinguet pavimentum superbo,
pontificum potiore cenis.

Увы! Постум, Постум! утекают быстрые годы; благочестие не останавливает морщин и приближающейся старости и неукротимой смерти. Нет, хотя бы тремястами быков ежедневно умилостивлял ты, друг мой! неслезливого Плутона, который третуловищного Гериона и Тития удерживает печальною рекою, — всем нам, питающимся дарами земли, должно преплыть ее, — царями ли будем, или убогими поселянами, тщетно станем убегать кровавого Марса и шумнораздробляющихся адриатических волн; тщетно будем остерегаться осенью зловредного Австра; мы должны посетить мрачный медленным током извивающийся Коцит и нечестивое племя Даная, и осужденного на долговременный труд сына Эолова Сизифа, должны оставить землю и дом и любезную супругу, и из всех лелеемых дерев ни одно, кроме ненавистного кипариса, не последует за тобою, краткосрочным владельцем. Достойнейший наследник выточит храни-

мый за ста ключами цекуб и обольет великолепный мраморный помост вином, превосходнейшим пиршественного первосвященников напитка.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Постум* — имя сие означает человека, родившегося после смерти отца своего, точное имя его неизвестно.

2. *Герион* — был сын Хрисаора и Каллирои, от пояса вверх имел он три соединенные туловища человеческие. Геркулес убил чудовище сие и увел его быков. Палефат[1] утверждает, что Герион был назван «триглавым, τρηκαρηνος, трикаринос», потому что жил в острове Трикарения у брегов Черного моря, и что баснь о треглавом человеке произошла от двузначительности слова «tricarenus — триглавый и трикаренец».

3. *Тития* — Титий был сын Юпитеров, он убит Аполлоном, когда хотел сделать насилие Латоне. Пииты утверждали, что ястребы в аде терзали грудь его.

4. *Марс* — бог брани, сын Юпитера и Юноны.

5. *Австра* — полуденный ветр. 〈См. также выше, с. 215, примеч. 10 к оде «Мореплавание»〉.

6. *Коцит* — адская река.

7. *племя Даная* — Данай и Эгипт были сыны Бела, царя египетского. Данай имел 50 дочерей, которые вышли за 50 сынов Эгипта и по

приказанию их отца умертвили мужей своих в первую ночь брака, кроме одной, Гипермнестры, пощадившей Линкея. В наказание за сие злодейство сестры ее осуждены были в аде наливать воду в продырявленную бочку.

8. *Сизифа* — он открыл Азопу, сыну Нептуна, что Юпитер похитил дочь его Эгину, и за то осужден в Тартаре вскатывать на высокую гору чрезмерной величины камень, всегда низвергающийся.

9. *кипариса* — римляне мешали кипарис с другими деревьями в костре, на котором сожигали мертвые тела. Они клали также ветви кипарисные перед домом умершего.

10. *цекуба* — так называлося вино, получаемое из кампанийского города, лежащего близ Каеты.

11. *помост вином* — греки имели обычай в пиршествах из налитых чаш вина, прежде чем пить, проливать несколько на пол в честь богов. Римляне выливали остальное в чашах вино. Что город, то норов.[2]

ПРОКЛЯТИЕ ДЕРЕВУ

Кн. II, ода XIII

Ille et nefasto te posuit die,
quicumque primum, et sacrilega manu
produxit, arbos, in nepotum
perniciem obprobriumque pagi;

illum et parentis crediderim sui
fregisse ceruicem et penetralia
sparsisse nocturno cruore
hospitis; ille venena Colcha

et quidquid usquam concipitur nefas
tractavit, agro qui statuit meo
te, triste lignum, te, caducum
in domini caput inmerentis.

Quid quisque vitet, nunquam homini satis
cautum est in horas: navita Bosphorum
Poenus perhorrescit neque ultra
caeca timet aliunde fata,

miles sagittas et celerem fugam
Parthi, catenas Parthus et Italum
Robur, sed inprovisa leti
vis rapuit rapietque gentis.

Quam paene furvae regna Proserpinae
et iudicantem vidimus Aeacum
sedesque discriptas piorum et
Aeoliis fidibus querentem

Sappho puellis de popularibus
et te sonantem plenius aureo,
Alcaee, plectro dura navis,
dura fugae mala, dura belli!

Utrumque sacro digna silentio
mirantur umbrae dicere, sed magis
    pugnas et exactos tyrannos
        densum umeris bibit aure vulgus.

Quid mirum, ubi illis carminibus stupens
demittit atras belua centiceps
    auris et intorti capillis
        Eumenidum recreantur angues?

Quin et Prometheus et Pelopis parens
dulci laborum decipitur sono,
    nec curat Orion leones
        aut timidos agitare lyncas.

Тот, кто бы ни был он, в несчастливый день насадил тебя, о дерево! святотатственною рукою возрастил он тебя на погибель путникам и на позор веси. Конечно, и отца своего умертвил он и в ночи кровью гостя обагрил внутренний чертог. В отравах Колхиды и во всем том, что только представить себе можно недозволенного, упражнялся тот, кто на земле моей посадил тебя, о дерево пагубоносное, тебя, низвергшегось на главу невинного владельца. Никогда человек не может довольно остеречься, как подчас избежать напасти. Пунический купец страшится Восфора и далее уже не опасается слепого рока; ратник боится

стрел и быстрого побега парфян; парфянин — оков и твердости италийской, но непредувидимая сила смерти похищает и всегда похищать будет людей. Ах! как близок был я к тому, чтобы увидеть царство суровой Прозерпины и судящего Эака, и отдаленное жилище благочестивых, и на эолийской лире жалующуюся на соотечественных дев Сафо, и тебя, Алкей, громко златым наперстком бряцая, поющего жестокие морских сражений, жестокие изгнания, жестокие войны бедствия. Обоим о достойных священного молчания предметах поющим удивляются тени; однако же повестям о битвах и о изгнании тиранов жаднее внимает крепко стесненная толпа. Чему же дивиться, когда стихами их изумленное стоглавое чудовище опущает черные уши и вплетенные во власы эвменид змеи успокаиваются, когда и Промефей, и родитель Пелопса от сладкого звука труды позабывают и Орион не заботится о преследовании львов и робких рысей.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. в отравах Колхиды — нынешняя Мингрелия. Почитали, что страна сия изобиловала ядовитыми растениями. Медея, дочь Аэта, колхидского царя, славилась отравами своими.

2. пунический купец — Пуниею называлася Карфагенская, весьма торговая, страна.

3. Восфора — константинопольского, весьма опасного для мореходства пролива по причине сильного, часто в противные стороны, течения.

4. побега парфян — см. выше, стр⟨аницы⟩ 127—128, прим⟨ечание⟩ 1, «Юным воинам». В побеге они весьма метко стреляли из луков.

5. суровой Прозерпины — дочь Юпитера и Цереры, супруга Плутона, адского бога, с которым она власть разделяла.

6. Эака — он был сын Юпитера и Эгины. По смерти своей он определен судьею в ад с Миносом и Радамантом. Последние судили азиатских, а он европейских покойников, ибо земля тогда разделена была только на две части. По преданию Платона, Эак и Радамант имели судилище в одной долине, в которой сходились две дороги, ведущие одна в Тартар, а другая в Елисейские поля. Минос председательствовал с золотым скипетром и разрешал недоумения товарищей своих.[1]

7. отдаленное жилище благочестивых — Елисейские поля. Из предыдущего явствует, что они отделены были от Тартара.

8. на эолийской лире — эолийцы были греческий народ. Они имели шесть городов на острове Лесбосе, в числе них была и Митилена, отечество певицы Сафо. Она изобрела особенный размер стихов, под именем ее известный. Привязанность ее к трем молодым подругам Телезифе, Афисе и Мегаре была заплачена неблагодарностию. Влюбившись в Фаона и не преуспев возро-

дить в нем взаимные 〈чувства〉, она сверглась в отчаянии с Левкадийской скалы в море.

9. Алкей — современник и соотечественник певицы Сафо, которую любил он безуспешно. Он был враг тиранам, Питтака, Мирзила, Мегалагира, Клеанактидов и некоторых других. Тираны, противу которых он воевал, изгнали его из отечества.

10. золотым наперстком — так называемый «плектр» был завостренный наперсток, обыкновенно делаемый из 〈козлиных〉 копытов. Его надевали для сильнейшего бряцания на лирных струнах.

11. стоглавое чудовище — Цербер, пес стрегущий врата адские. Его изображали с тремя собачьими головами и змеиным хвостом. Из хребта его изникали множество различного рода змей.

12. эвменид — фурии Алекто, Тизифона и Мегера, называемые также эвменидами. Предание удостоверяет, что название сие, значащее «добродушные», получили они от Ореста, когда, по ходатайству Минервы, престали они мучить его за убиение матери.

13. Промефей — см. выше, стр〈аница〉 215, прим〈ечание〉 13, «Мореплавание». 〈Примеч. 13 в свою очередь отсылает к с. 151—152, примеч. 9 к оде «Богатому соседу»〉.

14. родитель Пелопса — Тантал. См. выше, стр〈аница〉 152, прим〈ечание〉 〈10〉, «Богатому соседу».

15. Орион — см. выше, стр⟨аница⟩ 187, прим⟨ечание⟩ 2, «Мщение любовника».

БОЛЯЩЕМУ ДРУГУ

Кн. II, ода XVII

Cur me querellis exanimas tuis?
Nec dis amicum est nec mihi te prius
obire, Maecenas, mearum
grande decus columenque rerum.

A, te meae si partem animae rapit
maturior vis, quid moror altera,
nec carus aeque nec superstes
integer? Ille dies utramque

ducet ruinam. Non ego perfidum
dixit sacramentum: ibimus, ibimus,
utcumque praecedes, supremum
carpere iter comites parati.

Me nec Chimaerae spiritus igneae
nec, si resurgat, centimanus Gyges,
divellet umquam: sic potenti
Iustitiae placitumque Parcis.

15 Зak. 3682

Seu Libra seu me Scorpios aspicit
formidolosus, pars violentior
natalis horae, seu tyrannus
Hesperiae Capricornus undae,

utrumque nostrum incredibili modo
consentit astrum; te Iouis impio
tutela Saturno refulgens
eripuit volucrisque Fati

tardavit alas, cum populus frequens
laetum theatris ter crepuit sonum,
me truncus inlapsus cerebro
sustulerat, nisi Faunus ictum

dextra levasset, Mercurialium
custos virorum. Reddere victimas
aedemque votivam memento;
non humilem feriemus agnam.

Почто жалобами твоими убиваешь ты меня? Ни богам, ни мне не угодно, чтобы ты прежде меня окончил жизнь, о Меценат, велелепие и подпора счастия моего. Увы! если тебя, о половина души моей! похитит преждевременная смерть, то почто, не целый уже, буду я коснить с другою, не столько мне любезною половиной.[1] Пусть

один день прекратит жизнь обоих. Невероломную изрек я клятву: пойдем, пойдем, куда бы ты ни предшествовал, пойдем, готовые спутники, последним путем. Ни пламенное дыхание Химеры, ни, если бы восстал сторукий Гиг, никогда меня от тебя не отторгнут. Так угодно всемогущему правосудию, так угодно было паркам. Весы ли, страшный ли Скорпион воззрел на меня, столь ужасный в час рождения, или властитель Гесперийского моря, Козерог, но удивительно согласуются оба созвездия наши: тебя покровительство лучезарного Юпитера от злочестивого Сатурна защитило и быстрого рока замедлило полет, когда в театре собранного народа троекратно раздался радостный плеск. Меня бы падающее на главу мою дерево умертвило, если бы не отвратила удара десница Фауна, стража покровительствуемых Меркурием. Жертв и обетного капища ты не позабудь, а я бедную принесу жертву, агнца.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Химера — Гезиод говорит, что чудовище сие, дочь Ехидны и Тифона, имела три головы, львиную, козлиную и драконову, беспрерывно пламя изрыгающую. Верхняя часть тела ее подобилась льву, средняя козлу, а последняя дракону. Чудовище сие обитало в Ликии и было умерщвлено Беллерофоном.

2. *Гиг* — сын Неба и Земли, он имел сто рук. С братьями своими, гигантами, противу богов сражался и был ими свергнут в Тартар.[2]

3. *Паркам* — см. выше, стр⟨аница⟩ 191, прим⟨ечание⟩ 11, «Способ утешения».

4. *Весы* — созвездие месяца августа. Оное присваивают Астрее, дочери Юпитера и Фемиды, богини правосудия, с которою часто ее не различают. Она сошла с неба на землю в начале золотого века, но при наступлении железного возвратилась восвояси.

5. *Скорпион* — созвездие месяца октября. Баснословят, что этот скорпион по повелению Дианы ужалил в пяту Ориона, хваставшего, что он не страшится лютейших диких зверей и желавшего учинить насилие Диане.

6. *Гесперийского* — западного.

7. *Козерог* — созвездие месяца декабря. Бог Пан, испугавшись гиганта Тифона,[3] превратился в козла, а Юпитер поместил его на небе в число зодиаков.

8. *Юпитера* — здесь Гораций имел в виду планету, под именем сим известную. Влияние оной почитается всегда благоприятным.

9. *Сатурна* — тоже планета, зловредная влиянием своим.

10. *падающее на главу мою дерево* — см. выше, стр⟨аницы⟩ 219—222, «Проклятие дереву».

11. *Фауна* — см. выше, стр⟨аница⟩ 170, прим⟨ечание⟩ 5, «Весна». Гораций почитает Фа-

уна стражем пиитов, — по мнению г-на Дасье, для того, что он бог рощ, которые и им любезны.

12. Меркурием — он был сын Юпитера и Майи. Посланник богов, а особенно Юпитера, он препровождает души усопших в ад, пред судилище Плутона. Он был бог витий и вообще словесников, но также купцов, мошенников и воров. Его изображают с окрыленною шапкою и котурнами, держащего кадуцей, то есть жезл, двумя змеями увитый, которым он усыпляет смертных.

СОВЕТ

Кн. II, ода III

Aequam memento rebus in arduis
servare mentem, non secus in bonis
ab insolenti temperatam
laetitia, moriture Delli,

seu maestus omni tempore vixeris,
seu te in remoto gramine per dies
festos reclinatum bearis
interiore nota Falerni.

Quo pinus ingens albaque populus
umbram hospitalem consociare amant
ramis? Quid obliquo laborat
lympha fugax trepidare rivo?

Huc vina et unguenta et nimium brevis
flores amoenae ferre iube rosae,
dum res et aetas et sororum
fila trium patiuntur atra.

Cedes coemptis saltibus et domo
villaque, flavos quam Tiberis lavit,
cedes, et exstructis in altum
divitiis potietur heres.

Divesne prisco natus ab Inacho
nil interest, an pauper et infima
de gente sub divo moreris,
victima nil miserantis Orci.

Omnes eodem cogimur, omnium
versatur urna serius ocius
sors exitura et nos in aeternum
exsilium impositura cumbae.

В трудных положениях не забывай хранить равнодушие и ⟨в⟩ благоприятных умерять сердце от буйственной радости, о Деллий! ты, который должен умереть, хотя в печали все время проживешь, хотя в праздничные дни, протянувшись на уединенной полянке, ты будешь с приятностию вкушать давнохранимый фалерн там, где высокая сосна и белая тополь сплетать любят ветвями

гостеприимную тень и где излучистым потоком утекающая струя журчит. Сюда вели принесть ви́на и мастики и слишком кратковременные цветы милой розы, пока случай, лета и черная трех сестр нить позволяет. Ты оставишь скупленные рощи, и дом, и село, желтым Тибром омываемое; оставишь, и накопленными сокровищами наследник возобладает. Нет различия, богат ли ты, потомок древнего Инакха или убог, из низшия породы, под небесною кровлею живешь; ты будешь жертвою безжалостного Орка. Все туда же влечемся, для всех урна вращается; позднее или ранее имеющий выпасть жребий положит нас для вечной ссылки на челн.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Деллий* — историк, о котором упоминают Дион, Плутарх и Сенека. Он служил в войске Кассия, но потом предался Антонию и был его любимцем. Подозревать можно, что он в то же самое время был скрытным соперником его, ибо Сенека говорит о некоторых весьма вольных письмах его к царице Клеопатре. Немного прежде сражения при Актии он оставил Антония и предался Августу.

2. *трех сестр нить* — известно, что парки пряли нить человеческую. См. выше, стр⟨аница⟩ 191, прим⟨ечание⟩ 11, «Способ утешения».

3. Тибром — река Тибр протекает в Риме.

4. Инакха — он был сын Океана и Тефиды. Древнейший в Греции царь и основатель Аргоса.

5. Орка — см. выше, стр⟨аница⟩ 151, прим⟨ечание⟩ ⟨7⟩, «Богатому соседу».[1]

ПРОЩАНЬЕ

Кн. III, ода XXVII

Impios parrae recinentis omen
ducat et praegnans canis aut ab agro
rava decurrens lupa Lanuvino
fetaque volpes;

rumpat et serpens iter institutum,
si per obliquum similis sagittae
terruit mannos. Ego, cui timebo
providus auspex,

antequam stantis repetat paludes
imbrium divina avis inminentum,
oscinem corvum prece suscitabo
solis ab ortu.

Sis licet felix ubicumque mavis,
et memor nostri, Galatea, vivas,
teque nec laevus vetet ire picus
nec vaga cornix.

Sed vides quanto trepidet tumultu
pronus Orion? Ego quid sit ater
Hadriae novi sinus et quid albus
peccet Iapyx.

Hostium uxores puerique caecos
sentiant motus orientis Austri et
aequoris nigri fremitum et trementis
verbere ripas.

Sic et Europe niveum doloso
credidit tauro latus et scatentem
beluis pontum mediasque fraudes
palluit audax.

Nuper in pratis studiosa florum et
debitae Nymphis opifex coronae
nocte sublustri nihil astra praeter
vidit et undas.

Quae simul centum tetigit potentem
oppidis Creten, «pater, o relictum
filiae nomen pietasque» dixit
«victa furore!

Unde quo veni? Levis una mors est
virginum culpae. Vigilansne ploro
turpe commissum an vitiis carentem
ludit imago

vana quae porta fugiens eburna
somnium ducit? Meliusne fluctus
ire per longos fuit an recentis
carpere flores?

Si quis infamem mihi nunc iuvencum
dedat iratae, lacerare ferro et
frangere enitar modo multum amati
cornua monstri.

Impudens liqui patrios Penates,
impudens Orcum moror. O, deorum
si quis haec audis, utinam inter errem
nuda leones!

Antequam turpis macies decentis
occupet malas teneraeque sucus
defluat praedae, speciosa quaero
pascere tigris.

Vilis Europe, pater urget absens,
quid mori cessas? Potes hac ab orno
pendulum zona bene te secuta
laedere collum.

Sive te rupes et acuta leto
saxa delectant, age, te procellae
crede veloci, nisi erile mavis
carpere pensum

regius sanguis dominaeque tradi
barbarae paelex». Aderat querenti
perfidum ridens Venus et remisso
filius arcu.

Mox, ubi lusit satis, «abstineto»
dixit «irarum calidaeque rixae,
cum tibi invisus laceranda reddet
cornua taurus.

Uxor invicti Iovis esse nescis.
Mitte singultus, bene ferre magnam
disce fortunam: tua sectus orbis
nomina ducet».

Пускай нечестивых путь воспятит крик луговицы,[1] и сука щенная, и бурая волчица, с Ланувийского поля бегущая, и полинявшая лисица; пускай змея препнет дорогу, пестрой стреле подобно, вкось пролетя, и коней испугает. А я, предусмотрительный по полету птиц гадатель, если о ком тревожусь, то, прежде чем по стоячим водам возвратится птица, дождей вдохновенная предвозвестница, молением моим крикливого ворона призову с востока. Будь счастлива, где бы ты ни пожелала жить, и помни обо мне, Галатея! Тебе не воспретит пути ни зловещий дятел, ни блуждающая ворона. Но смотри, с каким смяте-

нием стремится Орион к закату! Известна мне свирепость залива Адрии и коварство льстивого Япикса. Вражеские жены и дети пусть испытают бурное движение восстающего Австра, и рев мрачного моря, и от удара волн дрожание берегов. Так Европа дерзкая поверила белоснежное тело свое лукавому быку и, поздно открыв кознь, увидела чудовищами наполненное море и побледнела. Недавно на лугу собиравшая цветы и обетные нимфам венки сплетавшая при ясной ночи, не видит она ничего — звезды и воды. Как скоро вступила она в Крету, стама градами обладающую, «О родитель! — возопила она, — о имя, дочерью забытое, о долг почтения, буйству уступающий! Отколь я? Где я? Одной смерти мало за преступление девы. Наяву ль я оплакиваю постыдный поступок или, невинную, изумляет меня обманчивый призрак, сновидением, из слоновых врат исходящим, ведомый? Лучше ли было преплывать пространную пучину или свежие цветы срывать? Если бы кто ныне дал мне, разгневанной, нечестивого тельца, я бы постаралась ножом изрезать его на куски и изломить рога чудовища, еще недавно столь любезного мне. Бесстыдная, покинула я отеческие пенаты, бесстыдная, и не спешу к Плутону! О боги! если кто из вас слышит меня, почто не блуждаю нагая посреди львов? Пока безобразная худощавость не иссушила нежных ланит и цвет младости не увял, хочу в полной красоте достаться я в добычу тиграм.

Недостойная Европа! отец твой и в отсутствие преследует тебя. Почто ж медлишь умереть? Ты можешь здесь накинутый на вяз пояс твой, к счастью с тобой оставшийся, обвить вокруг шеи. Если же предпочтешь скалы и острые камни, то свергайся, вверяй себя свирепой буре, буде не пожелаешь рабски исполнять урок, назначенный госпожой, и, кровь царская, служить, как наложница, отданная супруге варвара!» Лукаво смеющаяся Венера и с опущенным луком сын ее подслушивали жалобы ее, потом, вдоволь позабавясь, «Воздержись, — сказала Венера, — от гнева и пылких упрек, когда тебе ненавистный бык отдаст на сокрушение рога свои: не знаешь, что ты — супруга непреодолимого Юпитера? Престань рыдать и учися сносить великое счастие: земного шара половина восприимет имя твое».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Пускай... крик луговицы и прочая* — здесь означает Гораций некоторые несчастливые приметы для предприемлющих путешествие. Есть люди, и теперь такого же рода суевериям порабощенные.

2. *с Ланувийского* — так назывался городок, лежащий на дороге, ведущей из Рима в Бриндскую гавань у Адриатического моря.

3. дождей... предвозвестница — ворона.

4. Орион — см. выше, стр⟨аница⟩ 187, прим⟨ечание⟩ 2, «Мщение любовника».

5. Адрии — Адриатическое море.

6. Япикса — см. выше, стр⟨аница⟩ 214, прим⟨ечание⟩ 4, «Мореплавание».

7. Австра — полуденного ветра.

8. Европа — дочь Агенора, финикийского царя. Юпитер, влюбясь в нее, превратился в прекрасного быка. Когда Европа, играя, села на него, то он унес ее в море и приплыл в остров Крету. Там, приняв человеческий вид, сделался ее любовником. Европа прижила от него Миноса, Сарпедона и Радаманта. По имени ее называлась неизвестная прежде северо-западная часть земли.

9. в Крету — один из самых пространнейших островов Средиземного моря. В оном находились сто городов. Баснословят, что Юпитер воскормлен был в оном корибантками[2] и что там находилась гробница его.

10. из слоновых врат исходящим — Гомер говорит (см. «Одиссеи» XIX-ю кн.), что сновидения исходят из двух ворот: чрез воздвигнутые из слоновой кости исходили обманчивые сны, а истинные — чрез ворота, построенные из рога.

11. к Плутону — Гораций тут называет Орка. Но оба сии имени были присвоены богу ада, по ком иногда и ад называли.

12. земного шара половина — г-н Дасье утверждает, что здесь у Горация «sectus orbis»

значит «половину земного шара», ибо в то время земля не была разделена на Азию и Африку, но одним именем называлась. Он того мнения, что и в последствии времени долго древние разделяли землю только на Азию и Европу.

НАБОЖНОСТЬ

Кн. III, ода XXIII

Caelo supinas si tuleris manus
nascente luna, rustica Phidyle,
si ture placaris et horna
fruge Lares auidaque porca,

nec pestilentem sentiet Africum
fecunda vitis, nec sterilem seges
robiginem, aut dulces alumni
pomifero grave tempus anno.

Nam quae nivali pascitur Algido
devota quercus inter et ilices
aut crescit Albanis in herbis
victima pontificum securis

cervice tinguet. Te nihil attinet
temptare multa caede bidentium
parvos coronantem marino
rore deos fragilique myrto.

Immunis aram si tetigit manus,
non sumptuosa blandior hostia,
mollivit aversos Penatis
farre pio et saliente mica.

Если ты к небу простертые поднимаешь руки, поселянка Фидилия! если фимиамом и сеголетними овощами или прожорливым поросенком умилостивлять будешь богов домашних, то ни от заразительного Афра не потерпит плодоносный виноградник твой, ни от сурового яблокозреющего времени года, ни нежные ягненки. Ибо пасущаясь на снежном Алгиде между дубами и ивами или растущая на албанских пажитях обреченная жертва обагрит выею секиры первосвященников. Тебе не нужно многочисленным закланием двулетков умилостивлять малых богов твоих, увенчанных розмарином и кратковременною миртою: если скудная рука коснется алтаря, скорее, чем пышные жертвы, смягчает враждующих богов, освященных ячменем и крохою соли.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Афра* — имя из Африки дующего полуденно-западного ветра.

2. *Алгиде* — небольшая гора, покрытая лесом, на двенадцать итальянских миль от Рима отстоящая на Аппиенской дороге.[1]

3. *Албанских* — страна сия и город Альбы отстояли в 16-ти милях от Рима.

НА СМЕРТЬ ДРУГА

Кн. I, ода XXIV

Quis desiderio sit pudor aut modus
tam cari capitis? Praecipe lugubris
cantus, Melpomene, cui liquidam pater
vocem cum cithara dedit.

Ergo Quintilium perpetuus sopor
urget? Cui Pudor et Iustitiae soror
incorrupta Fides, nudaque Veritas
quando ullum inveniet parem?

Multis ille bonis flebilis occidit,
nulli flebilior quam tibi, Vergili.
Tu frustra pius, heu, non ita creditum
poscis Quintilium deos.

Quid, si Threicio blandius Orpheo
auditam moderere arboribus fidem,
num vanae redeat sanguis imagini,
quam virga semel horrida,

non lenis precibus fata recludere,
nigro conpulerit Mercurius gregi?
Durum, sed levius fit patientia
quidquid corrigere est nefas.

16 Зак. 3682

Какой сетованию любви может быть стыд или предел о толь любезной главе? Внуши, о Мельпомена! унылую песнь; тебе отец даровал с лирою плавный голос. Итак, Квинтилия гнетет вечный сон! Где чистота нравов и сестра правосудия, верность и неизменная и нагая истина сыщут когда-либо равного ему? Многие добрые горестно по нем сетуют; никто горестнее тебя, Вергилий! Ты тщетно, увы! с набожностию вымаливаешь у богов не навек тебе дарованного Квинтилия. Если бы ты приятнее фракийского Орфея воспевал на лире, древам внятной, не возвратится кровь в пустую тень, кою страшным жезлом Меркурий, к пременению судеб неумолимый, загнал однажды к черному стаду. Тяжко! но терпением облегчается, чего исправить невозможно.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Квинтилия* — Квинтилий Вар был стихотворец, родственник и друг Вергилия.

2. *нагая истина* — в стихотворном переводе присовокупил я следующие стихи:

... и друг чистосердечный,
И Феб, восторгу своему
Предавшийся на лире, —

ласкаю себя надеждою, что благосклонные читатели простят мне прибавку сию, внушенную, соот-

ветственно чувству Горация, воспоминанием кончины друга моего Гавриила Романовича Державина.

3. фракийского Орфея — сын Эагра и музы Каллиопы. Так приятно играл на лире, что древеса и дикие звери пленял оною.

4. Меркурий — вооруженный кадуцеем, жезлом, двумя змеями обвитым, препровождал тени умерших во ад. См. «Одиссеи» начало XXIV-й песни.

5. черное стадо — Гораций изображает оным тени царства Плутонова.

ДРУГУ СЕРДЦА

Кн. II, ода VI

Septimi, Gadis aditure mecum et
Cantabrum indoctum iuga ferre nostra et
barbaras Syrtis, ubi Maura semper
aestuat unda,

Tibur Argeo positum colono
sit meae sedes utinam senectae,
sit modus lasso maris et viarum
militiaeque.

Unde si Parcae prohibent iniquae,
dulce pellitis ovibus Galaesi
flumen et regnata petam Laconi
rura Phalantho.

Ille terrarum mihi praeter omnis
angulus ridet, ubi non Hymetto
mella decedunt viridique certat
baca Venafro,

ver ubi longum tepidasque praebet
Iuppiter brumas et amicus Aulon
fertili Baccho minimum Falernis
invidet uvis.

Ille te mecum locus et beatae
postulant arces; ibi tu calentem
debita sparges lacrima favillam
vatis amici.

Септимий! желающий мне сопутствовать в Гадис и к не обыкшему носить иго наше кантабру, и к варварийским зыбучим пескам, где беспрестанно кипят маврийские волны. Тибур, аргийским переселенцем основанный, да будет убежищем моей старости, да будет предел утомленному мореплаванием, путешествием и ратоборством. Если же туда злые парки не допустят, то к приятным для руношерстых овец струям Галеза и к полям уклонюсь, где царствовал лаконийский Фалант. Тот уголок земли больше всех мне приятен: там мед гиметскому не уступает, зеленая олива с венафрскою спорит; там долгую весну и теплые зи-

мы Юпитер посылает; и Авлон, плодоносным Вакхом благоприятствуемый, не завидует фалернским гроздиям. Сии места и счастливые холмы тебя со мною приглашают: там теплый пепел друга-певца оросишь ты должною слезою.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Септимий — думают, что он был из всаднического сословия.[1] Это тот самый, о котором Гораций просит Тиверия в IX-м письме книги 1-й.

2. Гадис — см. выше, стр⟨аница⟩ 147, при⟨мечание⟩ 4, «Против златолюбия».

3. кантабром — народ, обитавший в Гишпании. См. выше, стр⟨аница⟩ 197, при⟨мечание⟩ 1, «Беззаботность».

4. к варварийским зыбучим пескам — см. выше, стр⟨аница⟩ 183, прим⟨ечание⟩ 4, «Безопасность».

5. Тибур, аргийскими переселенцами основанный — см. выше, стр⟨аница⟩ 157, прим⟨ечание⟩ 4, «Скромная беспечность».

6. парки — древние присвояли часто сим прядильщицам жизни человеческой право судьбы. См. выше, стр⟨аница⟩ 191, прим⟨ечание⟩ ⟨11⟩, «Способ утешения».

7. Галеза — река в Калабрии, протекающая в шести милях от города Таранта. В стране той,

как и в Аттике, овцы имели такую тонкую и прекрасную во́лну, что для сохранения оной обшивали их кожами. Плиний пишет, что сии покрыши привозимы были из Аравии.

8. *лаконийский Фалант* — он был лакедемонянин, сын Арака и начальник парфенян, то есть рожденных от девиц. Вот о них повесть: мессинийцы учинили насилие спартанским девицам, пришедшим участвовать в одном их празднестве. Чтоб отомстить им, лакедемонцы осадили Мессену, поклявшись не возвратиться в отечество прежде разрушения города сего. Но, как осада продлилась 10 лет и они увидели, что в течение толь долгого времени жены их не могли пополнять потери на войне в людях, то решились по совету некоего Арака отослать в Спарту молодых людей[2] и отдать им всех своих девиц. Рожденные от них дети были названы, как выше сказано, парфенянами. Возмужавши и видя, что не могут в родине своей иметь права на какое-либо наследство, потому что не знали отцов своих, они решились искать нового к поселению места и для того избрали начальником Фаланта, сына вышеупомянутого Арака. После великих трудов и разных приключений достигли они до Тарента, в то время малозначащего городка, овладели оным, изгнав жителей, уклонившихся в Брундизиум. Сие случилось при конце царствования Тулла Гостилия, третьего царя римского. Страбон о сем происшествии иначе повествует. См. кн. VI.

9. гиметскому — на горе Гимете в Аттике получали самый лучший мед.[3]

10. венафрскою — город Венафр находился в соседстве герников, самнитов и Кампании. Страбон полагает оный в стране первых на холме, у подошвы коего протекал Вултурн.

11. Авлон — была, без сумнения, какая-нибудь небольшая гора в окрестностях Тарента.

12. Вакхом — бог вина. Сын Юпитера и Семелы, которого отец по сожжении матери доносил в своей ляжке.[4] ⟨См. также выше, с. 178, примеч. 11 к оде «Переманка», с. 197—198, примеч. 4 к оде «Беззаботность», и ниже с. 254, примеч. 2 к оде «К лире»⟩.

13. фалернских гроздей — см. выше, стр⟨аница⟩ 119, прим⟨ечание⟩ 13, «Ничтожество богатств».

ПРЕДПОЧТЕНИЕ СТИХОТВОРСТВА

(К Меценату)

Кн. I, ода I

Maecenas atavis edite regibus,
o et praesidium et dulce decus meum,
sunt quos curriculo pulverem Olympicum
collegisse iuvat, metaque fervidis

evitata rotis palmaque nobilis
terrarum dominos evehit ad deos;
hunc, si mobilium turba Quiritium
certat tergeminis tollere honoribus;
illum, si proprio condidit horreo
quidquid de Libycis verritur areis.
Gaudentem patrios findere sarculo
agros Attalicis condicionibus
numquam demoveas ut trabe Cypria
Myrtoum pavidus nauta secet mare;
luctantem Icariis fluctibus Africum
mercator metuens otium et oppidi
laudat rura sui, mox reficit rates
quassas, indocilis pauperiem pati.
Est qui nec veteris pocula Massici
nec partem solido demere de die
spernit, nunc viridi membra sub arbuto
stratus, nunc ad aquae lene caput sacrae;
multos castra iuvant et lituo tubae
permixtus sonitus bellaque matribus
detestata; manet sub Iove frigido
venator tenerae coniugis immemor,
seu visa est catulis cerva fidelibus,
seu rupit teretes Marsus aper plagas.
Me doctarum hederae praemia frontium
dis miscent superis, me gelidum nemus

Nympharumque leves cum Satyris chori
secernunt populo, si neque tibias
Euterpe cohibet, nec Polyhymnia
Lesboum refugit tendere barbiton.
Quod si me lyricis vatibus inseres,
sublimi feriam sidera vertice.

О Меценат, потомок древних царей! о ты, и покров, и любезная краса моя! некоторые на колеснице олимпийскою пылью любят покрываться; горящими колесами избегнутая мета и пальма торжественная, как владык земли, возносит их к богам; тот, если толпа непостоянных квиритов препирается, дабы возвысить его на первые достоинства; тот, если в собственные житницы собрал все жатвы ливийских нив. Любящий браздить сохой отеческие поля не согласится за сокровища Аттала на кипрском струге рассекать с робостию Эгейское море. Купец, устрашенный Афром, борющимся с икарийскими волнами, выхваляет спокойствие и поля сельского жилища своего, но вдруг исправляет поврежденную ладью, не привыкши переносить убожества. Иные покалов старого массийского вина не презирают, отнимая часть у дня целого, протянувшись то под зеленым деревом, то при тихом источнике священной воды. Многие любят станы, смешанный звук труб и пищалей и войну, матерями проклинаемую. Ловчий ночует под хладным небом, мла-

дую супругу забывая, когда верные псы увидят ли лань, или марзский вепрь прорвет тенета. Меня же плющ, венчающий ученое чело, равняет с вышними богами; меня прохладная роща, легкие хоры нимф и сатир от черни отделяют. Если Эвтерпа не возбранит мне свирели и Полимния не отречется настроить лесвийскую лютню; если ты поместишь меня меж лирических певцов, то вознесенною главою коснуся до звезд.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. царствовавших предков — иные думают, что Меценат был правнук Цецина, царя тосканского.

2. олимпийскою пылью — Гораций говорит здесь о ристаниях на знаменитых играх Олимпийских, которые праздновались в Элиде каждое четырехлетие.

3. избегнутая мета — в конце поприща находился столб, который колесницы долженствовали объехать для совершения обратного пути, что было опасно, ибо тут обыкновенно стеснялись колесницы и легко случалось, что ближайшая, ударившись о столб, ломалась.

4. квиритов толпа — римляне назывались также квиритами.

5. ливийских нив — Ливия древле славилась плодоносностью. См. выше, стр⟨аница⟩ 147, прим⟨ечание⟩ 3, «Против златолюбия».

6. *Аттала* — см. выше, стр⟨аница⟩ 151, прим⟨ечание⟩ 2, «Богатому соседу».

7. *на кипрском струге* — Кипр, остров, славился легкими кораблями.

8. *Эгейское море* — Гораций называет его здесь «Миртийским», которое имя получила часть Эгейского моря, чаятельно, от острова «Мирто», полагаемого Плинием ниже Эвбеи, близ города Кариста.

9. *Афром* — африканский полуденно-западный ветер.

10. *с икарийскими волнами* — часть Эгейского моря близ острова Самоса. Оно получило название сие от Икара, летателя на воском сплоченных крыльях, утонувшего в оном.

11. *массийского вина* — получали оное с кампанийской горы, ныне Монте-Марзо называемой.

12. *марзский вепрь* — марзы обитали в соседстве сабинов, выше Тускина озера. ⟨См. также ниже, с. 261, примеч. 9 к оде «Пиит-лебедь»⟩.

13. *нимф и сатир* — они по большей части обитали в рощах. Первые любили петь и плясать, а последние — играть на осмидудочной сиренке, которая и теперь молдаванскими цыганами употребляется.

14. *Эвтерпа* — одна из муз, изобретательница флейты.

15. *Полимния* — одна же из муз. Хотя существенная часть ее было витийство, но также

почиталась она изобретательницею гармонии, почему, чаятельно, и желает Гораций, чтобы она настроила ему лютню.

16. лесвийскую лютню — Гораций употребляет здесь слово «барбитон». Точно неизвестно, какий это был инструмент. Древние часто смешивали оный с лирою. Гораций называет его лесвийским, потому что Алкей, уроженец Лесвоса, первый играл на оном. См. ниже сего: ⟨страницы 253—254⟩, «К лире», прим⟨ечание⟩ 1.

К ЛИРЕ

Кн. I, ода XXXII

Poscimus, si quid vacui sub umbra
lusimus tecum, quod et hunc in annum
vivat et plures, age, dic Latinum
barbite, carmen,

Lesbio primum modulate civi,
qui ferox bello tamen inter arma,
sive iactatam religarat udo
litore navim,

Liberum et Musas Veneremque et illi
semper haerentem puerum canebat
et Lycum nigris oculis nigroque
crine decorum.

O decus Phoebi et dapibus supremi
grata testudo Iovis, o laborum
dulce lenimen, mihi cumque salve
rite vocanti.

Если на досуге под тенью играл я с тобою песенки, прожившие год и более, то, умоляю, воспой латинские стихи, о лира! настроенная первоначально гражданином лесвийским, который, хоть и ярый в брани, но среди ополчения или привязывая к влажному берегу обуреваемую ладью, воспевал Бахуса, и муз, и Венеру, и неразлучное с нею дитя, и Лика, черными очами и черным волосом прелестного. О краса Феба, и при трапезе всевышнего Юпитера сладостная лира, приятное облегчение в трудах, отзывайся ко мне, призывающему тебя с благоговением.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. латинские стихи — Гораций часто хвастает, что он первый ввел в латинские стихи размер лирический греческого стихотворца Алкея. Сей пиит обитал в городе Митилене, на острове Лесбос, принадлежавшем эолийцам, он был любимец муз, воин и великий ненавистник тиранов, как видно из сочинений его противу Питтака, Мизила, Мегалагира, Клеанактидов и некоторых

других. Сочинения его назывались «Стихотворения о мятежах». Квинтилиян в к⟨ниге⟩ X, в главе 1-й, говорит о нем: «По справедливости, в сей части сочинений Алкея, где он пишет против тиранов, присвояют ему золотый плектр.* Но он весьма полезен для нравственности; слог его сжат, величествен и весьма выработан. Часто уподобляется он Гомеру, но иногда нисходит к шуткам и к любовным предметам. Кажется, однако ж, что он рожден к выражению высоких мыслей».[1] Любимый Горациев размер стиха алкейского состоит из спондея, ямба, спондея, анапеста и ямба.

2. Бахуса — Гораций называет его Либером. Так именовался он, потому что восточные князья и цари называлися по-латыни «liberi, свободны».

3. неразлучное с нею дитя — сын ее Купидон, или, по-гречески, Эрот, бог любви.[2]

К МЕЛЬПОМЕНЕ

Кн. IV, ода III

Quem tu, Melpomene, semel
    nascentem placido lumine videris,
illum non labor Isthmius
    clarabit pugilem, non equus impiger

* Plectrum — наперсток, который надевали играющие на лире для сильнейшего трогания струн. См.: Trad⟨uction⟩ d'Horace, par mr Dacier. Livre II, ode XIII.

curru ducet Achaico
victorem, neque res bellica Deliis
ornatum foliis ducem,
quod regum tumidas contuderit minas,

ostendet Capitolio,
sed quae Tibur aquae fertile praefluunt
et spissae nemorum comae
fingent Aeolio carmine nobilem.

Romae principis urbium
dignatur suboles inter amabilis
vatum ponere me choros,
et iam dente minus mordeor invido.

O, testudinis aureae
dulcem quae strepitum, Pieri, temperas,
o, mutis quoque piscibus
donatura cycni, si libeat, sonum,

totum muneris hoc tui est,
quod monstror digito praetereuntium
Romanae fidicen lyrae;
quod spiro et placeo, si placeo, tuum est.

На кого ты, Мельпомена! при самом его рождении благосклонным оком взглянешь, того ни подвиг истмийский не прославит борцом, ни бы-

стрый конь не повезет победителем в ахейской колеснице, ни военный подвиг не покажет его Капитолии вождем, украшенным делийскими ветвями за то, что уничижил надменные угрозы царей; но воды, обтекающие плодоносный Тибур, и густые ветви рощ соделают его знаменитым в эолийских стихах. Чада Рима, первенствующего града, удостоивают помещать меня в лик приятных певцов; и уже зуб зависти менее грызет меня. О Муза пиерийская! златыя лиры сладкий звук размеряющая, о ты, которая, если пожелаешь, можешь и немым рыбам даровать голос лебедя, тебе обязан я тем, что показывают на меня перстом мимо идущие как на певца римской лиры; что жив, что нравлюсь, если нравлюсь, то все — твой дар.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Мельпомена* — одна из муз, наставница в трагедии и витийственном искусстве. Гораций принимает ее здесь в общем смысле за богиню стихотворства.

2. *истмийский* — так назывались славные греческие игры, которые Сизиф, царь коринфский, учредил в честь Мелисерта на пространном месте близ храма Нептунова. Они отличались от Олимпийских игр только тем, что праздновались чрез каждое трилетие и что победители венчаемы были сосновыми ветвями.

3. в ахейской колеснице — Ахеею называлась страна, которой столицею был Коринф. Имя сие присвоивали и всей Греции.

4. в Капитолии — см. выше, стра⟨ница⟩ 134, прим⟨ечание⟩ 10, «Против корыстолюбия».

5. делийскими ветвями — то есть лавровым венком, посвященным Аполлону, родившемуся в Делосе.

6. Тибур — см. выше, стр⟨аница⟩ 157, прим⟨ечание⟩ 4, «Скромная беспечность».

7. эолийские стихи — Гораций называет стихи свои эолийскими, поелику подражал он в оных Алкею и Сафе, уроженцам Митилены, города эолийского и столицы острова Лесбоса.

8. пиерийская — пиеры, фракийский народ, оставя родину свою, овладели частью Фессалии[1] и посвятили там два источника, Пимплею и Пиерию, музам, от которых они пиеридами и пимплеидами названы.

9. голос лебедей — в древности думали, что лебеди, наипаче перед смертью своей, весьма приятно пели.

10. что жив — Гораций спасение своей жизни на Филиппийском сражении и по случаю упавшего дуба, чуть было его не убившего, равно как избавление при кораблекрушении у Палинурского мыса, приписывает музам. См.: кн. II, ода VII и кн. III, ода IV.

17 Зак. 3682

ПИИТ-ЛЕБЕДЬ

Кн. II, ода XX

Non usitata nec tenui ferar
penna biformis per liquidum aethera
vates, neque in terris morabor
longius, invidiaque maior

urbis relinquam. Non ego, pauperum
sanguis parentum, non ego, quem vocas,
dilecte Maecenas, obibo,
nec Stygia cohibebor unda.

Iam iam residunt cruribus asperae
pelles, et album mutor in alitem
superne, nascunturque leves
per digitos umerosque plumae.

Iam Daedaleo notior Icaro
visam gementis litora Bosphori
Syrtisque Gaetulas canorus
ales Hyperboreosque campos.

Me Colchus et, qui dissimulat metum
Marsae cohortis, Dacus et ultimi
noscent Geloni, me peritus
discet Hiber Rhodanique potor.

Absint inani funere neniae
luctusque turpes et querimoniae;
conpesce clamorem ac sepulcri
mitte supervacuos honores.

На необыкновенных и неслабых крыльях, двуобразный певец, воспарю я в лиющемся эфире, не закосню более на земле и, вознесшись над завистью, оставлю под собою грады. Нет, хотя я отрасль бедных родителей, я, которого ты любезным называешь, о Меценат! но не умру; стигийские струи не удержат меня. Уже, уже голени мои покрываются жесткою кожею; в белую птицу превращаюсь сверху, и легкие перья родятся на перстах и на плечах моих. Уже быстрее Дедалова Икара посещу я берега стенящего Босфора, и гетулийские песчаные степи, и гиперборейские поля в виде громогласной птицы. Колх и дак, притворно не страшащийся марзских полков, и удаленные гелоны узнают обо мне, узнает мудрый иберец и пьющий роданские струи. Прочь плачевные пения при мнимых похоронах, и постыдные сетования, и жалобы: воздержи вопль и оставь ненужные над гробницею почести.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *двуобразный певец* — то есть пиит-лебедь, в которого он себя преображает.

2. стигийские струи — Стикс — адская река.

3. Дедалова Икара — Дедал, афинянин, сын Эвпалама, внук Эрехтея, царя афинского, был весьма искусный художник. Он построил для Миноса известный лабиринт и в оный за сводничество Пазифае заключен был купно с сыном своим Икаром. Он сделал для него и для себя крылья, воском сплоченные. Таким образом улетели они из лабиринта, но Икар поднялся слишком высоко и близко к солнцу, крылья его растаяли, и он упал в море, по имени его прозванное.

4. Босфор фракийский — ныне константинопольский.

5. гетулийские песчаные степи — Гетулия — часть Мавритании близ горы Атласа, но поелику народы сии часто переходили с места на место и не имели постоянных жилищ, то вся Африка проименовалась Гетулиею.

6. Степи гиперборейские — г-н Дасье говорит, что гипербореанец означает живущего за Бореем, полуночным ветром. Но, как ветр сей дует от северной оси земли, то есть от самого края оной, то смешно было бы предполагать за оным жителей. Для того повествовавшие о гипербореанцах должны были принимать имя их в благоразумнейшем смысле и не означать оным людей, обитающих за ветром Бореем, но ближе всех прочих к нему или к полуночной оси живущих народов. Греки часто присовокупляли предлог

«ипер, υπερ, выше» к существительным для превращения их в превосходительную степень. Таким образом говорили они «υπερπυκρος, иперпикрос, выше горького» вместо «πυκροτατοσ, пикротатос, весьма горький, прегорький», «υπερξυροσ, иперксирос, выше сухого», вместо «ξυροτατοσ, ксиротатос, весьма сухой, пресухой». Я старался в коротком исследовании моем о гипербореанах доказать, что они были славенского поколения народ.[1] Один из оных и в позднейшие времена назывался «севера», то есть «северяне». Легко было баснословным грекам назвать живущий за оным народ гиперборейским, еще более северным народом.

7. Колх — Колхида по золотому руну, Язоном похищенному, весьма известна. Она лежит на восточном краю Черного моря и орошается рекою Фазисом, в оное море проливающимся.

8. дак — см. выше, стр⟨аница⟩ 124, прим⟨ечание⟩ 5, «На разврат нравов».

9. марзских — марзы, соседственный народ с римлянами. Из оного составлялась лучшая римская пехота. ⟨См. также выше, с. 251, примеч. 12 к оде «Предпочтение стихотворства»⟩.

10. гелоны — см. выше, стр⟨аница⟩ 210, прим⟨ечание⟩ 10, «Утешение в горести».

11. мудрый иберец — Гораций называет гишпанцев учеными, потому что во время Августа они весьма прилежали к словесным наукам.

12. роданские струи — известная ныне река Рон в Франции.

13. плачевные пения — они назывались «нении, neniae», по имени Нении, богини похорон, слез и жалоб.[2]

ГЕНИЙ-ПИИТ

(Ломоносов)

Кн. IV, ода II

Pindarum quisquis studet aemulari,
Iulle, ceratis ope Daedalea
nititur pennis, vitreo daturus
nomina ponto.

Monte decurrens velut amnis, imbres
quem super notas aluere ripas,
fervet immensusque ruit profundo
Pindarus ore,

laurea donandus Apollinari,
seu per audacis nova dithyrambos
verba devolvit numerisque fertur
lege solutis,

seu deos regesque canit, deorum
sanguinem, per quos cecidere iusta
morte Centauri, cecidit tremendae
flamma Chimaerae,

sive quos Elea domum reducit
palma caelestis pugilemve equumve
dicit et centum potiore signis
munere donat,

flebili sponsae iuvenemve raptum
plorat et viris animumque moresque
aureos educit in astra nigroque
invidet Orco.

Multa Dircaeum levat aura cycnum,
tendit, Antoni, quotiens in altos
nubium tractus. Ego apis Matinae
more modoque,

grata carpentis thyma per laborem
plurimum, circa nemus uvidique
Tiburis ripas operosa parvus
carmina fingo.

Concines maiore poeta plectro
Caesarem, quandoque trahet ferocis
per sacrum cliuum merita decorus
fronde Sygambros,

quo nihil maius meliusve terris
fata donavere bonique divi
nec dabunt, quamvis redeant in aurum
tempora priscum.

Concines laetosque dies et urbis
publicum ludum super impetrato
fortis Augusti reditu forumque
litibus orbum.

Tum meae, si quid loquar audiendum,
vocis accedet bona pars, et «o sol
pulcher, o laudande!» canam recepto
Caesare felix.

Teque, dum procedis, «io Triumphe!»
non semel dicemus, «io Triumphe!»
civitas omnis dabimusque divis
tura benignis.

Te decem tauri totidemque vaccae,
me tener solvet vitulus, relicta
matre qui largis iuvenescit herbis
in mea vota,

fronte curuatos imitatus ignis
tertius lunae referentis ortum,
qua notam duxit niveus videri,
cetera fulvus.

Кто старается подражать Пиндару, о Юлий, тот на составленных Дедалом восковых крыльях силится зеркаловидному морю дать свое имя.

Как низвергающийся с горы поток, который, дождями выше знакомых берегов наводненный, кипит, так безмерно глубокими устами реет Пиндар, равно достойный лавра Аполлонова, в дерзновенных ли дифирамбах расстилает новые слова, катит и стремится свободным размером; воспевает ли богов, царей ли, сие племя богов, от коих праведною смертию пали кентавры, пала и рыгающая пламень Химера; поет ли достойных неба, в домы с элидскими пальмами возвращающихся; славит ли бойца и коня и дарит им награду, ста памятников лучшую, сетует ли о юноше, у плачущей невесты похищенном, и превозносит в нем до звезд достойные златого века мужество, дух и нравы, и из мрачного Орка его исторгает, эфирная сила, о Антоний! подъемлет сего диркейского лебедя, когда он превыше стезей облачных возносится. Я же, подобно матинийской пчеле, сладость из тмина с великою заботливостию около рощицы и влажных берегов Тибура собирающей, слабые составляю многотрудные стихи. Ты, о пиит! воспой на громогласнейшей лире Кесаря, когда украшенный заслуженными ветвями, поведет он на священный холм свирепых сикамбров. Ничего величайшего и изящнее его судьба и благие боги не даровали и не подарят вселенной, хотя бы возвратилось древнее золотое время. Ты воспоешь радостные дни и общественное торжество града и упраздненное от тяжеб вече при вожделенном возвращении мужественного Авгу-

ста. Тогда мой голос, если что достойное слышания сказать могу, соединится с твоим, и я воспою: о прекрасный, о благословенный день, счастливый восприятием Кесаря; во время шествия твоего не один раз: ура! целым городом: ура! — воскликнем и фимиам принесем богам всемилосердным. Тебя разрешат от обета десять волов и столько же телиц; а меня нежный, отдоенный теленок,[1] в высокой пажити возрастающий; челом подобится он согнутому свету луны, тридневный восход показывающей; вдоль оного видно белое, как снег, пятно; сам же весь он красно-бледный.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Пиндару* — славнейший греческий лирик. Он родился в Фивах Беотийских, жил во время Ксеркса, царя персидского, 476 лет до Р. Х. Нам осталась только малая часть из творений сего великого пиита, о которых Гораций упоминает, но они достаточно оправдывают похвалы его и доказывают, что древние не обманулись, когда общим мнением признали Пиндара первым лириком.

2. *Юлий* — Юлий Антоний, сын Марка Антония и Фульвии. Август, победив отца, простил сыну, возвел его в сан первосвященника, претора и консула и наконец женил на племяннице своей, дочери Октавии. Антоний заплатил ему

неблагодарностью и наконец осужден был к смерти.

3. *Дедалом* — см. выше, стр⟨аница⟩ 260, прим⟨ечание⟩ 3, «Пиит-лебедь».

4. *дифирамбах* — род лирического, весьма смелого в вымыслах и выражениях, сочинения, обыкновенно похвалы Бахуса предметом имеющего. Пиндар сочинил много дифирамбов, но они к нам не дошли и, следовательно, не имея образцов, не можем основательно судить о сем роде стихотворства. Известно только, что в них находилось много исступления, резких картин, высокопарности и составленных слов.

5. *пали кентавры* — Геркулес, Тезей и Пиритой истребили кентавров, которые, как известно, были полукони. Басня о них основана, кажется, на следующих преданиях. В царствование Иксиона в Фессалии стадо бешеных быков учинили гору Пелион неприступною и опустошали окрестности оной. Царь обещал великую награду за истребление быков сих. У подошвы помянутой горы было селение, называемое Нефеле, значащее по-гречески Облако. В оном отыскалось несколько молодых людей, предприявших исполнить опасный и трудный подвиг. Для сего изобрели они искусство верховой езды и с помощью обученных коней истребили бешеных быков, отчего и прозвание кентавров получили, происходящее от двух греческих слов: «κεντειν, кентин, убивать» и «ταυροσ, таврос, тур, бык». Такой успех

сделал их более дерзновенными, они начали нападать на соседственные селения, которых устрашенные жители приняли их за чудовищ, человеческие туловища верх конских грудей имеющих. А как они были жители селения, называющегось Нефеле, или Облако, то и выдумана баснь, что они рождены облаком от Иксиона по следующему случаю. Иксион, учиняя непростительное злодейство на земли, был взят Юпитером на небо. Тут влюбился он в Юнону, которая донесла о сем супругу своему. Юпитер, не доверяя ей, дал образ ее облаку и скоро удостоверился в злопосягании Иксиона на целомудренную супругу его. В наказание возвратил он преступника на землю, а потом за самохвальство поразил громом. От совокупления Иксиона с облаком породились кентавры. Истолкование басни сей завело бы меня, может быть, слишком далеко. Ограничусь предложением догадки, что кентавры были скифский конный народ, перешедший в Фракию и Тессалию от Дунайских гор, что греки, не обыкшие видеть конников, приняли их за полуконей и что оттого прежде обитаемые ими горы и до сего времени Полканами называются.[2]

6. *Химера* — см. выше, стр⟨аница⟩ 227, прим⟨ечание⟩ 1, ⟨«Болящему другу»⟩.

7. *с элидскими пальмами* — то есть с оливными венками, которыми награждали победителей в играх олимпийских, празднуемых в Элиде, стране пелопоннесской.

8. бойца и коней — на играх олимпийских и им подобных отличались кулачным боем и колесничным ристанием.

9. невесты — сие Пиндарово сочинение до нас не дошло.

10. Орка — см. выше, стр⟨аница⟩ 151, прим⟨ечание⟩ ⟨7⟩, «Богатому соседу».

11. диркейского лебедя — близ Фив в Беотии был источник, называющийся Дирке по имени жены тамошнего царя Лика, но многоученый Бохарт, весьма благоуспешно, для избежания на ином языке нелепого с именем сей царицы двузначения, доказал, что название помянутого источника происходит от арапского слова «зирка дирке», означающего «синеватый», каковым действительно сочинитель «Тебаиды»[3] источник сей называет.

12. матинийской пчеле — селение Матину одни полагают в Апулии, другие — в Калабрии.

13. Тибура — см. выше, стр⟨аница⟩ 157, прим⟨ечание⟩ 4, «Скромная беспечность».

14. на громогласнейшей лире — в подлиннике сказано: «бо́льшим смычком» или наперстком — «majore plectro». См. выше, стр⟨аница⟩ 224, прим⟨ечание⟩ ⟨10⟩, ⟨«Проклятие дереву»⟩.

15. священный холм — так назывался в Риме холм, на котором находился главный храм Капитолийский, куда возводили торжествующих победителей.

16. сикамбров — древние жители нынешней Гельдрской страны в Голландии.[4]

17. упраздненный от тяжущихся сторон — в Риме производились суды на площади. Во время больших празднеств они останавливались.

18. Ура! — у римлян вместо нашего «ура!» восклицали «йо триумф, io triumphe».

19. обет — древние, как и нынешние набожные люди, чинили разные обеты для желаемого события.

К МУЗЕ

(Певцу Фелицы)

Кн. I, ода XXVI

Musis amicus tristitiam et metus
tradam protervis in mare Creticum
portare ventis, quis sub Arcto
rex gelidae metuatur orae,

quid Tiridaten, terreat, unice
securus. O, quae fontibus integris
gaudes, apricos necte flores,
necte meo Lamiae coronam,

Piplei dulcis. Nil sine te mei
prosunt honores; hunc fidibus novis
hunc Lesbio sacrare plectro
teque tuasque decet sorores.

Друг муз, печаль и тревоги отдам буйным ветрам, да унесут на Кретское море. Какой под созвездием Медведицы в хладном краю страшен царь, чего Тиридат страшится, совсем не беспокоюсь. О ты, нечерпаными источниками пленяющаяся, милая Пимплея! сплети из растущих на солнце цветов, сплети моему Ламию венок. Ничто же без тебя хвалы мои: его на новых струнах, его на лесвийской лире прославлять прилично тебе и сестрам твоим.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Кретское море* — часть Средиземного моря, остров Крет омывающего. Оно подвержено было частым бурям.

2. *созвездие Медведицы* — самое северное, никогда не заходящее созвездие, так от греческого слова «αρκτος, арктос, медведь» называемое.

3. *страшен царь* — о ком и о чем Гораций говорит, догадаться невозможно.

4. *Тиридат страшится* — Тиридат — царь парфян. Гораций говорит здесь, чаятельно, о страхе, нанесенном Тиридату Фраатом, когда он шел противу его с скифским воинством или когда чрез послов просил Августа о выдаче ему Тиридата как бунтовщика. См. выше, стр⟨аница⟩ 147, прим⟨ечание⟩ 6, «Против златолюбия».

5. *нечерпаные источники* — Гораций часто говорит, что он первый, который ввел в лирическое латинское стихотворство размеры Алкея.

6. *Пимплея* — см. выше, стр⟨аница⟩ 257, примеч⟨ание⟩ ⟨8⟩, «К Мельпомене».

7. *Ламию* — Элий Ламий — хороший пиит. Цицерон во многих местах похваляет его.

8. *на лесвийской лире* — в подлиннике сказано: «лесвийским смычком», или наперстком. См. выше, стр⟨аницы⟩ 253—254, прим⟨ечание⟩ 1, «К лире». То есть размером стихов славного Алкея, лесвийского пиита. ⟨См. также выше, с. 252, примеч. 16 к оде «Предпочтение стихотворства», ср., кроме того, с. 224, примеч. 10 к оде «Проклятие дереву»⟩.

О ДОСТОИНСТВЕ СТИХОТВОРСТВА

Кн. IV, ода VIII

Donarem pateras grataque commodus,
Censorine, meis aera sodalibus,
donarem tripodas, praemia fortium
Graiorum, neque tu pessima munerum
ferres, divite me scilicet artium
quas aut Parrhasius protulit aut Scopas,
hic saxo, liquidis ille coloribus
sollers nunc hominem ponere, nunc deum.

Sed non haec mihi vis, nec tibi talium
res est aut animus deliciarum egens.
Gaudes carminibus; carmina possumus
donare et pretium dicere muneri.
Non incisa notis marmora publicis,
per quae spiritus et vita redit bonis
post mortem ducibus, non celeres fugae
reiectaeque retrorsum Hannibalis minae,
non incendia Karthaginis impiae,
eius, qui domita nomen ab Africa
lucratus rediit clarius indicant
laudes quam Calabrae Pierides; neque,
si chartae sileant quod bene feceris,
mercedem tuleris. Quid foret Iliae
Mavortisque puer, si taciturnitas
obstaret meritis invida Romuli?
Ereptum Stygiis fluctibus Aeacum
virtus et favor et lingua potentium
vatum divitibus consecrat insulis.
Dignum laude virum Musa vetat mori,
caelo Musa beat. Sic Iovis interest
optatis epulis impiger Hercules,
clarum Tyndaridae sidus ab infimis
quassas eripiunt aequoribus rates,
ornatus viridi tempora pampino
Liber vota bonos ducit ad exitus.

18 Зак. 3682

Охотно подарил бы я друзьям моим чаши, о Цензорин! и бронзы; подарил бы треножники, награду храбрых ахеан; и не худшие достались бы тебе, если б был я богат художествами, какие Парразий или Скопас напоказ выставляли; сей из камня, тот лиющимися красками искусный то человека, то бога представлять. Но сим я не изобилен, а ты не имеешь в том нужды, ни склонности к таким забавам. Ты любишь стихи: стихами можем подарить тебя и сказать их цену. Ни вырезанные на мраморе громкие надписи, возвращающие после смерти дух и жизнь доблестным вождям, ни поспешное бегство, ни угрозы отраженного Ганнибала, ни пожар вероломной Карфагены не означают яснее хвалы того, который, от завоеванной Африки стяжав имя, возвратился, как Пиериды калабрские. Если свитки замолчат о добрых делах твоих, не понесешь награды. Что был бы сын Илии и Марса, если бы завистливое молчание воспятило[1] достоинствам Ромула? Исторгнув Эака из стигийских волн, доблесть, благосклонность и глас знаменитых пиитов посвящают ему Богатые острова. Мужу, достойному хвалы, воспрещает Муза умирать: небом Муза дарит. Так неутомимый Геркулес участвует в вожделенной трапезе Юпитера; светлое созвездие Тиндаридов из глубины вод износит разбитые корабли, и Вакх, украшающий зеленым виноградным листьем чело, приводит мольбы к благому окончанию.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Цензорин — Кай Марк Цензорин был консулом. Он служил при Кае Кесаре, внуке Августа, сопутствовал ему в Сирию, где и умер. Валлий Патеркул свидетельствует, что Рим весьма сожалел о его кончине.

2. награду храбрых ахеан — во многих местах у древних видим, что чаши, треножники и рукомойницы были весьма лестные для героев подарки. В XIX-й песне «Илиады» Ахиллес получает от Агамемнона 20 рукомойников и 7 треножников. Плавт упоминает о чаше, подаренной Амфитриону.

3. Парразий или Скопас — тот был искусный ваятель, а сей — славный эфесский живописец, современник Ксеркса, жившие в начале V-го столетия прежде Р. Х.

4. К таким забавам — г-н Дасье переводит слова «nec tibi talium res est aut animus deliciarum egens» — «heureusement pour moi, Vous êtes assez bien garni de toutes ces curiosités et Vous n'en souhaitez pas davantage, к счастию моему, Вы довольно запасены редкостями сими и не желаете более». Он думает, что Гораций не хотел сказать о Цензорине, что он пренебрегает статуи и картины, но что более не жадничает доставать их, имея уже довольно. Осмелюсь заметить, что, напротив того, Гораций приписывает Цензорину пренебрежение к редкостям сим, называя их иг-

рушками и противуполагая он им любовь его к стихотворству.

4. *Карфагены* — г-н Дасье справедливо попрекает Горация, что он смешивает здесь неодновременные события и разные лица: бегство Ганнибала ⟨см. выше, с. 124, примеч. 12 к оде «На разврат нравов»⟩ относится к второй, а сожжение Карфагены к третьей Пунической войне, в которых предводительствовали — в оной великий Сципион, а в сей, пятьдесят лет спустя, Эмилиан Сципион, по усыновлению внук его. Но, как оба Сципионы сии проименованы были «Африканскими», то и выражения Горация могут, как вообще, так и особенно, к обоим относиться. Небесполезным нахожу, что стихотворческие здесь картины Гораций, без сумнения, списал не с надписей, как г-н Дасье заключает, но с изваяний на памятниках, воздвигнутых в честь обоих победителей.

5. *Пиериды калабрские* — Гораций означает здесь пиита Энния, уроженца Рудии, небольшого города в Калабрии. В числе многих сочинений его, написал он 18-ть книг летописей, содержащих повесть Рима по 577-й год от основания оного. Гораций имеет в виду сии летописи, ибо в оных Энний воспел похвалы Сципиона, а наипаче победу, одержанную им над Ганнибалом в Африке. См. также выше, стр⟨аница⟩ 257, ⟨примечание 8⟩, «К Мельпомене».

6. *свитки* — хартия, chartae, суть древние свитки пергаментные, которые служили вместо книг.

7. сын Илии и Марса — Ромул. Мать его Илия была дочь Нумитора, потомка Энеева. Брат его Амулий не токмо отнял у него царство, но, дабы не имел он наследников, принудил дочь его быть жрицею Весты, а потом повелел утопить в реке Анние или Тибре. Сию несчастную жертву властолюбия одни называют Илиею, а другие Реею Сильвиею.

8. исторгнув Эака из стигийских волн — Эак был сын Юпитера и Эгины, отец Пелея и Теламона, один из адских судей, заведовал европейские народы. Стиксом назывался один источник в Аркадии, вода оной была смертоносна,[2] и для того пииты почитали ее адскою рекою.

Не во гнев баснословам грекам, река Стикс никогда не протекала в Аркадии, но на крае Севера. Чтобы удостовериться в истине сей, стоит только со вниманием прочитать описание оной в Гезиоде. См.: «Богорождение», от 713-го по 819-й стих, а в переводе г-на Жина, 157 до 165 страницы.[3]

9. Богатые острова — именем сим означались поля Элисейские, полагаемые иными в Андалусии, области испанской, но, поелику она не остров, то некоторые признавали райскими, Богатыми островами лежащие в Атлантическом море Канарийские и другие соседственные им острова.

10. неутомимый Геркулес — многочисленные подвиги его всем известны. Они доставили

ему исключительное преимущество участвовать в пиршестве богов, поелику и живого его не мог удержать Тартар, сия вечною ночью покрытая страна.

11. Тиндаридов — они были дети Тиндара и Леды, братья Елены. См. выше, стр⟨аницы⟩ 158—159, прим⟨ечание⟩ ⟨17⟩, «Скромная беспечность».

12. Вакх — см. выше, стр⟨аница⟩ 254, прим⟨ечание⟩ 2, «К лире». ⟨Ср. также с. 178, примеч. 11 к оде «Переманка»; с. 197—197, примеч. 4 к оде «Беззаботность»; с. 247, примеч. 12 к оде «Другу сердца»⟩.

13. к благому окончанию — таковое мнение заставило одного греческого витию сказать о Бахусе, что он — друг всякого времени и фортуны. Я думаю, что женолюбивый весельчак Гораций имел другие причины сказать о боге вина, что он приводит мольбы к благому окончанию.

ЖЕЛАНИЯ СТИХОТВОРЦА

Кн. I, ода XXXI

Quid dedicatum poscit Apollinem
vates? Quid orat de patera novum
    fundens liquorem? Non opimae
        Sardiniae segetes feracis,

non aestuosae grata Calabriae
armenta, non aurum aut ebur Indicum,
non rura quae Liris quieta
mordet aqua taciturnus amnis.

Premant Calenam falce quibus dedit
fortuna vitem dives ut aureis
mercator exsiccet culillis
vina Syra reparata merce,

dis carus ipsis, quippe ter et quater
anno revisens aequor Atlanticum
impune. Me pascunt olivae,
me cichorea levesque malvae.

Frui paratis et valido mihi,
Latoe, dones, ac precor, integra
cum mente, nec turpem senectam
degere nec cithara carentem.

Чего просит пиит у Аполлона при посвящении ему храма? О чем молит, проливая из чаши новое вино? Не богатых жатв плодоносной Сардинии, не тучных стад знойной Калабрии, не злата, не слоновой кости индийской, не пашен, которые Лириса, тихая река, молчаливою струею омывает. Обрезывай каленским ножом, кому

Фортуна даровала, виноградные лозы; пусть осушивает богатый из золотых чаш вино, промененное на сирские товары, любезный богам купец, без наказания три и четыре раза в год созерцающий Атлантические моря: меня питают оливы, меня цикорея и легкий проскурняк. Позволь мне, о сын Латоны! молю тебя! пользоваться собственностию при здоровии, пошли мне с свежим умом не постыдную и не лишенную лиры старость.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. при посвящении ему храма — Август в Палатинском дворце своем построил и посвятил храм Аполлону. По-видимому, слова Горация к сему случаю относятся.

2. новое вино — г-н Дасье замечает, что слова сии не означают начатков вина, приносимых токмо Юпитеру, но вино, проливаемое на жертву при каком-либо новом случае.

3. Лириса — весьма тихая река, разделяющая Лацию от Кампании. Она вытекает в окрестностях города Серы и впадает в море близ города Минтурна.

4. каленским ножом — Калена — город кампанийский, славящийся превосходными винами.

5. сирские — Сирия выше Аравии, между Ассириею и Средиземным морем.

6. *Атлантические моря* — так прозвано по горе Атласу прилежащее к Западной Африке море.

7. *проскурняк* — кажется, Гораций довольствуется уже слишком простою пищею. ⟨См. также выше, с. 144, примеч. 11 к оде «Похвала сельской жизни»⟩.

8. *о сын Латоны* — Аполлон.

9. *не постыдную и не лишенную лиры старость* — г-н Дасье переводит слова «nec turpem senectam degere» — «провесть отрадную старость, passer une belle vieillesse». Многие переводчики одного с ним мнения, но г-н Батте сказал: «предохранить меня от дряхлой старости — de me préserver d'une vieillesse languissante»,[1] сие дало мне повод заключить, что Гораций не весьма дорожил долгим веком.

ПАМЯТНИК ГОРАЦИЯ

Кн. III, ода XXX

Exegi monumentum aere perennius
regalique situ pyramidum altius,
quod non imber edax, non Aquilo impotens
possit diruere aut innumerabilis
annorum series et fuga temporum.
Non omnis moriar, multaque pars mei

vitabit Libitinam; usque ego postera
crescam laude recens, dum Capitolium
scandet cum tacita virgine pontifex.
Dicar, qua violens obstrepit Aufidus
et qua pauper aquae Daunus agrestium
regnavit populorum, ex humili potens
princeps Aeolium carmen ad Italos
deduxisse modos. Sume superbiam
quaesitam meritis et mihi Delphica
lauro cinge volens, Melpomene, comam.

Я совершил памятник долговечнее меди и высший царями воздвигнутых пирамид, который ни едкий дождь, ни Аквилон неукротимый, ни бесчисленный ряд годов, ни бег времени разрушить не могут. Не весь умру я: бо́льшая часть меня уйдет от Либитины. Все буду вновь возрастать в потомственной хвале, пока первосвященник с молчаливою девою восходить будет в Капитолию. Там, где быстрый Авфид шумит и где скудоводный Давн простым владел народом, не перестанут говорить обо мне, что, из низкого состояния вознесшись, первый присвоил я эолийские стихи италийской лире. Возгордись заслуженным достоинством, о Мельпомена! и благосклонно обвей власы мои дельфийским лавром.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *пирамид* — египетские пирамиды известны всем.

2. *Аквилон* — см. выше, стр⟨аница⟩ 190, прим⟨ечание⟩ 2, «Способ утешения». ⟨Ср. также с. 214, примеч. 8 к оде «Мореплавание»⟩.

3. *Либитины* — богиня похорон.

4. *молчаливою девою* — весталки обязаны были безмолвствовать при жертвоприношениях.

5. *в Капитолию* — см. выше, стр⟨аница⟩ 135, прим⟨ечание⟩ 10, «Против корыстолюбия».

6. *Авфид* — река в Апулии, нынешняя Офанто.

7. *Давн* — сын Поливна[1] и Данаи, царь Давнии, которая от него заимствовала свое имя. См. выше, стр⟨аница⟩ 184, прим⟨ечание⟩ 8, «Безопасность».

8. *из низкого состояния* — Квинтий Гораций Флакх родился 689 года от построения Рима в городе Венузии, на границах Лукании и Апулии находившемся. Он был сын освобожденного раба.

9. *италийской мере* — часто замечено было, что Гораций хвастается заимствованием Алкеева стихоразмерения. ⟨См. также выше, с. 253—254, примеч. 1 к оде «К лире», и с. 257, примеч. 7 к оде «К Мельпомене»⟩.

10. Мельпомена — см. выше, стр⟨аница⟩ 256, примеч⟨ание⟩ 1, «К Мельпомене».

11. дельфийским лавром — посвященным Аполлону, рожденному Латоною в острове Делосе.

ДОПОЛНЕНИЯ

ПОДРАЖАНИЕ ГОРАЦИЕВОЙ ОДЕ

Кн. II, ода XVI

Пловец морской спокойства просит
Во время бури у богов,
Когда корабль до облаков
Свирепою волной заносит.
Вздымая с ревом глубину,
Огромны мачты ветр ломает,
И мрак сгущенный затмевает
Блестящи звезды и луну.

Спокойства ищут мамелюки,[1]
Что, презря страх, и зной, и труд,
Песчаным морем в брань текут,
Тягча водой верблюжьи вьюки;
И росс, рожденный на снегах,
Кому на Тавр с Кавказа — шаг,[2]

Чей штык сквозь Альпы проникает,[3]
И росс спокойствия желает.

Спокойствия, что нам дарить
Не могут камни драгоценны,
Которого нельзя купить
За груды злата накопленны;
И стражи скорбям не претят
Вкрадаться в грудь земного бога;
Заботы стаями летят
Гнездиться внутрь его чертога.

Убогая семья стократ
Счастливей жизнь свою проводит;
Печаль средь мирных их отрад
Изре́дка мимо лишь проходит;
Из блюд наследных за столом
Они простую снедь вкушают;
И скорби их не пробуждают,
Успокое́нных легким сном.

Почто же в жизни сей мгновенной
Кружиться слепо за мечтой
И, в путь дерзая преткновенный,
Без нужды жертвовать собой?
Почто с трудом, с бедой и с стоном

Семьи чуждаться и друзей
И новых солнечных лучей
Искать под чуждым небосклоном?

Уйдет ли путник от себя,
Коль из отчизны удалится,
И средь военна корабля
С ним страсть порочная садится.
На бурном ли коне летит,
Забота вслед его спешит,
Быстрей еленей, в дол бежащих,
Быстрее ветров, пыль крутящих.

Когда ты в радости сей день,
О завтрашнем не суетися;
Коль грустен, разогнать потщися
Лучом надежды скорби тень.
Нет в мире блага совершенна:
Тот славен, — век короткий жил;
Другого, старостью согбенна,
Безвестным рок прожить судил.

В показанных тебе судьбою
Дождусь я, может быть, отрад.
Тучнятся шелковой травою
Там сто твоих рычащих стад;

Здесь кони ржут и пыль взвевают
В твоей упряжке золотой;
Парчою ты одет драгой,
И слуги в серебре блистают.

Меня ж хотя правдивый рок
Осыпать златом отказался,
Но искрою огня возжег,
Гораций коим оживлялся.
Поместьем малым я снабжен,
Но духом твердым одарен,
Что ложной славы не желает
И злобу черни презирает.

⟨Первая половина 1800-х гг. (?)⟩

КАМЕЛЕК

Вчера я в тереме Эльвиры
Один у камелька сидел
И на струнах ей милой лиры
Горациевы песни пел.

Давал совет он Левконое
О будущем не ворожить,
В веселости, в любви, в покое
Лишь настоящим часом жить.

Но между тем как я распелся
И позабыл летящий час,
Без дров, покуда осмотрелся,
Тихохонько огонь погас.

Эльвира! скрыв на сердце рану,
Давно горю любовью я:
Когда один гореть я стану,
Погаснет скоро жизнь моя.

⟨1806⟩

К СЛУГЕ

Кн. I, ода XXXVIII

Не люблю персидской пышности,
Мальчик! и в венках мне нужды нет,
Тонким лычком перевязанных;
Не трудись искать, где поздняя
Роза здесь еще цветет.

Без хлопот, простою миртою
Я доволен: мирта скромная
Нам прилична, как тебе, слуге,
Так и мне, когда под ветвями
Виноградными я пью.

⟨1815—1816⟩

19 Зak. 3682

РАЗЛИЧНОСТЬ ДАРОВАНИЙ

В стрáнах полнощных Ломоносов
На лире первый возгремел;
Высоки гимны в слух он россов
В божественном восторге пел.
Равно велик, бессмертно славен,
Внушенный музами Державин
В златые струны ударял
И переходом в тон из тона
Горация, Анакреона
И Пиндара нам воскрешал.[1]

Кто исполинам сим знакомо
Посмеет поприще протечь?
Ползуще в прахе насекомо
Не устрашится ль грозных встреч?
С холма на холм они ступали,
Широки реки прешагали,
Круг мира был их небокруг;
Верх облак глас их раздавался,
С перунами перекликался,
Пленял и поражал наш слух.

А мне судьба скупой рукою
Коль скудный уделила дар,

Я горней не помчусь стезею,
Как дерзкий в древности Икар,
Но, подвиг соразмеря с силой,
Как мотылек сей легкокрылый,
Порхать лишь буду по цветам;
Без смелого стихов искусства
Простые, к сердцу близки чувства
В простых напевах передам.

Счастлив, коль голос мой унылый
С чужою грустью соглашу
И тайной соучастья силой
Слезу страдальца осушу;
Коль мной печальный убедится,
Что скорби нить не вечно длится,
Что здесь надеждам нет конца;
Счастлив, гнетомого тоскою
Коль сладкой мыслью успокою,
Что есть чувствительны сердца.

15 июля 1818 г.

ОБУХОВКА[1]

Non ebur neque aureum
Mea renidet in domo lacunar...[a]

Кн. II, ода XVIII

В миру с соседами, с родными,
В согласьи с совестью моей,
В любви с любезною семьей
Я здесь отрадами одними
Теченье мерю тихих дней.

Приютный дом мой под соломой
По мне, — ни низок, ни высок;
Для дружбы есть в нем уголок,
А к двери, знатным незнакомой,
Забыла лень прибить замок.

Горой от севера закрытый,
На злачном хо́лме он стоит
И в рощи, в дальный луг глядит;
А Псел пред ним, змеей извитый,
Стремясь на мельницы, шумит.

Вблизи, любимый сын природы,
Обширный многосенный лес

[a] Парчи и резьбы позлащенны // Не красят дома моего... (*лат.*; *пер. В. В. Капниста*).

Различных купами древес,
Приятной не тесня свободы,
Со всех сторон его обнес.

Пред ним, в прогалине укромной,
Искусство, чтоб польстить очам,
Пологость дав крутым буграм,
Воздвигнуло на горке скромной
Умеренности скромный храм.

Умеренность, о друг небесный!
Будь вечно спутницей моей,
Ты к счастию ведешь людей,
Но твой алтарь, не всем известный,
Сокрыт от черни богачей.

Ты с юных лет меня учила
Честей и злата не искать,
Без крыльев кверху не летать
И в светлом червяке светила
На диво миру не казать.

С тобой, милейшим мне на свете,
Моим уделом дорожу;
С тобой, куда ни погляжу,
Везде и в каждом здесь предмете
Я нову прелесть нахожу.

Сойду ль с горы — древес густою
Покрытый тенью теремок
Сквозь наклоненный в свод лесок
Усталого зовет к покою
И смотрится в кристальный ток.

Тут вечно царствует прохлада
И освежает чувства, ум,
А тихий, безумолкный шум
Стремительного водопада
Наводит сон средь сладких дум.

Там двадцать вдруг колес вертятся,
За кругом поспешает круг,
Алмазы от блестящих дуг,
Опалы, яхонты дождятся,
Под ними клубом бьет жемчуг.

Так призрак счастья движет страсти,
Кружится ими целый свет.
Догадлив, кто от них уйдет:
Они все давят, рвут на части,
Что им под жернов попадет.

Пойдем, пока не вечереет,
На ближний остров отдохнуть;

К нему ведет покрытый путь,
Куда и солнца луч не смеет
Сквозь темны листья проскользнуть.

Там сяду я под бéрест мшистый,[2]
Опершись на дебелый пень.
Увы! недолго в жаркий день
Здесь будет верх его ветвистый
Мне слать гостеприимну тень.

Уж он склонил чело на воду,
Подмывшу брега крутизну,
Уж смотрит в мрачну глубину,
И скоро в бурну непогоду
Вверх корнем ринется ко дну.

Так в мире времени струями
Все рушится средь вечной при, —
Так пали древни алтари;
Так с их престольными столпами
И царства пали, и цари.[3]

Но скорбну чтоб рассеять думу,
Отлогою стезей пойдем
На окруженный лесом холм,
Где отражает тень угрюму
С зенита яркий Феб лучом.[4]

Я вижу скромную равнину
С оградой пурпурных кустов:
Там Флора,[5] нежна мать лугов,
Рассыпала свою корзину,
Душистых полную цветов.

Там дале, в области Помоны,[6]
Плоды деревья тяготят;
За ними Вакхов вертоград,[7]
Где, сока не́ктарного полны,
Янтарны гроздия блестят.

Но можно ль все красы картинны,
Всю прелесть их изобразить?
Там дальность с небокругом слить,
Стадами тут устлав долины,
Златою жатвой опушить?

Нет, нет, оставим труд напрасный,
Уж солнце скрылось за горой,
Уж над эфирной синевой
Меж туч сверкают звезды ясны
И зыблются в реке волной.

Пора к семейству возвратиться
Под мой беседочный намет,[8]

Где зря оно померкший свет
Уж скукой начало томиться
И моего возврата ждет.

Всхожу на холм — луна златая
На легком облаке всплыла
И верх текущего стекла,
По голубым зыбям мелькая,
Блестящий столп свой провела.[9]

О! как сие мне место мило
Когда во всей красе своей
Приходит спутница ночей
Сливать с мечтой души унылой
Воспоминанье светлых дней!

Вдали зрю смесь полянок чистых
И рощ, покрывших гор хребты,
Пред мною нежных роз кусты,
А под навесом древ ветвистых,
Как мрамор, белые кресты.

Благословенье! Молчалива
Витийственна предметов речь,
Гласит: «Ты зришь своих предтеч,
Священна се господня нива:
Ты должен сам на ней возлечь».

Так, здесь и прах отца почтенный,
И прах семи моих детей
Сырою я покрыл землей;
Близ них дерновый круг зеленый —
Знак вечной храмины моей.

Мир вам, друзья! Ваш друг унылый
Свиданья с вами скоро ждет;
Уж скоро!.. Кто сюда прийдет,
Над свежей скромною могилой[10]
В чертах сих жизнь мою прочтет:

«Капнист сей глыбою покрылся,
Друг муз, друг родины он был;
Отраду в том лишь находил,
Что, ей как мог служа, трудился,
И только здесь он опочил».

16 июля 1818 г.

В ПАМЯТЬ БЕ́РЕСТА

Здесь берест древний, величавый,
Тягча береговой утес,
Стоял, как патриарх древес;
Краса он был и честь дубравы,
Над коею чело вознес.

Перуном, бурей пощаженный,
Веками он свой век счислял,
Но бодрость важную казал
И, ветви распростря зелены,
Весь берег тенью устилал.

Ах! сколько крат в дни летня зноя,
Гнетомый скукой иль тоской,
Пришед под свод его густой,
Я сладкого искал покоя —
И сладкий находил покой.

От бури, от дождя, от града
Он был надежный мне покров;
И мягче шелковых ковров
В тени, где стлалася прохлада,
Под ним ковер мне был готов.

Там, в час священных вдохновений,
Внимать я гласу Музы мнил,
Мечтой себя там часто льстил,
Что Флакка добродушный гений
Над головой моей парил.

Мечты то были; но мечтами
Не все ль златятся наши дни?

В гостеприимной там тени,
Под кровом береста, часами
Мне представлялися они.

Казалось, дряхлостью сляченна,
Меня он, старца, преживет[1]
И в круге многих, многих лет
От своего чела взнесенна
Над правнуками тень прострет.

Но Псел скопленными струями,
Когда весенний таял снег,
Усиля свой упорный бег,
Меж преплетенными корнями
Под берестом смывает брег.

Уж берест клонится на воду,
Подрывшу брега крутизну,
Уж смотрит в мрачну глубину,
И скоро, в бурну непогоду,
Вверх корнем ринулся б ко дну.

Главой в реку б он погрузился
И, с илом там сгустя песок,
Свободный воспятил бы ток;
Об ветви б легкий челн разбился.
Пришел и твой, о берест! рок.

У корня уж лежит секира![2]
О скорбь! Но чем переменить?
Злой рок решил тебя истнить,[3]
Тебя, невинный житель мира,
И мне твоим убийцей быть!

Прости ж, прямой мой покровитель,
Теперь — лишь жалости предмет!
Прости, — и мой уж час грядет:
Твой гость, невольный твой губитель,
Тебя недолго преживет.

Но рок нас не разлучит вечно:
Ты часто мне дарил покой, —
В тебе ж и прах почиет мой:
Скончав путь жизни скоротечной,
Покроюся — твоей доской.[4]
⟨1822⟩

ЗАВИСТЬ ПИИТА ПРИ ВЗГЛЯДЕ НА ИЗОБРАЖЕНИЕ ОКРЕСТНОСТЕЙ И РАЗВАЛИН ДОМА ГОРАЦИЕВА

Tibur Argeo positum colono
sit meae sedes utinam senectae.
sit modus lasso maris et viarum
militiaeque.[a]
Кн. II, ода VI

Что пальма, что венец лавровый,
И обелиск, и мавзолей?
Дробит их в прахе Хрон суровый[1]
Под сильною пятой своей.
Как метеор в зыбях эфира,
Так слава исчезает мира
В туманной дальности времен!
И что сиять в ней может вечно?
Кто свяжет время быстротечно
И воскрылит к бессмертью тлен?

Лишь Феба дар[2] и лирны струны
С потомством нас соединят:
Как резки эхи, как перуны,
Немолчно звуки их гремят.

---

[a] Если б аргивцем Тибур насажденный // Дал мне, под старость, приют на просторе, // Мне, испытавшему в службе военной // Сушу и море! (*лат.*; *пер. А. А. Фета*).

Давно безвестная могила
Гнетет в пустыне прах Ахилла,
Но в песнях он Омира жив.[3]
Без лиры скрылся б след героев
И память знаменитых боев
В развалинах стовратных Фив.[4]

Сомнительну Энея славу
Вергилий лирой обновил
И вечный памятник Октаву
На почве лести утвердил;[5]
Как он, любимец муз и граций,
Веселый любомудр Гораций
Поднесь нас учит скромно жить,
Страшиться роскоши, разврата
И друга Флакка, Мецената,
Как друга нашего любить.

Давно певцов сих нет на свете,
Но слава их в веках живет,
И время в молнийном полете
С собой ее не унесет;
Их нет, но, песнью их плененны,
Спешим в тот край опустошенный,
Где раздавался глас их лир,
Где луг был топтан их стопою,

И восхищенною мечтою
Переселяемся в их мир.

Но, ах! почто воспоминаю
О сча́стливых любимцах муз?
Лишь в сердце зависть возрождаю:
Я тяжких не расторгну уз,
Которыми судьба строптива,
К ним щедра мать, чадолюбива,
Мой скудный оковала дар.
Все должен в тине я влачиться
И даже тем не смею льститься,
Чтоб пасть, как дерзкий пал Икар.

Вотще звучу на томной лире, —
Когда окончу жизни путь,
Из всех оставленных мной в мире
Никто не прийдет и взглянуть
На ветхий тот шалаш убогий,
Где, скрыт от шумныя тревоги
На безызвестных Псла брегах,
Протек мой век уединенный,
Как скромной рощей осененный
Ручей, извившийся в лугах.

⟨1820⟩

ЛЮБЕЗНОМУ И ПОЧТЕННОМУ ДРУГУ

Охотно б чаши, бронзы редки
Я в дар принес моим друзьям;
Треноги, что ахеан предки
Дарили храбрым их вождям;
И если б был богат искусством,
Которым Скопас и Фарраз
С толь дивным, превосходным чувством
Отделывали напоказ,
Тот в камне, кистью сей живою,
То смертных вид, то лик богов,
Тебе б признательной рукою
Принес я лучший из даров.

Но сим искусством, — сам ты знаешь,
Томара! не был я богат;
И от убогих не желаешь
Толь драгоценных ты заплат;
Притом и редкостьми не нужно
Приумножать богатый сбор,
Чтоб ими только в час досужный
Развлечь или забавить взор.
Стихи ты любишь, и стихами
Дарить тебя прилично мне:
Вот Флакк, коль чтимого веками
Творца узнаешь... в зипуне.

20 Зак. 3682

ПАМЯТНИК

Се памятник воздвигнут мною
Превыше царских пирамид,
И меди с твердостью большою
Он вековечнее стоит:
Ни едкий дождь, ни ветр шумящий,
Ни времени полет грозящий
Его не сильны низложить.

Не весь я тленностью возьмуся,
Но часть немалая меня
Уйдет, — и я тогда явлюся
Опять в сияньи новом дня;
Хвалою поздною воскресну
И буду цвесть, пока небесну
Рим будет жертву приносить.

Где волны Авфида клубятся,
Где царство Давн свое имел,
В устах всех будет повторяться,
Что подлый Флакк предать сумел
Эольский стих латинской лире, —
Гордись, гордись сим, Муза, в мире
И лавром увенчай меня!

ПРИЛОЖЕНИЯ

А. О. Дёмин

О РЕКОНСТРУКЦИИ КНИГИ В. В. КАПНИСТА «ОПЫТ ПЕРЕВОДА И ПОДРАЖАНИЯ ГОРАЦИЕВЫХ ОД»

Цель настоящего издания — во всей возможной полноте по архивным документам представить в основном оставшийся в рукописи замысел книги российского поэта Василия Васильевича Капниста (1758—1823) «Опыт перевода и подражания Горациевых од». Горацианские подражания и переводы Капниста по праву числятся среди лучших его стихотворных произведений, наиболее зрелых и совершенных, они были высоко ценимы современниками и несколькими поколениями любителей отечественной словесности, занимают заметное место в истории русской поэзии и художественного перевода. Важно иметь наглядное представление о целостной совокупности связанных между собой формальным и содержательным единством текстов «Опыта...».

Изданий подобного рода немало в русской литературе XVIII—первой четверти XIX в. Нет

нужды подробно останавливаться на том, какой широкий размах приобрел процесс заимствования и переноса в русской словесности XVIII в., формировавший целые пласты художественной выразительности, сам облик литературы как вида человеческой деятельности.[1] Рассмотрение фактов, свидетельствовавших о новых этапах и поворотных моментах этого процесса, существенно не только с исторической точки зрения.

Среди прочих развивающихся во времени явлений, характеризующих литературный процесс XVIII в., несомненный интерес представляет освоение художественных принципов и приемов античной поэзии, и в частности поэзии Квинта Горация Флакка (65 до н. э.—8 н. э.), оказавшей самое широкое влияние на европейское поэтическое искусство Нового времени. К наследию Горация обращались крупные мастера русской словесности XVIII столетия: Феофан Прокопович и А. Д. Кантемир, В. К. Тредиаковский, М. В. Ло-

[1] Исследовательская и справочная литература на русском и иностранных языках, посвященная вопросам перевода и заимствований в российской словесности, а также восприятию явлений иноземной изящной словесности на русской почве в XVIII в., чрезвычайно обширна и постоянно пополняется. Здесь следует указать первый опыт монографического обобщения исторического поиска в данной области: История русской переводной художественной литературы: Древняя Русь. XVIII век / Отв. ред. Ю. Д. Левин. СПб., 1995. Т. 1: Проза; СПб., 1996. Т. 2: Драматургия. Поэзия.

моносов и А. П. Сумароков, Г. Р. Державин, В. В. Капнист, М. Н. Муравьев, И. М. Муравьев-Апостол и многие другие. Помимо их творчества внедрение и распространение горацианской оды прослеживается на более широком материале, включающем семинарскую и дилетантскую поэзию. Ценные исследования этой темы (отдельные статьи, диссертации, библиографические обзоры) регулярно появляются на русском языке, однако обобщающей монографией до сих пор остается постепенно устаревающее и выполненное на материале исключительно печатных источников исследование В. Буша «Гораций в России».[2] Важным источниковедческим дополнением к нему стали посвященные Горацию страницы в справочнике Е. В. Свиясова «Античная поэзия в русских переводах XVIII—XX веков».[3] Наконец, непосредственно теме горацианских переложений Капниста в историческом контексте, соотношению их с латинскими оригиналами и другими русскими и зарубежными переводами посвящена монография немецкого исследователя А. Бласберга.[4]

[2] *Busch W.* Horaz in Russland: Studien und Materialen. München, 1964.

[3] Античная поэзия в русских переводах XVIII—XX веков: Библиогр. указ. / Сост. Е. В. Свиясов. СПб., 1998. С. 275—303.

[4] *Blasberg A.* Vasilij Vasil'evič Kapnist und seine Übertragungen von Gedichten des Horaz ins Russische. Rahden,

* * *

При жизни поэт выпустил два собрания своих стихотворений. Первое вышло в Петербурге в 1796 г. под названием «Сочинения Василия Капниста». В этом собрании еще нет горацианских материалов. Впервые свое подражание Горацию Капнист напечатал в альманахе Н. М. Карамзина «Аониды».[5] Следующим этапом публикации горацианских переложений стали «Лирические сочинения Василия Капниста» (СПб., 1806).[6] Книга включает четыре больших раздела: «Оды духовные», «Оды торжественные», «Оды нравоучительные и элегические» и «Оды горациянские и анакреонтические». В последний раздел под видом анакреонтических од перешли стихотворения из рубрики «Лирические мелочи» «Со-

---

2007. Об автобиографических аспектах горацианских переводов см.: *Шарф К.* Горацианская сельская жизнь и европейский дух в Обуховке: Дворянский интеллигент Василий Капнист в малороссийской провинции / Дворянство, власть и общество в провинциальной России XVIII в. М., 2012. С. 402—430.

[5] См.: Аониды. 1798—1799. Кн. 3. С. 17—19 (под заглавием «Подражание IV оде ⟨книги I⟩ Горация»; впоследствии печаталось под заглавием «Весна»). Указание в издании Капнист 1941. С. 288 на публикацию стихотворения Капниста «Время» (подражание оде XIV книги II) в журнале «Чтение для вкуса, разума и чувствований» (1791. Ч. 2. С. 42—45) ошибочно. Под этим заглавием в журнале опубликовано другое стихотворение неустановленного автора.

[6] Фактически сборник был напечатан в конце 1810 г. (см. ниже).

чинений» 1796 г. Подражания одам Горация и их переводы являются важной отличительной особенностью «Лирических сочинений» 1806 г. В этом издании были помещены восемнадцать переводов и подражаний, включавших и одно обнародованное ранее.[7] Впоследствии при жизни Капниста и вскоре после его кончины в столичных и провинциальных журналах вышли в свет еще двенадцать горацианских переложений.[8]

[7] В большинстве случаев за неимением автографов и косвенных свидетельств публикация в «Лирических сочинениях» является единственным ориентиром для датировки этих стихотворений. Их перечень в порядке следования в сборнике: «Весна», «Ворожба», «Суетность жизни», «Утешение в горести», «Совет», «Желание стихотворца», «Время», «Беззаботность», «Набожность», «Другу сердца», «Умеренность», «Певцу Фелицы», «Красота», «Другу моему», «Призывание Венеры», «Ломоносов», «Богатому соседу», «Памятник Горация».

[8] Их хронологический перечень по времени публикации: «О достоинстве стихотворства» (Труды Казанского общества любителей отечественной словесности. 1815. Кн. 1. С. 88—90); «Ничтожество богатств» (Там же. С. 208—210); «Подражание Горацию» (Чтение в Беседе любителей русского слова. 1815. Кн. 17. С. 97—98) (известно под заглавием «Судьба»); «Способ к довольству» (Там же. 1815. Кн. 18. С. 42—44); «На смерть друга» (Журнал древней и новой словесности. 1818. Ч. 1. № 1. С. 15—17); «Слуге» (Там же. Ч. 2. № 7. С. 121); «Предпочтение стихотворства» (Труды Общества любителей российской словесности при Московском университете. 1819. Ч. 15. С. 25—27); «К Пирре» (Там же. С. 28—29) (в рукописях встречается под заголовком «Непостоянство»); «Из Горация» (Там же. 1821. Ч. 19. С. 36—38) (в рукописях

Публикация новых стихотворений Капниста из этой группы тогда приостановилась, однако на протяжении XIX—первой трети XX в. его стихи, и в их числе уже известные читателям горацианские переложения, неоднократно переиздавались и были в поле зрения читающей публики.[9]

В 1910 г. появилась большая работа А. А. Веселовского под названием «Капнист и Гораций: (Эпизод из знакомства с классической литературой в конце XVIII—начале XIX в.)».[10] Она представляла собой исследование темы, опирающееся на архивные материалы. В составе статьи по рукописным источникам было опубликовано «Предисловие» Капниста к неосуществленному сборнику переводов и подражаний Горацию. Здесь же в отрывках и пересказе был напечатан документ, свидетельствующий о том, что «Опыт перевода и подражания Горациевых од» должен был войти в готовившееся Капнистом полное собрание сочинений отдельным томом. Работу Ве-

---

и позднейших публикациях встречается под заголовком «Мореплавание»); «К Мельпомене» (Там же. 1822. Ч. 2. С. 206—207); «К лире» (Там же. 1824. Ч. 4. С. 232); «Пиит-лебедь» (Там же. С. 233).

[9] Обзор этих перепечаток см.: Капнист 1973. С. 281.

[10] *Веселовский А. А.* Капнист и Гораций: (Эпизод из знакомства с классической литературой в конце XVIII—начале XIX в.) // Известия Отделения русского языка и словесности Имп. Академии наук. 1910. Т. 15. С. 199—232 (отд. изд.: СПб., 1910).

селовского можно считать первым шагом в изучении и научной публикации горацианского цикла Капниста.

В 1941 г. в серии «Библиотека поэта» выходит том «Избранных сочинений» Капниста, подготовленный Б. И. Копланом (Капнист 1941). При сборе материала для этого издания ученым были основательно проработаны материалы из архива Капниста, с 1934 г. хранившиеся в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР. В «Избранные сочинения» вошли шестнадцать ранее не публиковавшихся переводов и подражаний Горацию[11] (авторство одного из этих стихотворений, «Фавну», впоследствии было приписано сыну В. В. Капниста Семену).[12] Важным нововведением публикатора было расположение стихотворений в соответствии со списком, который Капнист составил в 1814 г., размышляя над составом будущей книги. После стихотворений, включенных в список, Коплан поместил горацианские оды Капниста, в него не

---

[11] Их перечень в порядке следования в томе: «На разврат нравов», «На роскошные обиталища», «Против златолюбия», «Скромная беспечность», «К слуге», «Безопасность», «Способ утешения», «Подражание Горациевой оде ⟨ода XVI книги II⟩», «Похвала сельской жизни», «Любовная клятва», «Фавну», «Мщение любовника», «Расчетливое угощение», «Проклятие дереву», «Болящему другу», «Переманка».

[12] См.: Капнист 1959. С. 413 (примечания Ю. Д. Иванова).

вошедшие. По-видимому, условия этой публикации не позволили показать границы разделов в списке Капниста, а также отчетливо противопоставить стихотворения из списка и добавления. И все же публикация 1941 г. стала важным шагом в изучении рассматриваемой темы.

В связи с двухсотлетним юбилеем Капниста в 1959 г. Государственным издательством художественной литературы были выпущены «Сочинения» Капниста со вступительной статьей Д. Д. Благого (Капнист 1959). Текст этого собрания и комментарии к нему были подготовлены Ю. Д. Ивановым. Важнейшим достижением издания стало уточнение датировки ряда стихотворений, в том числе и горацианских. Однако проблема обособления горацианского цикла здесь не ставилась. Все стихотворения независимо от их жанра, в том числе подражания и переводы, были помещены в едином хронологическом ряду.

Кроме того, Академией наук СССР было решено подготовить по возможности полное собрание сочинений и писем писателя. Это начинание было осуществлено Д. С. Бабкиным в 1960 г. (Капнист 1960). Публикацию академического двухтомника сочинений Капниста можно считать центральным событием в истории издательского представления творчества поэта. В нем были учтены богатейшие материалы архивохранилищ, особенно Института русской литературы (Пушкинский Дом) и Библиотеки Украинской акаде-

мии наук (ныне Национальная библиотека Украины им. В. И. Вернадского). Несмотря на все недостатки этого издания, отмеченные позднейшими исследователями и публикаторами сочинений Капниста, оно является наиболее полным, хотя и не исчерпывающим, сводом его сочинений.

Горацианские стихотворения в издании 1960 г. расположены следующим образом. В т. 1 в хронологическом порядке наряду с другими были напечатаны стихотворения с авторским жанровым определением «Подражание Горацию» и посвящение сборника императору Александру I. В т. 2 вместе с другими переводами помещены «Предисловие» и стихотворения, обозначенные автором как переводы од Горация. Порядок следования стихотворений в этом разделе, как отмечает редактор, уже не хронологический, но соответствующий списку, составленному Капнистом в 1820-е гг. Кроме того, Д. С. Бабкин упоминает о плане книги горацианских переложений, над которой, как он полагал, поэт работал во второй половине 1810-х—начале 1820-х гг., и указывает, каким образом эта книга должна была строиться.[13] В разделе примечаний составителя выборочно публикуются также примечания Капниста к переводам од Горация.

Последним крупным изданием сочинений Капниста явился том «Избранных произведе-

[13] См.: Капнист 1960. I. С. 554.

ний» во втором издании большой серии «Библиотеки поэта», подготовленный Г. В. Ермаковой-Битнер в сотрудничестве с Д. С. Бабкиным и вышедший в 1973 г. (Капнист 1973). В этом издании справедливо критикуются принципы публикации горацианских стихов в предыдущем собрании.[14]

В издании 1973 г. сделана попытка исправить недостатки академического издания. Стихотворения сгруппированы в два основных жанровых раздела: подражания и переводы — и в каждом из них следуют в хронологическом порядке. Стихотворение «К слуге» (ода XXXVIII книги I, перевод) опущено. Раздел предваряет «Предисловие» Капниста; посвящение императору Александру I не публикуется. Из примечаний печатаются лишь те, что сопровождают в некоторых рукописях стихотворный перевод; фрагменты примечаний к прозаическим переводам включаются в комментарий составителя с пометой «Примеч. Капниста».

Обозрение печатных источников показывает, что систематическое научное изучение творческого наследия Капниста и горацианского цикла в его составе началось в XX в. и принесло свои наиболее значительные плоды в 1940—1960-е гг. Советскими текстологами была успешно проделана работа по систематизации рукописных и печат-

[14] См.: Капнист 1973. С. 550—551.

ных материалов, связанных с совокупностью горацианских стихотворений поэта, по их датировке, разбору и комментированию. Все они были знакомы с замыслом Капниста издать отдельную книгу переводов и подражаний Горацию, а затем включить ее в качестве т. 2 в итоговое собрание сочинений и упоминали об этих планах. Однако в задачи отечественных исследователей не входила публикация этого не состоявшегося, хотя и, как показывают дошедшие документы, в значительной степени доведенного до завершения замысла.

* * *

Какими материалами для реконструкции этого авторского замысла мы располагаем в настоящий момент? Помимо перечисленных выше изданий в нашем распоряжении находятся несколько массивов архивных документов, отражающих жизненный и творческий путь Капниста. Основными из них являются собрания документов в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, в Институте рукописи Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского и в Российском государственном архиве древних актов.

Фонд № 1478 (Капнист — Львовы) Российского государственного архива древних актов

содержит любопытную бытовую переписку, не имеющую отношения к Горацию, и рукописи нескольких горацианских переложений, выполненных, судя по стилю, С. В. Капнистом.[15]

Рукописные горацианские материалы Капниста сосредоточены в собраниях ИРЛИ и НБУ. Фонд № 122 ИРЛИ содержит множество рукописей, характеризующих работу поэта над переложениями Горация во второй половине 1800-х—начале 1810-х гг. Здесь и рукопись «Предисловия», и варианты стихотворений, и тетрадь подстрочных прозаических переводов с поправками, и тетрадь с ранней редакцией примечаний, и ранние перечни стихотворений по разделам, и план итогового собрания сочинений, куда, как уже говорилось, в качестве т. 2 должен был войти «Опыт переводов и подражаний Горацию».

Горацианские материалы Капниста в НБУ[16] относятся к 1810—1821 гг. Хронологически они наиболее поздние и в наибольшей степени отра-

---

[15] Их обзор и частичную публикацию см.: *Долгова С. Р.* Державин и его окружение в документах Российского государственного архива древних актов (ф. 1478, Капнист — Львовы) // Г. Р. Державин и его время: Сб. науч. статей. СПб., 2008. № 4. С. 187—217.

[16] Об организации рукописных фондов в НБУ см.: Особові архівні фонди Інституту рукопису: Путівник. Київ, 2002. С. 6—7. О материалах В. В. Капниста в нем см.: Там же. С. 208—210 (сост. О. И. Иванова).

жают последнюю авторскую волю относительно композиции «Опыта...». Характеристику этих материалов следует начать с единицы хранения НБУ, I 5682. Входящая в нее рукопись представляет собой сшитую в четвертку тетрадку из бледной кремовой бумаги с белой датой водяного знака ⟨18⟩21 на восьми листах. В рукописи обозначен порядок следования разделов предполагаемого издания под названием «Опыт перевода и подражания Горациевых од Василия Капниста». Часть первая открывается текстом посвящения «Государю императору Александру I». Затем следует заголовок «Предисловие». После него идет раздел «Опыт стихотворного перевода и подражания Горациевых од». Вторая часть после нескольких исправлений получает название «Опыт прозаического перевода Горациевых од с примечаниями».

Сопоставление имеющихся в нашем распоряжении документальных свидетельств, рассмотренных в их совокупности, как кажется, позволяет понять, каковы были некоторые начальные этапы формирования авторского замысла и окончательная стадия его развития.

Текст посвящения упомянутая рукопись дает в его наиболее поздней редакции. Она отличается от датируемой приблизительно 1815 г. и опубликованной в 1960 г. Д. С. Бабкиным.[17] Этот

[17] См.: Капнист 1960. I. С. 265, а также: наст. изд., с. 365.

21 Зак. 3682

наиболее поздний текст посвящения приводится в настоящем издании впервые.

Следующее за посвящением «Предисловие» представлено текстом, впервые опубликованным в сокращенном виде А. А. Веселовским, а затем в полном виде Д. С. Бабкиным и еще раз воспроизведенным Г. В. Ермаковой-Битнер.[18] В основе этих публикаций лежит рукопись ИРЛИ, ф. 122, № 63, л. 10—23. Этот далеко не беловой вариант текста изобилует поправками, имеются в нем и фактические неточности, которые, возможно, могли быть исправлены при более тщательном редактировании. К таким неточностям, несомненно, относится упоминание в числе переводчиков Горация М. Мендельсона.[19] Кроме того, тексты собственных стихотворений, приводимые Капнистом в «Предисловии», и тексты этих же стихотворений, помещенные нами в основной корпус книги, часто не совпадают, поскольку

---

[18] См.: *Веселовский А. А.* Капнист и Гораций... С. 197; Капнист 1960. II. С. 38—48; Капнист 1973. С. 133—145.

[19] См.: наст. изд., с. 370. Неверной кажется также попытка заменить это имя именем Иоганна Андреаса Христиана Михельсена (1749—1797), которому принадлежат не переводы лирики Горация, а рассуждение о переводе «Искусства поэзии» (Horazens Dichtkunst, erläutert, übersetzt und all ein vortrefliches Ganze dargestellet von Joh. Andr. Christian Michelsen... Halle, 1784) (см.: *Лаппо-Данилевский К. Ю.*, *Моисеева Г. Н.* Капнист В. В. // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 1999. Вып. 2. С. 25).

поэт и после того, как закончил писать «Предисловие», продолжал исправлять тексты цитируемых в нем од, создавая таким образом иные редакции.

Композиция части, которая в рассмотренном выше «макете» книги озаглавлена «Опыт стихотворного перевода и подражания Горациевых од», реконструируется на основании нескольких разновременных документальных свидетельств. Наиболее раннее из них — первоначальный набросок последовательности поэтических переложений Горация, использованный при публикации Б. И. Копланом.[20] Это рукопись ИРЛИ, ф. 122, № 61, л. 5. Она представляет собой четверть листа бледно-кремовой бумаги с белой датой филиграни ⟨18⟩13 и с перечнем тридцати трех горацианских переложений Капниста, разделенных на четыре группы. Три из них имеют названия: «Нравоучител⟨ьные⟩ строгие», «Любовь», «Нравст⟨венные⟩ эпикур⟨ейские⟩». Четвертый раздел никак не озаглавлен. Впоследствии этот перечень дорабатывался и дополнялся новыми стихотворными переводами, чтобы окончательно сложиться к 3 августа 1820 г., когда в нем, по подсчету Капниста, стало 45 названий: 28 переводов и 17 подражаний (НБУ, I 5681, л. 1). Список их названий в том порядке, который намечался для будущей книги, находится

[20] См.: Капнист 1941. С. 281.

в рукописи НБУ, I 5680, л. 3—3 об. (белая дата бумаги — ⟨18⟩19):

1. «Ничтожество богатств»
2. «На разврат нравов»
3. «Юным воинам»
4. «Против корыстолюбия»
5. «На роскошные обиталища»
6. «Похвала сельской жизни»
7. «Против златолюбия»
8. «Богатому соседу»
9. «Скромная беспечность»
10. «Способ к довольству»
11. «Судьба»

12. «Призывание Венеры»
13. «Весна»
14. «Ворожба»
15. «Красота»
16. «Непостоянство»
17. «Переманка»
18. «Любовная клятва»
19. «Безопасность»
20. «Мщение любовника»
21. «Способ утешения»
22. «Расчетливое угощение»
23. «Беззаботность»
24. «Другу моему»

25. «Умеренность»

26. «Суетность жизни»
27. «Утешение в горести»
28. «Мореплавание»
29. «Время»
30. «Проклятие дереву»
31. «Болящему другу»
32. «Совет»
33. «Прощанье»
34. «Набожность»
35. «На смерть друга»
36. «Другу сердца»

37. «Предпочтение стихотворства»
38. «К лире»
39. «К Мельпомене»
40. «Пиит-лебедь»
41. «Гений-пиит»
42. «К Музе»
43. «О достоинстве стихотворства»
44. «Желание стихотворца»
45. «Памятник Горация»

В настоящее время известны и изданы тексты всех перечисленных стихотворений, за исключением двух: «Юным воинам» и «Прощанье». Оригиналы их устанавливаются по рукописям, содержащим прозаический перевод под теми же названиями, примечания к нему и списки переводов с указанием номера книги и оды Горация. Это ода II книги III («Angustam amice pauperiem

pati...») и ода XXVII книги III («Impios parrae recinentis omen...»). Присутствие двух указанных названий в списках, наличие прозаических переводов этих од и комментариев к ним свидетельствуют о том, что их стихотворные переводы существовали и планировались автором к публикации. Причины, по которым ныне эти стихотворные переводы неизвестны, пути их исчезновения из архивных материалов Капниста, нынешнее местонахождение копий или момент и причина возможного их уничтожения остаются загадкой. Зато оды «Непостоянство», «Гений-пиит», «К Музе» по тем же признакам отождествляются с известными в публикациях одами «К Пирре», «Ломоносов» и «Певцу Фелицы».

Существенной чертой приведенного списка является деление на четыре части, в рукописи показанное отступами. В других рукописях идея членения переводов на четыре части выражается еще более отчетливо. Так, например, подсчеты количества стихотворений в рукописи НБУ, I 5681, л. 1 и 2, сопровождаются пометой «Мои отделения». В рукописи НБУ, I 5681, л. 2 об.— 3, таблица подсчетов переводов и подражаний сопровождается сопоставительными обозначениями «Книги Горация» и «Мои книги». Принцип деления переводов на четыре группы распространяется также и на раздел прозаический. В рукописи ИРЛИ, ф. 122, № 59, где находится прозаический перевод сорока пяти выбранных Капнистом

од Горация, явно прослеживается стремление начать каждую из четырех групп с нового листа, даже если для этого нужно оставить чистым оборот предыдущего. Очевидное формальное членение переводов наводит на мысль и о содержательном единстве каждой из четырех частей. Действительно, первая трактует тему обличения стяжательства, роскоши, городской жизни и разврата нравов, ведущего к гибели государства от рук иноземных захватчиков; вторая посвящена чувствам любовным и дружеским; третья разрабатывает мотивы судьбы, времени, набожности, смерти; наконец, через четвертую проходит тема бессмертия поэта в его творчестве.

Важной особенностью организации стихотворного раздела «Опыта...» кажется то, что в каждой из четырех его частей, во-первых, объединены произведения разных лет — с конца 1790-х до начала 1820-х гг., а во-вторых, стихотворения с авторскими жанровыми определениями «Подражание» и «Перевод». Рукописи, которые позволяют установить, какие из своих переложений поэт считал переводами, а какие подражаниями, это НБУ, I 5676, л. 3—3 об., и НБУ, I 5680, л. 3—3 об. В первой из них находится перечень, состоящий из тридцати семи од, часть которых помечена знаком*. При первом появлении астериска его значение раскрыто: «Подраж⟨ание⟩». Во второй рукописи, содержащей уже полный перечень из сорока пяти стихо-

творений, те же оды помечены знаком X, остальные — знаком =. В конце первой рукописи имеется подсчет: «Перев⟨одов⟩ — 20, подраж⟨аний⟩ — 17». Именно против семнадцати од стоит знак *, что подтверждает предположение об их жанровой природе. Таким образом, следует признать, что именно принцип единства содержания, а не формы, был основополагающим при составлении разделов.[21] Исходя из этого вывода в дальнейшем можно строить предположения об основаниях циклического расположения стихотворений в каждой группе и групп в разделе.

Как уже было показано выше, автор считал, что за стихотворным разделом «Опыта...» должен был следовать раздел прозаический, который явился бы своеобразным «научным аппаратом» книги. В него предполагалось включить латинские оригиналы выбранных од, их прозаический подстрочный перевод и разъяснительные примечания. Помимо уже рассмотренной рукописи НБУ, I 5682 этот замысел отражен также в «Предисловии», где говорится: «...подлинник

[21] Это наблюдение опровергает представление некоторых исследователей о том, что совокупность горацианских переложений Капниста была организована по принципу следования группы из всех переводов за группой из всех подражаний (см., например: *Lappo-Danilewskij K.* Podražanija Goraciju // Der russische Gedichtzyklus / Hrsg. von R. Ibler unter Mitarbeit von A. Uhlig und V. Beikel. Heidelberg, 2006. S. 17—19. (Beiträge zur slavischen Philologie; Bd. 14)).

поместил я при переводах и подражаниях моих для того, чтобы искусные в латинском языке имели легкий, для авторского самолюбия моего, конечно, невыгодный, но о беспристрастии моем к собственности явно свидетельствующий, способ сравнения. Переводы же в прозе, по возможности точные, с примечаниями, большею частию у г-на Дасье заимствованными, присовокупил я для облегчения соображений тех из моих читателей, которые лишены преимущественного удовольствия разуметь подлинник и кои как с греческою и римскою митологиею, так и с историею их не совершенно ознакомлены».

Каким образом должны были, по мысли автора, располагаться тексты в этом разделе? Все латинские оригиналы, затем все переводы, затем все примечания? Примечания в форме подстрочных сносок? Ответ на эти вопросы дает рукопись ИРЛИ, ф. 122, № 59. Она представляет собой тетрадь размером в пол-листа бумаги 1814—1815 гг. Беловой текст основной части прозаических переводов написан каллиграфическим писарским почерком, девять переводов — рукой Капниста с обильной правкой и примечаниями после текста.[22] Эти девять переводов написаны на другой бумаге и подшиты к основной тетради

[22] «Юным воинам», «Непостоянство», «Переманка», «Мщение любовника», «Расчетливое угощение», «Мореплавание», «Проклятие дереву», «Болящему другу», «Прощанье».

так, что общая последовательность и нумерация фрагментов сохраняются. Особо следует подчеркнуть, что эта тетрадь включает прозаические переводы тех самых двух од, стихотворные переложения которых в настоящее время неизвестны. В бумагах Капниста переписанные на латыни оды Горация не встречаются, однако отметки карандашом об их наличии или отсутствии находятся при подстрочных переводах в упомянутой единице хранения ИРЛИ: «Есть латинск⟨ий⟩», «Нет латинск⟨ого⟩». Поэтому тексты их для настоящей публикации взяты из современного авторитетного издания од Горация.[23] Таким образом, расположение текстов в разделе втором книги представляется в следующем виде: оригинал Горация, прозаический перевод, примечания Капниста. Последовательность этих триединых текстовых блоков отвечает последовательности стихотворений в первом разделе.

Источниками текстов примечаний являются следующие рукописи: ИРЛИ, ф. 122, № 59, ИРЛИ, ф. 122, № 61, ИРЛИ, ф. 122, № 62 и НБУ, I 5684. В рукописи ИРЛИ, ф. 122, № 62 к некоторым стихотворным текстам горацианских переложений Капнистом были сделаны примечания. Свод их далеко не полон. Скорее всего, они отражают наиболее ранний этап работы поэта

---

[23] *Orazio.* Odi, epodi / A cura di L. Canali, note di M. Pellegrini. Milano, 2004.

над комментированием Горация. В окончательном варианте примечания должны были сопровождать прозаические подстрочные переводы. Полный свод примечаний ко всем сорока пяти прозаическим переложениям, за исключением девяти вписанных Капнистом в рукопись ИРЛИ, ф. 122, № 59, находится в рукописи ИРЛИ, ф. 122, № 61. Однако этот текст позднее подвергся правке, которая отражена в рукописи НБУ, I 5684, содержащей окончательную редакцию примечаний. Текст именно этой единицы хранения избран для настоящей публикации. Примечания к девяти указанным выше одам взяты из рукописи ИРЛИ, ф. 122, № 59 как их единственного источника.[24] Ввиду того что рукописи, содержащие тексты прозаических переводов и тексты примечаний, создавались в разное время и не были согласованы между собой, текст в переводе и соответствующие слово или отрывок, приводимые перед

---

[24] Относительно предшествующих публикаций стоит заметить следующее. Г. В. Ермакова-Битнер издала примечания из рукописи ИРЛИ, ф. 122, № 62 (Капнист 1973). Д. С. Бабкин пользовался всеми перечисленными выше источниками, но при этом, как справедливо было указано (см.: Там же. С. 534), допустил смешение двух типов примечаний. Примечания к прозаическим переводам присоединялись к стихотворным текстам всякий раз, когда отсутствовало примечание к стихотворному переводу. При естественном различии стихотворных и прозаических переводов возникало несоответствие между комментируемым текстом и комментарием (Капнист 1960. II).

комментарием, могут либо иметь частичные расхождения, либо вовсе не совпадать.

Итак, в ходе рассмотрения печатных и рукописных источников был выявлен до конца не осуществленный, но доведенный до значительной степени реализации план итоговой поэтической книги В. В. Капниста «Опыт перевода и подражания Горациевых од». Все ее тексты оказались, за редкими исключениями, доступны, что и позволило объединить их в книгу, состав которой можно считать максимально приближенным к замыслу автора.

* * *

Каковы же основные этапы формирования большого ансамбля текстов, составляющих «Опыт перевода и подражания Горациевых од» Капниста? Как уже было указано выше, первой публикацией горацианских переложений поэта стало «Подражание IV оде ⟨книги I⟩ Горация» в третьем выпуске «Аонид» (1798—1799). Во французском письме к Н. М. Карамзину от 4 июля 1797 г. Капнист впервые дает оценку обстановки, в которой протекала его литературная деятельность, в сравнении с обстоятельствами творческой жизни римских лириков: «Вы приведете мне в пример неподражаемых авторов — Вергилия, Горация и других, удалившихся в уединение со своими музами; но их приют находился в со-

седстве с Римом. Не одному лишь эхо читали они свои стихи: Августы, Меценаты и сей просвещенный, ставший властителем мира народ — вот кто составлял их ареопаг. Бóльшая же часть моих соседей лучше чувствует разницу между хорошо и дурно процеженной горилкою, чем меж хорошими и дурными стихами».[25] Параллель-противопоставление (Гораций — пример для подражания в творчестве и отчасти в быту и Гораций — недостижимый образец) является повторяющимся мотивом в стихотворениях Капниста («Различность дарований», «Зависть пиита при взгляде на изображение окрестностей и развалин дома Горациева»).

Ко времени первой публикации горацианского переложения, возможно, уже была написана и ода «Ломоносов» («Гений-пиит») — обращение Капниста к Державину с помощью оды Горация, редко занимавшее историков литературы. Упоминание в оде Екатерины II как здравствующей и победоносно заканчивающей войну императрицы позволяет отнести ее к 1791 г. и включить в полемику друзей-поэтов об «Изображении Фелицы» (1789) и — шире — о позиции поэта при дворе.[26] Ода Капниста рассматривалась как свидетельство его пиетета перед поэтическим ге-

---

[25] Капнист 1960. II. С. 437 (оригинал), 438 (перевод).

[26] Более подробную аргументацию этой точки зрения см.: *Дёмин А. О.* О датировке трех горацианских од

нием М. В. Ломоносова. Но важно вместе с тем, что и в этом случае, и в дальнейшем стиль и приемы работы Капниста с оригиналом обнаруживают явственную зависимость от выбора конкретных произведений Горация, творческих установок и художественных решений также работавшего с ними Державина. Большинство подражаний одам Горация, созданных Капнистом на рубеже 1790— 1800-х гг. и вошедших в «Лирические сочинения» 1806 г., либо обращено к Державину, либо находится в русле его обращения к тем же одам Горация. Особенно примечателен случай обмена стихотворными посланиями между двумя поэтами. Весной 1797 г. Державин пишет подражание оде XVI книги II Горация «Спокойства просит от небес...», где живописует счастливый, спокойный быт полтавского друга в его родовом имении в противоположность своему беспокойному житью в Петербурге. 13 августа 1797 г. Капнист откликается дружеским шутливым письмом, в котором предлагает свои поправки к присланному стихотворению и отправляет в столицу

В. В. Капниста // Державин и его время: Сб. науч. статей. СПб., 2009. № 5. С. 20—28. Здесь же необходимо подчеркнуть, что, хотя Капнист нелицеприятно отзывался о слишком подобострастном и показавшемся ему сомнительным в художественном отношении «Изображении Фелицы», он глубоко сочувствовал попавшему в тяжелые жизненные обстоятельства другу (см. его письмо Державину от 10 мая 1789 г.: Капнист 1960. II. С. 347—348).

собственное подражание оде XXVI книги I под заголовком «Гаврилу Романовичу Державину. Подражание Горациевой оде: Musis amicus...» с просьбой напечатать оба произведения вместе.[27] Хотя совместная публикация не состоялась и оды вышли отдельно, в «Сочинениях Державина» (1808) и в «Лирических сочинениях» Капниста (1806), факт живого творческого диалога на почве обращения к Горацию отрицать невозможно. Примечательно, что позднее Капнист также переложил оду XVI книги II.[28]

«Подражание IV оде Горация» (1799) было по сути посланием Капниста к Державину. Темой его является наслаждение любовью на лоне весенней природы, окрашенное мыслью о подстерегающей всех неизбежной смерти. В 1806 г. оно появилось в «Лирических сочинениях» под заголовком «Весна». Державин обратился к той же оде в 1805 г. и напечатал свой вариант в 1808 г. в «Сочинениях»,[29] также под заголовком «Весна» и с обращением к Ф. П. Львову.

---

27 См.: Капнист 1960. II. С. 439—440, 593—595.

28 ИРЛИ, ф. 122, № 2. Первую публикацию см.: Капнист 1941. С. 206—208.

29 Подражание Державина настолько вольно, что исследователи не всегда связывают его с оригиналом (см., например: *Державин Г. Р.* Соч. / Вступ. статья, сост., подгот. текста и примеч. Г. Н. Ионина. СПб., 2002. С. 636 (№ 51)). По этой же причине оно не включено в замечательный по своей полноте указатель Е. В. Свиясова «Античная поэзия в русских переводах XVIII—XX веков».

Итак, из восемнадцати опубликованных в 1806 г. в «Лирических сочинениях» подражаний Горацию три обращены к Державину. Четыре имеют своим прототипом державинские горацианские оды. Это стихотворения «Утешение в горести», «Богатому соседу», «Памятник Горация» и «Ворожба». В основу их легли те же оды Горация, которым подражал Державин при сочинении стихотворений «На смерть графини Румянцевой» (1788), «Второму соседу» (1791), «Памятник» (1796) и «Ворожба» (1798).

Усвоение Капнистом державинских формальных моделей можно усмотреть в способах обращения с избираемыми им одами Горация: свободное варьирование тем и мотивов оригинала, подстановка имен, реалий, лиц из окружения российского поэта на место имен, реалий и мифологических персонажей, упомянутых у римского лирика. Перечисленные приемы вкупе с использованием строфики и метрики, принятой в современной перелагателю отечественной поэзии, дают возможность определить как подражание подобный перенос иноязычного и принадлежащего иным времени и культуре сочинения. Вместе с тем связь с источником сохраняется благодаря узнаваемому воспроизведению характерных риторических формул, ходов лирического сюжета, тем и мотивов. Такое обращение с оригиналом, и именно с Горацием, было близко Державину, который писал Капнисту 5 сентября 1815 г.: «Мне

кажется напрасно и тщетно прилагать усилия переводить в точности Горация ⟨...⟩ всего лучше, держася издали плана и мысли, подражать только духу творца, приноравливая чувства свои к нему».[30]

Композиция раздела «Оды горациянские и анакреонтические» «Лирических сочинений» Капниста напоминает и о полном переводе од Анакреона, выпущенном в 1794 г. Н. А. Львовым,[31] и об «Анакреонтических песнях», опубликованных в 1804 г. Державиным,[32] а затем в 1808 г. составивших ч. 3 его «Сочинений». Она также воспроизводит важный структурный прием, который был найден Державиным в 1795 г. в рукописном томе «Сочинений» с рисунками, поднесенном Екатерине II, а затем повторен в печатных «Сочинениях» 1798 г. и в т. 1 «Сочинений» 1808 г. Этим приемом было помещение в конце книги переложения оды XXX книги III Горация, завершавшей первое собрание его лирических сочинений в 23 г. до н. э. и получившей известность в русской поэзии под названием «Памятник».[33]

---

[30] *Державин Г. Р.* Соч. / С объяснит. примеч. Я. Грота. СПб., 1871. Т. 6. С. 326—327.

[31] См.: Стихотворение Анакреона Тийского / Перевел **** **** [Н. А. Львов]. СПб., 1794.

[32] *Державин Г. Р.* Анакреонтические песни. СПб., 1804.

[33] Подробнее об истории бытования этой оды в русской поэзии см.: *Алексеев М. П.* Стихотворение Пушкина «Я памятник себе воздвиг...»: Проблемы его изучения. Л., 1967.

22 Зак. 3682

«Памятник Горация» венчает композицию «Од горациянских и анакреонтических», а вместе с ней и «Лирических сочинений» Капниста. Эта ода играет тем более важную роль в развитии горацианского замысла Капниста, что работа над ней знаменует переход российского поэта от техники *подражания* римскому лирику к приемам *перевода* его творений. Две редакции переложения Капнистом оды XXX книги III Горация наглядно свидетельствуют о возникшем стремлении сохранить и передать средствами родного языка по возможности наибольшее количество реалий, имен и образов оригинала, не слишком удаляясь от него при этом в количестве строк. Это стремление нетрудно заметить, сравнивая окончательную, печатную версию и менее выразительную, оставшуюся в рукописи.[34]

При всей весьма явственной зависимости горацианских замыслов Капниста от творческих исканий Державина в той же области нельзя не отметить и их оригинальные черты. Это и тщательная звуковая отделка стиха, и мягкое, мадригальное закругление периодов, и задушевно-меланхолическая, глубоко прочувствованная напевная интонация. Все эти черты позволяют поместить принадлежащие Капнисту подражания Горацию в русло сентиментальной русской

---

[34] См.: наст. изд., с. 111—112 и 306.

лирики, шедшей к романтическим свершениям 1820-х гг.

Рассмотренный период 1791—1806 гг. был временем эпизодического обращения Капниста к одам римского лирика, тесно связанного с творческим поиском его петербургских товарищей Львова и Державина, еще вне перспективы создания отдельной книги горацианских переложений. Тем не менее композицию «Лирических сочинений» можно считать ее первым эскизом. Шестилетие же 1809—1815 гг. стало периодом интенсивного и целенаправленного движения к «Опыту...», обусловленного целым рядом явлений литературной жизни столицы, биографическими обстоятельствами автора, его творческими интересами и контактами.

Хотя на титульном листе «Лирических сочинений» в качестве даты выхода стоит 1806 год, печатание и распространение тиража в 1200 экземпляров в действительности, по-видимому, происходило гораздо позже. Из писем Капниста 1809—1810 гг. к Н. И. Гнедичу и А. Н. Оленину видно, что печатание завершилось только к концу 1809 г., а экземпляры были получены автором в декабре 1810 г.[35] В предисловии к переводу поэмы Оссиана «Картон», создававшемся на рубеже 1814—1815 гг., поэт говорит: «...остаются уже 10 лет под спудом 1200 экземп-

[35] См.: Капнист 1960. II. С. 454, 456, 458—459, 464.

ляров лирических моих сочинений».[36] Таким образом, книга вместе с композиционным замыслом «Од горациянских и анакреонтических», равно как и сами тексты этих од, оставалась известной весьма и весьма ограниченному кругу читателей и, естественно, не могла быть доступна публике ни в качестве этапного, ни в качестве итогового выступления автора в печати. Правда, известен случай, когда еще до выхода книги, в 1804 г., Капнист познакомил с частью од, предназначенных для «Лирических сочинений», знатока латыни протоиерея Киево-Софийского собора И. В. Леванду. Отклики Леванды были весьма доброжелательными: «Гораций, на зиму тепло вами одетый, виден, ничего не потерял и сделался здоровее» (письмо от 23 января 1804 г.); «Подражания пускайте, не медля, в свет; не мешая тому, что давно на свете прошло, скажу, что Гораций должен был жить сегодня, чтоб имел он случай вам подражать» (письмо от 25 мая 1804 г.).[37] Смущенный такой лестной оценкой, Капнист отвечал Леванде с шутливым негодованием письмом от 24 сентября 1804 г.,

---

[36] См.: Там же. С. 7, 551. Лишь 25 июля 1814 г. «Лирические сочинения» были представлены Капнистом Российской академии (см.: *Сухомлинов М. И.* История Российской академии. СПб., 1885. Вып. 7. С. 55—56).

[37] См.: Киево-Софийский протоиерей Иоанн Васильевич Леванда: Его биография и неизданные доселе проповеди и письма. Киев, 1879. Т. 1. С. 272, 287.

содержавшим приглашение в гости и просьбу еще раз беспристрастно разобрать посылаемые горацианские переложения. Письмо это лишь по недоразумению можно считать гневной отповедью льстивому и лукавому иерею.[38] Скорее, подобные отзывы не могли не побуждать Капниста к дальнейшей работе в этом направлении.

В круг литературных интересов Капниста в первые два десятилетия XIX в. широко входит увлечение вопросами перевода. Об этом свидетельствуют и его наброски перевода начальных строф поэмы Т. Тассо «Освобожденный Иерусалим»,[39] и сохранившиеся в личном архиве переписанные отрывки из перевода К. Н. Батюшкова (ИРЛИ, ф. 122, № 34).[40] Капнист жаждет участвовать в переводческой деятельности своего младшего современника и земляка Н. И. Гнедича, исправ-

---

[38] Эту, как кажется, ошибочную точку зрения высказывает Д. С. Бабкин (см.: Капнист 1960. I. С. 724; Капнист 1960. II. С. 446—447).

[39] См.: Капнист, 1960. II. С. 441—443 (письмо к А. М. Бакунину от 16 октября 1798 г.).

[40] Известно письмо Капниста к Н. И. Гнедичу от 4 октября 1808 г., в котором он интересуется работой К. Н. Батюшкова над переводом поэмы (см.: Там же. С. 450). В связи с интересом Капниста к творчеству Батюшкова важно упомянуть о принадлежащих последнему и относящихся к 1810— 1811 гг. малоизученных опытах прозаического и эквиритмического перевода од Горация, о которых в статье «Из „череповецкой" антологии К. Н. Батюшкова» писал В. А. Кошелев (www.booksite.ru/fulltext/zch/ere/pov/ets/32.htm).

лять его переводы трагедии Вольтера «Танкред» и поэмы Гомера «Илиада», поддерживать, по мере собственных возможностей, самого переводчика.[41] В начале 1810-х гг. он увлечен возможностью издать свой давний перевод поэмы Оссиана «Картон», выполненный с использованием метрики русских народных песен.[42] К 1809—1813 гг. относится большая и сложная работа над переводом и комментированием «Слова о полку Игореве».[43] В одном ряду с перечисленными фактами стоят переводы комедий «Сганарель, или Рогоносец по воображению» Мольера и «Школа отцов» (незавершенный) П.-А. Пьейра (Pieyre, 1752— 1830),[44] переводы из Ж. Делиля (1738—1813). Упоминания достойны отдельные стихотворения в переводе с французского и греческого, переложения псалмов. Рядом с переводами стоят также трагедии «Гиневра» и «Антигона» на сюжеты из поэмы Л. Ариосто и греческой мифологии.[45] Капнистом

[41] См.: Капнист. 1960. II. С. 450, 453—456, 461—463.
[42] См.: Там же. С. 551—552.
[43] См.: Там же. С. 558—562.
[44] См.: Капнист 1960. I. С. 753—754; Капнист 1960. II. С. 553.
[45] См.: Капнист 1960. I. С. 755—757; Капнист 1960. II. С. 552—553. О трагедии «Гиневра» см. подробнее: *Дёмин А. О.* «Гиневра», несохранившаяся трагедия В. В. Капниста: малоизвестные источники // Основание национального театра и судьбы русской драматургии. СПб., 2006. С. 132—142.

написаны также несколько филологических этюдов;[46] кроме того, уже на склоне дней он принимал участие в исследовании крымских древностей.[47]

В те же первые два десятилетия XIX в. к автору «Ябеды» и «Оды на истребление в России звания раба» приходит признание со стороны собратьев по перу и общества в целом. «Ябеда» (1805) с успехом идет в Петербурге; Е. С. Семенова исполняет в свой бенефис «Антигону» (1814). В 1808 г. Капниста избирают почетным членом Общества любителей наук, словесности и художеств. С 1811 г. он состоит членом Беседы любителей русского слова. В 1812 г. становится почетным членом Общества любителей российской словесности при императорском Московском университете. Печатные органы избравших Капниста своим членом обществ публикуют его сочинения. С 1802 г. он служит генеральным судьей Полтавской губернии и директором народных

---

46 «Краткое изыскание о гипербореанах. О коренном российском стихосложении», «⟨Письмо первое к С. С. Уварову о эксаметрах⟩», «⟨Письмо второе к С. С. Уварову о эксаметрах⟩», «О восстановлении первых шести песней „Одиссеи" в первобытный их порядок», «Мнение, что Улисс странствовал не в Средиземном, но в Черном и Азовском морях» (см.: Капнист 1960. II. С. 563—568).

47 Сжатый и информативный очерк литературной, переводческой и любительской исследовательской деятельности Капниста см. в статье Б. И. Коплана: Капнист 1941. С. X—XVI.

училищ; с 1812 по 1818 г. — на службе в Департаменте народного просвещения.

Помимо личных художественных пристрастий Капниста в эти годы плодотворной почвой для его стремления переводить, осмыслять, комментировать оды Горация был также заметно усилившийся интерес российской пишущей и читающей публики к лирической части наследия римского поэта. В русской переводной и оригинальной поэзии того времени обнаруживается заметная тенденция к освоению его гражданской тематики, элегически окрашенной философии, всех тонкостей его психологизма. Переводы од Горация во множестве появляются в периодике, в собраниях оригинальных сочинений; в 1801 г. вновь оказывается востребованным и переиздается сборник, подготовленный в 1753 г. учеником М. В. Ломоносова Н. Н. Поповским; в 1816 г. появляется первый полный перевод лирики Горация, выполненный С. А. Тучковым.

Нельзя забывать при этом, что 1800—1810-е гг. были временем напряженного размышления самых активных и просвещенных представителей российского общества о путях развития российской государственности и культуры. Это была эпоха невиданного подъема национального самосознания в условиях военного пожара, охватившего всю Европу, освободительных и революционных движений в Старом и Новом Свете. Именно тогда формировались жизненный опыт и

идеология представителей романтического направления в русской литературе и декабристов.[48]

В этих исторических условиях и в этом литературном окружении поэт задумывает продолжение работы над переводами Горация. На листе бумаги с филигранью 1810 г. (НБУ, I 5681, л. 4) сохранился оформленный в виде таблицы список из девятнадцати од, очевидно выбранных им для переложения:

Для перевода:

Книга I	Ода I	«M⟨a⟩ecenas atavis...» «Меценату»	NB	Selon Batteux ⟨*По Батте (фр.)*⟩
	III	«Sic te diva potens...» «Кораблю Вергилия»	NB	
	XXIV	«Quis desiderio...» «Вергилию»	X	XX
	XXXII	«Poscimus, si quid...» «Лире»	NB	XXVII

[48] Судьбы нескольких из этих последних были самым непосредственным образом связаны с семейством Капниста (см.: *Лаппо-Данилевский К. Ю., Моисеева Г. Н.* Капнист В. В. С. 27).

	XXXVIII	«Persicos odi...» «Слуге»	•	XXXII
Книга II	Ода XV	«Iam pauca aratro...» «Против роскоши»	NB	XII
	XX	«Non usiata nec tenui...» «Меценату»	NB	XVII
Книга III	Ода II	«Angustam amic⟨e⟩...» «Юношам»	NB	
	VII	«Quid hes, Asterie...» «Астерии»	X NB	
	IX	«Donec...» «Лидии»	X NB	
	XVIII	«Faune, Nympharum fugientum amator...» «Фауну»	NB	XIII
	XXI	«O nata mecum consule Manlio...» «Бутылке»	NB	XV

	XXIV	«Intactis opulentior...» «Против скупости»	NB	XVIII
Книга IV	Ода VIII	«Donarem pateras...» «Цензорину»	NB	VII
	IX	«Ne forte credas interitura quae...» «Лоллию»	NB	VIII
	XII	«Iam veris comites...» «Вергилию»	NB	XI
Эподы	II	«Beatus ille...» «Сельская жизнь»	NB	
	XIII	«Horrida tempestas...» «Друзьям»	NB	X
	XV	«Nox erat...» «Неере»	NB	

Список этот примечателен тем, что отражает намерение автора, впоследствии почти полностью исполненное. Из девятнадцати выбранных од Горация Капнистом были переведены и включены

в «Опыт...» четырнадцать. Ода II книги III («Юношам») не сохранилась, хотя, по всей видимости, существовала. Никаких следов перевода оды VII книги III («Астерии»), оды IX книги III («Лидии»), оды XXI книги III («Бутылке») не сохранилось; наверное, они не были выполнены. Ода IX книги IV («Лоллию») и ода XVIII книги III («Фауну») были напечатаны в «Журнале древней и новой словесности» В. Н. Олина за подписью С. В. Капниста.[49] Достойно внимания и то обстоятельство, что в список включены оды, переводы которых публиковались вплоть до начала 1820-х гг., что свидетельствует о целостности уже первоначального замысла. Определенные трудности представляет интерпретация помет в четвертой колонке таблицы. Что могут подразумевать пометы NB, X, X NB, значок • напротив тех или иных названий? Логически удовлетворительного ответа на этот вопрос пока дать невозможно. В пятой колонке указаны номера од по одному из многочисленных переизданий 1750—начала 1800-х гг. перевода сочинений Горация, выполненного профессором риторики и гуманитарных наук при Королевской коллегии в Париже, членом Академии надписей и Французской академии, основоположником французской философии искусства Ш. Батте (Batteux, 1713—1780).

---

[49] См.: Журнал древней и новой словесности. 1818. Ч. 1. № 2. С. 77—78; № 3. С. 132—136.

Следующий перечень названий од относится к 26 апреля 1814 г. В него вошли пятнадцать завершенных, но не напечатанных переводов, которые Капнист переписал в две тетрадки (бумага 1810 и 1814 гг.).[50] Из этих пятнадцати переводов семь входили в список 1810 г.[51] Остальные восемь переводов — совершенно новые.[52] Вспомним, что на бумаге 1813 г. находится список из тридцати трех горацианских переложений Капниста, которые он готовил к печати. Вспомним также, что к 1815 г. относится первый завершенный вариант посвящения книги Александру I. К этим фактам следует добавить свидетельства о работе над книгой из переписки Капниста. К 1815 г. относятся письмо Капниста к сыновьям Семену и Ивану и письмо к Капнисту Державина, где об-

---

[50] Перечень названий: «Скромная беспечность», «Судьба», «К Мельпомене», «Ничтожество богатств», «Способ к довольству», «Златолюбие» («Против златолюбия»), «К лире», «Безопасность», «К слуге», «Способ утешения», «На роскошные обиталища», «На разврат нравов», «О достоинстве стихотворства», «Пиит-лебедь» и «Против корыстолюбия». Первые две оды («Скромная беспечность» и «Судьба») Капнистом зачеркнуты, так как поэт намеревался переделывать их (см.: Капнист 1959. С. 414).

[51] «К лире», «К слуге», «Способ утешения», «На роскошные обиталища», «О достоинстве стихотворства», «Пиит-лебедь», «Против корыстолюбия».

[52] «Скромная беспечность», «Судьба», «К Мельпомене», «Ничтожество богатств», «Способ довольства», «Против златолюбия», «Безопасность» и «На разврат нравов».

суждается структура книги горацианских переложений. В частности, 30 июля 1815 г. поэт пишет сыновьям: «Горациевых подражаний со старыми у меня 17 да 16 переводов (итого 33. — *А. Д.*). Хочу составить из них для молодых стихотворцев учебную книгу, напечатав их с латинскими текстами для ученых, а для не⟨ученых⟩ присовокупить литеральные перев⟨оды⟩ с подробными примечаниями».[53] Именно этот замысел критикует Державин в своем упоминавшемся выше письме от 5 сентября 1815 г. По-видимому, в 1815 г. создавалось и «Предисловие». В пользу этой датировки говорит следующее обстоятельство: мысли о способах перевода античных авторов, и в частности Горация, легшие в его основу, подробно развиты в «⟨Письме втором к С. С. Уварову о эксаметрах⟩», датированном 10 марта 1815 г.[54] В обоих рассуждениях автор отстаивает эстетическое превосходство перевода, выполненного языковыми средствами (метрическими, стилистическими, даже образными), которые свойственны воспринимающей литературе, и отрицает стремление по возможности имитировать языковые особенности оригинала. Текстуально близки в «Предисловии» и в «⟨Письме втором... ⟩» обращения к авторитетам Державина, И. И. Дмитриева, А. Ф. Мерзлякова и В. А. Жуковского.

[53] См.: Капнист 1960. II. С. 491.
[54] См.: Там же. С. 566.

И наконец, датировка 1815 г. подтверждается тем, что все упоминаемые в «Предисловии» стихотворные горацианские переложения написаны не позднее 1814 г. Перечисленные факты позволяют считать временем создания «Предисловия» в том виде, в каком оно известно, первую треть 1815 г. Следует напомнить, что и тетрадь с основным текстом прозаических переложений од Горация датируется по бумаге 1814—1815 гг.

Таким образом, можно полагать, что основной замысел и основной корпус текстов будущего «Опыта перевода и подражания Горациевых од» сложились у Капниста к 1815 г. Его доработка, дальнейшее совершенствование, композиционные перестановки внутри стихотворного раздела и сопутствующие им изменения в разделе прозаическом происходили медленно в течение 1816—1821 гг. Отказ от публикации в 1815 г. был, наверное, обусловлен желанием что-то усовершенствовать в композиции и в отдельных текстах книги. Вероятно, важным фактором отсрочки стало желание вернуться к плану 1810 г. А может быть, сомнения вызывала уместность публикации весьма резких обличительных од первого раздела. Из одиннадцати входящих в этот раздел стихотворений только четыре были опубликованы при жизни автора: «Богатому соседу» в 1806 г. и «Ничтожество богатств», «Способ к довольству», «Судьба» в 1815 г. Примечательно также, что все одиннадцать стихотворений, за

исключением оды «Богатому соседу», вошедшей в 1806 г. в «Лирические сочинения», были написаны в период с 1810 по 1814 г. Напрашивается вывод, что ко времени первоначального оформления замысла книги горацианских од Капниста первая группа стихотворного раздела была в ней самой свежей, животрепещущей и острой. Для сравнения, стихотворений, условно датируемых временем до 1814 г., в трех последующих группах набирается только пять («Способ утешения», «К лире», «К Мельпомене», «Пиит-лебедь», «О достоинстве стихотворства»). Как бы то ни было, но в 1815 г. публикация не состоялась, а в дальнейшем выбор переводов осуществлялся в соответствии с планом 1810 г., и отступления от него, надо полагать, были вызваны какими-либо особенными обстоятельствами, смертью Державина например. Во второй половине 1810-х гг. работа над составлением «Опыта...» замедлилась. Нездоровье, возраст, служебные, хозяйственные и семейные хлопоты, увлечение другими темами и сюжетами — все отвлекало поэта от его замысла. С новой ситуацией, вероятно, была связана утрата уже переведенных стихотворений, о которых свидетельствует еще один список (НБУ I 1581), составленный в 1818 г.[55]

[55] Подробнее о нем см.: *Дёмин А. О.* Оды Горация в переводах В. В. Капниста: неосуществленные и утраченные // Litterarum fructus: Сборник к 60-летию С. И. Николаева. СПб., 2012. С. 203—214.

На этом этапе работы над книгой обозначились новый подход и новое творческое задание — первенство переводов над подражаниями (точнее, после 1810 г. подражания Горацию вообще уходят из поэтической практики Капниста). Это можно ближайшим образом связать с новым дружеским влиянием, исходившим от И. М. Муравьева-Апостола (1765—1851).[56] Знаток древних языков, страстный любитель и переводчик поэзии Горация, эрудит, патриот, друг и сосед Капниста по имению, почитатель его дарования, он, конечно, не мог остаться в стороне от его занятий переводами римского лирика. И действительно, он ободрял своего старшего, но гораздо менее ученого товарища в его нелегкой и ответственной работе и даже в какой-то мере руководил им.[57] Т. Н. Громова высказала вполне убедительное и обоснованное предположение, что именно И. М. Муравьев-Апостол делал для Капниста подстрочные прозаические переводы Горация. С этим можно согласиться, приняв, однако, во внимание то, что впоследствии Капнист тщательно правил эту прозу, привнося значитель-

---

[56] См. обстоятельный очерк его жизни и творчества: *Кошелев В. А.* О жизни и творениях И. М. Муравьева-Апостола // Муравьев-Апостол И. М. Письма из Москвы в Нижний Новгород. СПб., 2002. С. 191—230.

[57] См.: *Громова Т. Н.* Литературные взаимоотношения И. М. Муравьева-Апостола и В. В. Капниста // Рус. лит. 1974. № 1. С. 110—115.

23 Зак. 3682

ную долю своего авторства. Нельзя не отметить участие в работе и еще одного лица, названного Капнистом в письме к А. А. Капнист от 22 апреля 1822 г.: «А я здесь только тем разбиваю мысли, что с Иваном Яковлевичем перевожу Горация».[58] Из этого же послания видно, что работа над книгой близилась к завершению только в 1822 г.: «Перевод мы кончили. Надобно только титулы пописать».[59]

В окончательном составе поэтической книги произошли существенные перемены. Состав ее пополнился двенадцатью новыми стихотворениями, датируемыми периодом 1816—1821 гг. Шесть из них были заявлены в списке 1810 г.[60] Еще шесть — выбраны сверх него.[61] Одна переведенная ода из этого списка, «К слуге», была исключена из окончательного состава «Опыта...». Новые композиции распределяются по трем последним частям стихотворного раздела и затрагивают морально-философские темы смирения с неизбежностью любовных измен, неотвратимостью смерти, говорят о ценности рассудительных и веселых

58 Капнист 1960. II. С. 539. Сведений об этом человеке найти не удалось.

59 Там же. С. 539—540.

60 «К Меценату», «Мореплавание», «На смерть друга», «Расчетливое угощение», «Похвала сельской жизни», «Мщение любовника».

61 «К Пирре», «Любовная клятва», «Проклятие дереву», «Болящему другу», «Переманка», «Прощанье».

дружеских отношений, поэтического творчества и спокойствия перед лицом превратностей судьбы. Из этой группы при жизни поэта были опубликованы пять стихотворений, текст одного («Прощанье») остается неизвестен. Вероятно, именно это изменение общего поэтического замысла вызвало коррективы в тексте посвящения.

Смерть помешала поэту свести воедино все тексты, которым предстояло составить «Опыт перевода и подражания Горациевых од». Между тем если бы такое издание состоялось при жизни автора, оно стало бы первым комментированным собранием переводов лирики Горация на русском языке, важнейшим этапом на пути к общепризнанному свершению в этой области — полному переводу лирики Горация, осуществленному А. А. Фетом.[62] В рукописном плане полного собрания сочинений Капниста значится: «2-й том. Переводы и подражания большей половины Горациевых од в стихах с приложением литерального перевода тех од для сличения, в чем русский перевод отступает от латинского подлинника. При сем приложено рассуждение о переводах вообще и примечания. Сия книга особенно полезна может быть для училищ и вообще для российского юношества» (ИРЛИ, ф. 122, № 61, л. 3).

---

[62] См.: *Фет А. А.* Соч. и письма: В 20 т. СПб., 2004. Т. 2: Переводы 1839—1863. С. 551—564 (коммент. А. В. Успенской).

Рассуждение о переводе, предваряющее «Опыт...», основано на теоретических воззрениях Ж. Делиля, признанного классика французской литературы. Бо́льшую часть «Предисловия» занимает перевод центральной части «Предварительного рассуждения» («Discours préliminaire») к его переводу «Георгик» Вергилия (изд. 1784 г.), который после первого издания в 1770 г. принес ему похвалы Вольтера, членство во Французской академии, материальный достаток, благоволение двора и самой королевы. Переждав революционную бурю в Англии, он вернулся в 1802 г. на родину и вплоть до своей смерти пользовался неуменьшающейся популярностью и уважением публики. Похороны его превратились в акт национального траура. Капнист был среди русских переводчиков его дидактической поэмы «Сады» и «Дифирамба на бессмертие души». Вторым непререкаемым, уже российским, авторитетом, упоминаемым в качестве образца в «Предисловии», стал М. В. Ломоносов, чьи приемы переложения псалмов применялись Капнистом для распространения и перефразирования образов и выражений из од Горация. Из живых признанных и прославленных стихотворцев Капнист ссылается на Державина и И. И. Дмитриева, из поэтов нового поколения называет А. Ф. Мерзлякова и В. А. Жуковского. Ориентация на образцы XVIII в. сочетается со сдержанной критикой в адрес переводчиков (А. Х. Востокова, автора «Опытов лирических

и других мелких сочинений в стихах» (1806), Н. И. Гнедича,[63] поддерживаемого А. Н. Олениным и С. С. Уваровым), настроенных на филологически точное воспроизведение таких особенностей античных оригиналов, как отсутствие рифмы и характерные, почти не освоенные русским стихосложением начала XIX в. изысканные метрические схемы лирики. Развернутое изложение аргументации содержится в создававшихся одновременно двух «⟨Письмах к С. С. Уварову о эксаметрах⟩».

Филологические опыты Капниста 1810-х гг. (созданные одновременно с письмами к Уварову и примечаниями к переводам Горация), проникнутые жарким, искренним, но вредным для строгого научного рассуждения патриотизмом, вызывали насмешки уже у его младших, но лучше осведомленных в классической филологии современников, которых он даже числил среди своих друзей. Действительно, утверждать, что гиперборейцы — далекие предки славян, что Одиссей странствовал в Черном и Азовском морях, что метры русской народной поэзии лучше всего подходят для

[63] Как известно, им был избран для перевода «Илиады» русский гекзаметр вместо александрийского стиха. О выступлениях Капниста против русского гекзаметра в полемике с членами «Беседы любителей русского слова» см.: *Альтшуллер М. Г.* «Беседа любителей русского слова»: У истоков русского славянофильства. 2-е изд., доп. М., 2007. С. 110—113.

перевода гомеровских поэм, а античное стихосложение несовершенно, — значит грешить против истины. Однако, быть может, при более пристальном изучении этих взглядов обнаружится, что они основывались на не подтвержденных, но достаточно широко распространенных в свое время, в том числе и в научной литературе, мнениях. Не исключено, что и за такими, например, идеями, как сближение имени Барина у Горация с русским словом «барыня» в примечании к оде «Любовная клятва» или умозаключение об опасностях «мнимого» просвещения в связи с рассуждением о стрелах Аполлона-«погубителя» в примечании к оде «Умеренность»,[64] скрывается некоторый пласт истории филологической науки или идеологии Нового времени. Впрочем, основной массив примечаний Капниста представляет собой компиляцию из комментариев к одам Горация, составленных одним из крупнейших французских специалистов в области античной филологии, непременным секретарем Французской академии А. Дасье (Dacier, 1651—1722). Капнист зачастую дословно переводит примечания из издания Дасье; соответственно транслитерация имен собственных тоже полностью зависима от этого издания: «Крета» вместо «Крит» (фр. «Crète»), «Аристот» вместо «Аристотель» (фр. «Aristote»), «Мегалагир» вместо «Меланхр» (фр. «Me-

[64] См.: наст. изд., с. 181 и 203.

galagyre») и др. Очевидно, что у Дасье заимствована также композиция «научного аппарата» книги: латинские тексты од — их прозаический перевод — комментарии. По всей вероятности, при составлении прозаических буквальных переводов Капнист столько же пользовался одним из многочисленных переизданий Дасье, сколько советами своих ученых друзей. Прозаические переводы од Горация, выполненные Капнистом и никогда ранее не публиковавшиеся, представляют значительный интерес не только для творческой биографии поэта, но и для истории русского художественного перевода, а вместе с примечаниями — для истории русской филологической дидактики.

Стихотворный раздел «Опыта...» в окончательном варианте приобрел композиционную стройность, уравновешенность объемов. Он состоит из четырех поэтических книг Капниста, соответствующих четырем книгам од Горация.[65] Весь этот раздел наполнен личностным пафосом, свидетельствует о настоящем чуде органичного усвоения лучших созданий иного языка, иной культуры, иной личности, слияния с ними, рождения подлинного творения национального искусства. Обаятельной силой всепроникающего опоэтизиро-

[65] Это соответствие осознавалось и автором. Оно неоднократно подчеркивается в рукописных сопоставительных расчетных таблицах 1818—1821 гг.

ванного дружества в нем собраны и слиты приметы быта, имена друзей и родных жителя Тибура и жителя Обуховки, образы близкой и понятной российской действительности и полулегендарной жизни Вечного города, его окрестностей и целой империи. Именно это замечательное свойство поэтики перевода-подражания, наверное, и заставляло современников и позднейших критиков награждать Капниста лестным прозвищем «русского Горация».

Глубоко и тонко продуман и прочувствован лирический сюжет книги. Ее открывает страстное размышление о тленности всего, что прельщает человека в общественной жизни: богатства, знатности, роскоши, о ничтожности пустого чванства, зависти, раболепного восхищения чуждыми нравами. За отрицанием ложных ценностей приходит осознание радости труда на собственном скромном наделе земли, ценности таких человеческих чувств и отношений, как вера, чистая, бескорыстная любовь и дружба, непринужденное веселье, спокойное приятие мысли о неизбежности смерти. Разрушающей не только все живое, но и творения рук человеческих и самую память о них смерти может противостоять лишь осененное божественным благоволением поэтическое искусство, которое одно дарит неложную отраду в жизни и сулит единственное подлинное бессмертие — бессмертие в благодарной памяти грядущих поколений. Таково движение художе-

ственной мысли от «Ничтожества богатств» к нематериальному, а потому нетленному величию «Памятника Горация».

В ходе многолетней работы над этой книгой я пользовался неизменной доброжелательной поддержкой родных, друзей, коллег и сотрудников Института рукописи Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского и Рукописного отдела Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, за что выражаю им глубокую признательность.

ПРИМЕЧАНИЯ

В настоящей реконструкции поэтической книги Капниста «Опыт перевода и подражания Горациевых од» стихотворные переложения од Горация и другие стихотворения приводятся по последнему изданию: Капнист 1973. В случае необходимости после сверки с беловыми рукописями, а при отсутствии последних — с первыми публикациями в тексты были внесены исправления. Уточнения датировок некоторых стихотворений специально оговорены в примечаниях к ним. Впервые полностью публикуются подстрочные переводы выбранных автором од Горация и окончательная редакция примечаний к ним. Латинские тексты од приводятся по авторитетному изданию: *Orazio*. Odi, epodi / A cura di L. Canali, note di M. Pellegrini. Milano, 2004.

Примечания к прозаическим переводам од даются по рукописи НБУ, I 5684, писарская копия с поправками автора для наборщиков, 48 л. Этот вариант примечаний является более поздним по отношению

к варианту, представленному рукописью ИРЛИ, ф. 122, № 61, л. 19—45 об. С дополнительными оговорками приводятся лишь наиболее существенные разночтения примечаний в этих двух рукописях. Исправления Капниста внесены без дальнейших оговорок за исключением некоторых случаев, когда им были вычеркнуты крупные фрагменты текста.

Прозаические переводы и примечания были сверены с французскими прозаическими переводами и примечаниями А. Дасье по изданию: Œuvres d'Horace en latin et en françois avec des remarques critiques et historiques par Monsieur Dacier. 5[e] ed. Hambourg, 1733. T. 1—10.

При подготовке текстов к публикации орфография последовательно приведена в соответствие с современными нормами. Буквы: ѣ, *i*, *θ* заменяются на *е*, *и*, *ф*. Конечный *ъ* опускается. В ударных окончаниях именительного падежа единственного числа существительных среднего рода с основой на шипящие и *ц* печатается *-о*. В окончаниях именительного падежа единственного числа мужского рода прилагательных и причастий в безударной позиции печатается *-ый*, *-ий*, в ударной — различаются окончания *-ой* / *-ый*. В именительном падеже множественного числа прилагательных и причастий вместо окончаний *-ия* / *-ыя* печатается *-ие* / *-ые*. Окончания прилагательных и причастий единственного числа мужского рода *-аго* / *-яго* заменены окончаниями *-ого* / -его. Окончания прилагательных и причастий единственного числа женского рода *-ия* / *-ыя* сохранены. Проводится правило озвончения / оглушения *с* / *з* в приставках в зависимости от первого звука корня. Слитное, дефисное и раздельное написание слов выдержано в рамках со-

временных правил, так же как и слитные и раздельные написания частицы *не* с различными частями речи. Знак ударения ставится в тех случаях, когда ударение в слове является смыслоразличительным или дается по устаревшей норме. Имена собственные и географические названия приводятся в орфографии автора, если она является устойчивой. Пунктуация приведена в соответствие с современными нормами. Конъектуры составителя даются в ломаных скобках.

В разделе «Дополнения» помещены «стихотворения-спутники» (горацианские переложения, не вошедшие в «Опыт...»; стихотворения, созданные на основе существовавших ранее переводов или подражаний; стихотворения, тематически близкие горацианскому циклу).

Комментарий включает сведения о первой публикации текста, об автографах, если они сохранились, об обстоятельствах написания, адресате, если они известны, о реалиях российской жизни, упомянутых автором. Указания переводов и подражаний даются в соответствии с пометами Капниста в рукописи НБУ, I 5680, л. 3—3 об.

Более подробный комментарий к одам Горация на русском языке см. в однотомных изданиях: *Гораций Квинт Флакк*. Полн. собр. соч. М.; Л.: Academia, 1936; *Гораций Квинт Флакк*. Собр. соч. СПб., 1993.

ОПЫТ ПЕРЕВОДА И ПОДРАЖАНИЯ ГОРАЦИЕВЫХ ОД

⟨ПОСВЯЩЕНИЕ⟩

Автографы: НБУ, I 5682, л. 4—5, и I 5683, л. 1.

Впервые: Капнист 1960. I. С. 265 (по беловому автографу НБУ, I 5683).

После создания этого варианта Капнист не оставил работу над посвящением. В настоящем издании приводится его окончательная редакция по рукописи НБУ, I 5682.

Подробнее об истории текста посвящения в связи с историей замысла книги см.: *Странствователь и домосед* [*Дёмин А. О.*] Посвящение книги В. В. Капниста «Опыт перевода и подражания Горациевых од» (1821) Александру I: к истории текста // Von Wenigen = От немногих. СПб., 2008. С. 39—58.

[1] *Государю императору Александру Первому.* — Александр I (1777—1825), император всероссийский (1801—1825).

[2] *Полсвета Август покорил...* — Август Октавиан (с 27 г. до н. э. — Цезарь Август; 63 до н. э.—14 н. э.), первый римский император, сосредоточивший всю полноту власти в одних руках и прославившийся обширными завоеваниями. Покровительствовал Горацию.

[3] *Полсвету отдал ты свободу...* — Имеется в виду Парижский мир 1815 г., ознаменовавший окончание наполеоновских войн в Европе.

[4] *Ты льстиву презираешь оду, // Сердечных алча лишь похвал.* — Эти слова вполне в духе русской панегирической литературы Александровского царствования, где одним из общих мест было уверение в искренности лирического восторга и похвалы.

[5] *Феба друг...* — Т. е. Гораций. Феб (светлый) — один из эпитетов, второе имя древнегреческого бога Аполлона, покровителя искусств, в частности поэзии, обладавшего также функцией божества солнечного света. Другом Феба или самим Фебом Капнист нередко называл Г. Р. Державина.

[6] *Или среди бесед игривых ~ развеселить // Забавной песнью парк строптивых ~ И остры ножницы забыли.* — Парки — богини рождения и смерти у римлян. Представлялись в образах трех прядущих сестер — Клото, Лахесис и Атропос. Первая олицетворяла собой неуклонное действие судьбы, вторая — ее превратности, третья — неизбежность ее решений. Атрибутом Атропос были ножницы, которыми она обрезала нить человеческой жизни.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Автограф: ИРЛИ, ф. 122, № 63, л. 10—23.

Впервые: *Веселовский А. А.* Капнист и Гораций: (Эпизод из знакомства с классической литературой в конце XVIII—начале XIX в.) // Известия Отделения русского языка и словесности Имп. Академии наук. 1910. Т. 15. Кн. 1. С. 197 (в сокращенном виде); Капнист 1960. II. С. 38—48 (в полном виде).

[1] *...более четвертой части од Горация...* — Подсчетами количества переведенных и предназначенных для перевода од Горация занята значительная часть рукописных материалов, относящихся к горацианскому циклу Капниста.

[2] *...если бы вместо полотна имел токмо хрящ или камку, вместо соболиной кисти — шелковую...* — Хрящ в данном случае — самый грубый холст, который шел на производство половиков; камка — старинная шелковая цветная ткань с узорами; соболиные кисти (из волосков собольих хвостов) — особо тонкие кисти для акварельной живописи; шелковые кисти в живописи не употребляются.

[3] *...вместо бакана, индиго и гуммигута — кармин, лазорь и охру!* — Бакан (другое название — кармин) — ярко-красный, с огненным оттенком, венецианский лак; индиго — синий краситель, добываемый из листьев одноименного растения; гуммигут — красящая смолокамедь желто-оранжевого цвета; кармин изготовлялся из кошенили и употреблялся как акварельная и масляная краска; лазорь — ярко-синяя краска, получаемая из смеси кобальта с ультрамарином; охра, или вохра, — ярко-желтая минеральная краска. Капнист иронически сопоставляет русские и иностранные наименования красок, дающих сходные цвета.

[4] *Но в какой бы еще большей неключимости очутился почитатель Рафаэла...* — «Неключимость» — здесь в значении: «невозможность достигнуть цели». Рафаэль Санти (1483—1520) — один из величайших художников итальянского Возрождения.

[5] *Эстамп* — отпечаток гравированного изображения на бумаге (изредка на пергаменте или ткани), а также оттиск гравюры на стали, камне или дереве.

[6] *...духом Горация обильно одаренных певцов Водопада и Волги...* — Имеются в виду Г. Р. Державин, автор оды «Водопад», и И. И. Дмитриев, автор стихотворения «К Волге» (оба произв. — 1794). Державину принадлежат многочисленные вольные подражания Горацию; Дмитриеву — подражание оде I книги III (1794) и вольный перевод оды VII книги III (1810), которые Капнист высоко ценил.

[7] *...тибурскому Алкею...* — Описательное обозначение Горация, владевшего имением близ городка Тибура (ныне Тиволи) и переносившего в латинскую поэзию метрические особенности греческой лирики, в частности стихотворений Алкея.

[8] *...Мерзляковых, Жуковских...* — Алексей Федорович Мерзляков (1778—1830) — русский поэт, критик, теоретик литературы, профессор кафедры российского красноречия и поэзии Московского университета (1804—1830). Особой популярностью пользовался его перевод «Науки поэзии» Горация (1808). Василий Андреевич Жуковский (1783— 1852) — русский поэт и переводчик.

[9] *...знаменитого г-на Делиля...* — Имеется в виду французский поэт и переводчик аббат Жак Делиль (Delille, 1738—1813). В 1770 г. издал стихотворный перевод поэмы Вергилия «Георгики». Из оригинальных его сочинений наиболее известна дидактическая поэма «Сады» («Les jardins», 1782), отрывки из которой наряду с другими русскими поэтами переводил Капнист. В России на рубеже XVIII—XIX вв. пользовался популярностью его «Дифирамб на бессмертие души» («Dithyrambe sur l'immortalité de l'âme», 1802), также переведенный Капнистом.

[10] *Овидий* — Публий Овидий Назон (43 г. до н. э.—17 н. э.), последний замечательный римский поэт эпохи Октавиана Августа.

[11] *«Felix qui potuit rerum cognoscere causas, atque metus omnes et inexorabile fatum subiectit pedibus»* — цитата из дидактической поэмы Публия Вергилия Марона «Георгики» (Кн. 2, ст. 490—491). В примечании Капниста, который, по всей видимости, дает собственный перевод латинской цитаты, номера стихов указаны неверно.

[12] *...Боало наполнил свое «Искусство стихотворства» краткими стихами, к затвержению способными.* — Николя Буало-Депрео (Boileau-Despréaux, 1636—1711) — французский поэт и литературный критик, создатель теории литературного классицизма, которую изложил в дидактической поэме «Искусство стихотворства» («L'art poétique», 1674), оказавшей значительное влияние на развитие европейской литературы вплоть до эпохи романтизма.

[13] *Ломоносов* — Михаил Васильевич Ломоносов (1711—1765), русский естествоиспытатель, теоретик литературы, историк и поэт. Капнист не раз выражал свое восхищение его художественным творчеством.

[14] *Les Géorgiques, édition LXX⟨X⟩IV in 12. Discours préliminaire. P. 57—64.* — Капнист ошибочно указывает на никогда не существовавшее издание 1774 г.; в действительности имеется в виду издание 1784 г. Ошибка повторена публикаторами сочинений Капниста (Капнист 1960. II. С. 42; Капнист 1973. С. 137).

[15] *...с примечаниями, большею частию у г-на Дасье заимствованными...* — Андре Дасье (Dacier, 1651—1722) — французский филолог, непременный секре-

24 Зак. 3682

тарь Французской академии. Его перевод сочинений Горация с примечаниями (Remarques critiques sur les œuvres d'Horace, avec une nouvelle traduction... [1e éd.] Paris, 1681—1689. Vol. 1—10) многократно издавался в XVIII в.

[16] *За неимением на нашем языке хорошего перевода покорно прошу их сличить мой с переводами г-на Батте на французском, а г-на Мендельсона на немецком языке.* — Шарль Батте (Batteux, 1713—1780) — французский теоретик искусства; его перевод стихотворений Горация (Les Poésies d'Horace, traduites en françois..., [1e éd.] Paris, 1750. Vol. 1—2) многократно переиздавался. Капнист ошибается, называя еврейско-немецкого писателя, философа и переводчика Моисея (Мозеса) Мендельсона (Mendelssohn, 1729—1786) переводчиком од Горация.

ОПЫТ СТИХОТВОРНОГО ПЕРЕВОДА И ПОДРАЖАНИЯ ГОРАЦИЕВЫХ ОД

НИЧТОЖЕСТВО БОГАТСТВ

Оригинал: Кн. III, ода I («Odi profanum vulgus et arceo...»).

Перевод.

Автограф: ИРЛИ, ф. 122, № 60, л. 32—33 об.

Впервые: Труды Казанского общества любителей отечественной словесности. 1815. Кн. 1. С. 208—210.

НА РАЗВРАТ НРАВОВ

Оригинал: Кн. III, ода VI («Delicta maiorum immeritus lues...»).

Перевод.

Автографы: ИРЛИ, ф. 122, № 60, л. 56 об.—59 об., 67—69 об., 71—72 об., 73—74 об., 75—76 об., 77—77 об.; № 67, л. 31—31 об.

Впервые: Капнист 1941. С. 169—172.

В неизданном письме к Г. Р. Державину Капнист говорит по поводу этого стихотворения: «Я исправил некоторые места по вчерашним Вашим замечаниям и, переведя точно латинский подлинник, препровождаю Вам; прошу, прочитав со вниманием, сделать подробные заметки: мне хочется эту оду как можно лучше выгладить и представить ее примером таковых переводов в сравнении с прозаическими французскими и немецкими древностихотворными» (ИРЛИ, ф. 122, № 60, л. 78).

[1] *Из пепела коснишь вознесть...* — «Коснишь» — здесь в значении: «медлишь».

ЮНЫМ ВОИНАМ

Оригинал: Кн. III, ода II («Angustam amice pauperiem pati...»).

Перевод.

[1] Стихотворный перевод неизвестен, сохранился лишь прозаический.

ПРОТИВ КОРЫСТОЛЮБИЯ

Оригинал: Кн. III, ода XXIV («Intactis opulentior...»).

Перевод.

Автографы: ИРЛИ, ф. 122, № 60, л. 41—42 об., 43—44 об., 45—45 об., 46—46 об., 47—47 об., 48—48 об., 63—65.

Впервые: Капнист 1941. С. 172—174.

[1] *Понт* — Понт Эвксинский, т. е. Черное море, как его называли древние греки, а за ними римляне.

[2] *Ратаи* — землепашцы.

[3] *Льгота* — здесь в значении: «освобождение, свободное время».

[4] *Вено* — приданое.

НА РОСКОШНЫЕ ОБИТАЛИЩА

Оригинал: Кн. II, ода XV («Iam pauca aratro iugera regiae...»).

Перевод.

Автографы: ИРЛИ, ф. 122, № 60, л. 55 об.—56; № 67, л. 7—7 об., 11, 15.

Впервые: Капнист 1941. С. 174—175.

ПОХВАЛА СЕЛЬСКОЙ ЖИЗНИ

Оригинал: Эпод II («Beatus ille qui procul negotiis...»).

Перевод.

Автографы: ИРЛИ, ф. 122, № 60, л. 1—4, 5—6 об., 7—10, 11—14 об.

Впервые: Капнист 1941. С. 210—212.

В рукописи ИРЛИ, ф. 122, № 60, л. 4, Капнистом сделан подсчет слогов: «Всех слогов в стихах — 798. В латинских стихах — 700. В прозе — 748».

[1] *Или багряный гроздный плод!* — Имеется в виду виноград.
[2] *...от татей...* — Т. е. от воров.

ПРОТИВ ЗЛАТОЛЮБИЯ

Оригинал: Кн. II, ода II («Nullus argento color est avaris...»).
Подражание.
Автограф: ИРЛИ, ф. 122, № 60, л. 36 об.—37.
Впервые: Капнист 1941. С. 175—176.

Первоначально стихотворение было адресовано не Г. Р. Державину, а другому лицу: его имя густо зачеркнуто в рукописи, имя Державина вписано над ним.
Последние три стиха имели вариант:

> Исправя, лавр тому дарит,
> На кучи злата мимоходом
> И оком кто не покосит.

Державин подчеркнул в рукописи слово «покосит» и приписал на полях: «Это слово только переменить, ибо „косить" значит неприязненность, а тут надобно противное». Он же предложил вариант:

> ...тому дает,
> И глаза кто не возведет.

Окончательная отделка оды осуществлялась после 18 июля 1812 г. К этой дате относится письмо

Капниста Державину — первое после восстановления отношений, прерванных по невыясненной причине в 1805 г. Именно тогда ода могла быть показана Державину. Поскольку в оде есть строки, относящиеся к Наполеону I Бонапарту и военным действиям французской армии в Испании (1807—1814), Египте (1809—1813) и России (1812), можно предположить, что Капнист обращался к ее тексту и в 1813—1814 гг.

[1] *...Пожарский, Минин...* — Князь Дмитрий Михайлович Пожарский (1577—1642) и Кузьма Минич (Минин сын) Захарьев Сухорукий (?—1616) — деятели эпохи Смутного времени, возглавившие народное ополчение против иноземных захватчиков. По преданию, Кузьме Минину принадлежала встретившая широкую поддержку в обществе идея пожертвовать имуществом для обеспечения русского войска.

[2] *...новый хищностью водимый Атилла...* — Имеется в виду Наполеон I Бонапарт (1769—1821), французский император, которого в период его захватнических войн часто сравнивали в литературе завоевываемых стран с Эцелом Атиллой, царем гуннов по прозвищу «Бич Божий» (начало правления: 443—453), прославившимся крупными завоеваниями.

[3] *Таг* — самая длинная река Пиренейского полуострова Тахо (лат. Tagus).

[4] *Пока из тела мертво-бледна // Он злых острот не изженет.* — Остроты — острые болезненные соки в теле. «Изженет» (церк.-слав.) — «изгонит».

[5] *Как галлов вождь, похитит трон...* — Здесь также подразумевается Наполеон I, провозгласивший

себя 2 декабря 1804 г. императором. Галлы — обозначение французов по названию племени, обитавшего на территории Франции во времена древних римлян.

БОГАТОМУ СОСЕДУ

Оригинал: Кн. II, ода XVIII («Non ebur neque aureum...»).

Подражание.

Автографы неизвестны.

Впервые: Капнист 1806. С. 222—224.

Тематически связано со стихотворением «Обуховка» (наст. изд., с. 291—297).

[1] *Парча* — ткань, протканная золотом или серебром, часто весьма сложного и разнообразного рисунка, иногда по бархатному фону.

[2] *... в Карраре...* — Имеется в виду город в итальянской провинции Масса-Каррара, неподалеку от Лигурийского моря, в долине котлообразной формы, окруженной мраморными горами Апуанских Альп.

СКРОМНАЯ БЕСПЕЧНОСТЬ

Оригинал: Кн III, ода XXIX («Tyrrhena regum progenies, tibi...»).

Перевод.

Автографы: ИРЛИ, ф. 122, № 60, л. 18—20 об., 26—29.

Впервые: Капнист 1941. С. 178—180.

Датировка и адресация оды уточняются благодаря неопубликованному черновику письма Капниста к Д. П. Трощинскому от 2 июня 1812 г. (НБУ, I 5679). Дмитрий Прокофьевич Трощинский (1749—1829) — видный государственный деятель, приятель Капниста и сосед его по имению. Подробнее см.: *Дёмин А. О.* О датировке трех горацианских од В. В. Капниста // Г. Р. Державин и его время: Сб. науч. статей. СПб., 2009. С. 18—20.

[1] *Эфульски озирать вершины...* — В рукописях, а также в изданиях Капнист 1941. С. 178, Капнист 1959. С. 307, Капнист 1960. II. С. 60: «Эзульски». Исправлено, вслед за изданием Капнист 1973. С. 190, в соответствии с латинским оригиналом: «Aefulae» (см.: наст. изд., с. 152).

[2] *Страшишься серрских, скифских стрел...* — В рукописях и во всех изданиях: «страшися». Исправлено в соответствии с латинским оригиналом: «times» («страшишься») и прозаическим переводом (см.: наст. изд. с. 153, 155).

СПОСОБ К ДОВОЛЬСТВУ

Оригинал: Кн. III, ода XVI («Inclusam Danaen turris aenea...»).

Перевод.

Автографы: ИРЛИ, ф. 122, № 60, л. 34—36; НБУ, I 5675, л. 1—2.

Впервые: Чтение в Беседе любителей русского слова. 1815. № 18. С. 42—44.

Текст последней рукописи отражает работу Капниста над одой в 1810 г.

[1] *Вóлна* — шерсть.

СУДЬБА

Оригинал: Кн. I, ода XXXIV («Parcus deorum cultor et infrequens...»).

Перевод.

Автографы: ИРЛИ, ф. 122, № 60, л. 21—21 об., 29 об.—30 об.

Впервые: Чтение в Беседе любителей русского слова. 1815. № 17. С. 97—98 (под заглавием «Подражание Горацию»).

Первоначально переложение этой оды Горация было задумано и опубликовано Капнистом как подражание, в последних строках которого содержался прозрачный намек на поражение Наполеона; впоследствии оно было переработано с целью более точного воспроизведения смысла латинского оригинала и помечено как перевод. Начальный вариант воспроизведен в издании Капнист 1941. С. 182—183 (по первой публикации), окончательный (по одному и тому же автографу) — в изданиях Капнист 1959. С. 310—311, Капнист 1960. I. С. 205—206, Капнист 1973. С. 167—168 и в наст. изд.

ПРИЗЫВАНИЕ ВЕНЕРЫ

Оригинал: Кн. I, ода XXX («O Venus, regina Cnidi Paphique...»).

Перевод.

Автографы неизвестны.

Впервые: Капнист 1806. С. 212.

ВЕСНА

Оригинал: Кн. I, ода IV («Solvitur acris hiems grata vice veris et Favoni...»).

Подражание.

Автографы неизвестны.

Впервые: Аониды. 1798—1799. Кн. 3. С. 17—19 (под заглавием «Подражание IV оде Горация»); заглавие «Весна» дано автором в издании Капнист 1806. С. 167—169.

[1] *Они, под плясовой напев ~ Атласят мягку мураву.* — Ср. «Надпись на гробе пастушки» (ок. 1810) К. Н. Батюшкова: «Подруги милые! в беспечности игривой // Под плясовой напев вы ре̇звитесь в лугах».

[2] *...влюбчивому Лелю...* — Лель и названный выше Ладо — древние славянские божества любви, часто упоминаемые в русских исторических и художественных сочинениях рубежа XVIII—XIX вв. В исследованиях фольклористов второй половины XIX в. показано, что эти божества не имели отношения к славянскому пантеону.

[3] *Претит достичь нам дальних мет...* — Мета́ — цель, «дальних мет» — «отдаленных целей».

[4] *Мой друг! ~ Проснувшись, льзя ли возвратить?* — Строфы 4—6 обращены к Г. Р. Державину, что следует из упоминания в строфе 5 Даши, т. е. второй жены Державина Дарьи Алексеевны, урожденной Дьяковой (1767—1842), сестры жены Капниста Александры Алексеевны и жены Н. А. Львова Марии Алексеевны.

ВОРОЖБА

Оригинал: Кн. I, ода XI («Tu ne quaesieris (scire nefas), quem mihi, quem tibi...»).

Подражание.

Автографы неизвестны.

Впервые: Капнист 1806. С. 170—171.

[1] *Не считай на утро ново...* — Т. е. не рассчитывай на новое утро.

КРАСОТА

Оригинал: Кн. IV, ода X («O crudelis adhuc et Veneris muneribus potens...»).

Подражание.

Автограф: НБУ, I 5676, л. 1—2.

Впервые: Капнист 1806. С. 203—204.

Автограф НБУ, I 5676, л. 1—2, ранее не привлекавшийся к исследованию этого стихотворения,

позволяет отчасти проследить его творческую историю. Редакция, более всего напоминающая первую публикацию, оформилась 4 апреля 1804 г. Первоначально стихотворение было адресовано Машеньке, т. е., вероятно, Марии Алексеевне Львовой, в девичестве Дьяковой (1755—1807), жене Н. А. Львова и сестре жены Капниста Александры Алексеевны. Коренная переработка стихотворения с заменой имени (Юлия, затем Хлоя) была, по-видимому, связана не только с подготовкой его к печати, но и со смертью Н. А. Львова (21 декабря 1803 г.). См.: *Дёмин А. О.* О датировке трех горацианских од В. В. Капниста // Г. Р. Державин и его время: Сб. науч. статей. СПб., 2009. С. 14—18.

НЕПОСТОЯНСТВО

(К Пирре)

Оригинал: Кн. I, ода V («Quis multa gracilis te puer in rosa...»).

Перевод.

Автографы: ИРЛИ, ф. 122, № 62, л. 1; ИРЛИ, ф. 122, № 64, л. 1.

Впервые: Труды Общества любителей российской словесности при Московском университете. 1819. № 15. С. 28—29.

[1] *...внесенна...* — В изданиях Капнист 1941. С. 214, Капнист 1959. С. 376, Капнист 1973. С. 196: «вселенна» (в соответствии с текстом первой публикации). Исправлено по рукописи ИРЛИ,

ф. 122, № 64, л. 1, по которой текст оды печатался в издании Капнист 1960. II. С. 89.

[2] *Царю я посвятил морей.* — В изданиях Капнист 1941. С. 214, Капнист 1959. С. 376, Капнист 1973. С. 196: «Я посвятил царю морей». Исправлено на том же основании, что и в предыдущем случае.

ПЕРЕМАНКА

Оригинал: Кн. I, ода XVII («Velox amoenium saepe Lucretilem...»).

Перевод.

Автограф: ИРЛИ, ф. 122, № 67, л. 2—3.

Впервые: Капнист 1941. С. 221—222.

[1] *Покал* — бокал (нем. Pokal).

ЛЮБОВНАЯ КЛЯТВА

Оригинал: Кн. II, ода VIII («Ulla si iuris tibi peirati...»).

Перевод.

Автограф: ИРЛИ, ф. 122, № 67, л. 4—5.

Впервые: Капнист 1941. С. 212—213.

БЕЗОПАСНОСТЬ

Оригинал: Кн. I, ода XXII («Integer vitae scelerisque purus...»).

Перевод.

Автографы: ИРЛИ, ф. 122, № 60, л. 52—53; № 67, л. 6—6 об., 8, 14—14 об.

Впервые: Капнист 1941. С. 187.

МЩЕНИЕ ЛЮБОВНИКА

Оригинал: Эпод XV («Nox erat et caelo fulgebat Luna sereno...»).

Перевод.

Автограф: ИРЛИ, ф. 122, № 67, л. 12—12 об.

Впервые: Капнист 1941. С. 216—217.

СПОСОБ УТЕШЕНИЯ

Оригинал: Эпод XIII («Horrida tempestas caelum contraxit, et imbres...»).

Перевод.

Автографы: ИРЛИ, ф. 122, № 60, л. 54—55; № 67, л. 16—16 об., 17—17 об., 18—18 об., 19—19 об. Примечание Капниста в рукописи ИРЛИ, ф. 122, № 67, л. 19 об.: «В подлиннике число стихов — 27, слогов — 261. В переводе число стихов — 42, слогов — 330. Следовательно, в переводе только на 69 слогов больше, что составит немного больше $1/4$. Заметить должно, что у меня два стиха прибавлено; правда, однако ж, распространено несколько мыслей».

Впервые: Капнист 1941. С. 188—189.

[1] *Теперь на волоса взольем // Мастик Ахеменея...* — Мастика — смола некоторых средиземноморских деревьев, используемая при изготовлении благовонных курений, ароматических снадобий и т. п. Капнист так переводит слово «nardus» латинского оригинала. Здесь и далее он использует слово «мастик» в мужском роде по примеру французского языка.

[2] *Не пренесет в отчизну мать.* — В изданиях Капнист 1941. С. 189, Капнист 1959. С. 328, Капнист 1960. II. С. 71, Капнист 1973. С. 183: «принесет». Исправлено по рукописи стихотворного и прозаического переводов. «Пренесет», т. е. «перенесет», точнее передает латинское «revehet» — «перенесет обратно».

РАСЧЕТЛИВОЕ УГОЩЕНИЕ

Оригинал: Кн. IV, ода XII («Iam veris comites, quae mare temperant...»).

Перевод.

Автограф: ИРЛИ, ф. 122, № 67, л. 27—28.

Впервые: Капнист 1941. С. 217—218.

[1] *Лот* — русская мера веса, равная трем золотникам, или 12.8 г; применялась в России с XVIII в. до введения метрической системы. Капнист переводит этим словом выражение латинского оригинала «parvus onyx» («малый ониксовый сосуд»).

БЕЗЗАБОТНОСТЬ

Оригинал: Кн. II, ода XI («Quid bellicosus Cantaber et Scythes...»).

Подражание.

Автографы неизвестны.

Впервые: Капнист 1806. С. 187—188.

[1] *...галльска исполина...* — Т. е. Наполеона. См. выше, с. 374, примеч. 2 к оде «Против златолюбия».

[2] *...ков британца...* — Имеются в виду внешнеполитические действия Великобритании на рубеже XVIII—XIX вв., нередко враждебные России.

[3] *С кострицей жесткою сучить?* — Кострица — жесткая часть стебля волокнистых растений (льна, конопли и т. п.), раздробляемая и отделяемая от волокна при трепании, чесании и т. п.

[4] *Надмерны* — безмерны.

ДРУГУ МОЕМУ

Оригинал: Кн. I, ода IX («Vides ut alta stet nive candidum...»).

Подражание.

Автографы неизвестны.

Впервые: Капнист 1806. С. 205—207.

Адресат не установлен. Н. О. Лернер утверждал, что влияние оды сказалось в «Зимнем утре» и в отрывке «Зима. Что делать нам в деревне...» (оба произв. — 1829) А. С. Пушкина, а также в стихотворении П. А. Вяземского «Первый снег» (1817). См.: Звенья. М; Л., 1935. Вып. 5. С. 117—118.

[1] *Вели подать венгерски вина...* — Венгрия — один из крупнейших европейских производителей качественного и дешевого вина. К белым винам первого класса принадлежат: токайское, менеш-молиарат и рустер; к красным — эрлау, вишонт, сексард и т. д. Наиболее ценятся десертные сорта.

[2] *Театр, концерты, маскерад...* — К началу XIX в. эти впервые появившиеся в России в царствование Алексея Михайловича (театр) и Петра I (маскарад, концерт) виды общественного увеселения еще считались новомодными. Слово «маскерад» происходит от нем. «Maskerade».

[3] *Красотку ~ Что в фанты перстенек теряет...* — Слово «*фант*» (от пол. «fant») впервые фиксируется словарем русского языка в 1806 г. (см.: *Яновский Н. М.* Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту, содержащий разные в российском языке встречающиеся иностранные речения и технические термины, значение которых не всякому известно. СПб., 1806. Ч. 3. Стб. 948). Таким образом, в этом стихотворении оно является неологизмом.

УМЕРЕННОСТЬ

Оригинал: Кн. II, ода X («Rectius vives, Licini, neque altum...»).

Подражание.

Автографы неизвестны.

Впервые: Капнист 1806. С. 198—199.

[1] *Перун* — поэтическое название молнии как атрибута древнеславянского бога Перуна.

25 Зак. 3682

СУЕТНОСТЬ ЖИЗНИ

Оригинал: Кн. IV, ода VII («Diffugere nives, redeunt iam gramina campis...»).
Подражание.
Автографы неизвестны.
Впервые: Капнист 1806. С. 173—174.

[1] *короводы* — то же, что хороводы.

УТЕШЕНИЕ В ГОРЕСТИ

Оригинал: Кн. II, ода IX («Non semper imbres nubilus hispidos...»).
Подражание.
Автографы неизвестны.
Впервые: Капнист 1806. С. 175—176.

Предположительная датировка 1799 г. основана на том, что в строфе 4 говорится о победах русских войск под командованием А. В. Суворова в Италии и Швейцарии. Адресат не установлен.

[1] *...верхи Рифейски...* — Т. е. вершины Урала, от лат. «Riphaei montes» — так иногда античные географы называли Уральские горы.

[2] *...с сафирна круга...* — Имеется в виду сапфирный, нежно-голубой, по цвету драгоценного камня сапфира (сафира), цвет неба.

[3] *...золотой денницы...* — Подразумевается утренняя заря, или утренняя звезда, т. е. Венера, видимая на восточной части неба перед восходом солнца.

[4] *Как быстрый Пад пред ним смирился...* — Пад (лат. Padus) — самая длинная итальянская река По. Имеется в виду Итальянский поход союзных русско-австрийских войск под командованием А. В. Суворова, закончившийся разгромом французской армии. Важную роль в боевых действиях играло овладение городами по берегам реки По.

[5] *И алчна гидра вспять бежит...* — В российской одической поэзии рубежа XVIII—XIX вв. гидрой часто называлась революционная Франция, чья внешняя политика вскоре приняла захватнический характер.

[6] *Хребет Альпийский преклонился, // И галл в ущельях гор дрожит.* — Речь идет о Швейцарской кампании российских войск под командованием А. В. Суворова, и в частности о переходе из Северной Италии в Швейцарию через хребет Сен-Готард 13 сентября 1799 г. и овладении позициями у Чертова моста через реку Рейсу 14 сентября.

МОРЕПЛАВАНИЕ

Оригинал: Кн. I, ода III («Sic te diva potens Cypri...»).

Перевод.

Автографы неизвестны.

Впервые: Труды Общества любителей российской словесности при Московском университете. 1821. Ч. 19. С. 36—38 (под заглавием «Из Горация (кн. I, ода III)»). Название «Мореплавание» дается по перечням заглавий переводов од Горация и по заглавию прозаического перевода.

[1] *Корабль! внуши мольбы мои...* — «Внуши» — здесь в значении: «услышь, восприми».

ВРЕМЯ

Оригинал: Кн. II, ода XIV («Eheu fugaces, Posthume, Posthume...»).

Подражание.

Автографы неизвестны.

Впервые: Капнист 1806. С. 185—186.

В издании Капнист 1941. С. 288 даны ошибочные сведения о первой публикации оды (см.: наст. изд., с. 312).

[1] *Хоть молебны кто всяк день // Петь о многолетстве станет...* — Речь идет о православном заздравном молебне; ср. также восклицание «Многая лета».

[2] *Праху с прахом съединиться.* — Ср. в чине православной панихиды: «Земля еси, и в землю отыдеши».

[3] *Должно все оставить здесь: // Дом, роскошную услугу...* — «Услугу» — здесь в значении: «прислугу».

[4] *Ельник лишь один постылый // Нас проводит до могилы.* — В культуре многих европейских народов, в том числе и в России, ель была посвящена смерти и использовалась в погребальных обрядах (древесина для производства гробов, ветви для устилания пути похоронной процессии и украшения могил).

[5] *Цельным капским тороватый...* — Капские вина высокого качества производились с середины XVII в. в Капской области на южной оконечности африканского материка (англ. The Cape). В XVIII в.

в Европе особенно ценился сорт белого столового капского вина «Констанция». «Тороватый» — здесь в значении: «обладающий чем-либо в изобилии».

[6] *Закутя пиры и балы...* — Ср. у А. С. Пушкина в «Пире во время чумы» (1830): «И, заварив пиры да балы, // Восславим царствие Чумы». Отмечено Г. А. Гуковским (см.: Русская литература XVIII века: Хрестоматия. Л., 1937. С. 711).

ПРОКЛЯТИЕ ДЕРЕВУ

Оригинал: Кн. II, ода XIII («Ille et nefasto te posuit die...»).

Перевод.

Автограф: ИРЛИ, ф. 122, № 60, л. 15—16 об.

Впервые: Капнист 1941. С. 218—220.

Тематически ода связана со строфами 14—15 стихотворения «Обуховка» и со стихотворением «В память бе́реста» (см.: наст. изд., с. 295, 298—301).

БОЛЯЩЕМУ ДРУГУ

Оригинал: Кн. II, ода XVII («Cur me querelis exanimas tuis?»).

Перевод.

Автограф: ИРЛИ, ф. 122, № 67, л. 29—30.

Впервые: Капнист 1941. С. 220—221.

СОВЕТ

Оригинал: Кн. II, ода III («Aequam memento rebus in arduis...»).

Подражание.

Автографы неизвестны.

Впервые: Капнист 1806. С. 179—180.

ПРОЩАНЬЕ

Оригинал: Кн. III, ода XXVII («Impios parrae recinentis omen...»).

Перевод.

[1] Стихотворный перевод этой оды неизвестен, сохранился лишь прозаический.

НАБОЖНОСТЬ

Оригинал: Кн. III, ода XXIII («Caelo supinas si tuleris manus...»).

Подражание.

Автографы неизвестны.

Впервые: Капнист 1806. С. 191—192.

[1] *С дна морского похищенны // Бисеры, коралл, янтарь...* — Бисер помещен здесь в ряд драгоценных морских ископаемых в силу древнерусского и церковно-славянского значения этого слова: «жемчуг».

[2] *Блеском звезд бразильских стран...* — Имеются в виду алмазы и другие драгоценные камни, в изобилии добываемые в Бразилии со второй поло-

вины XVII в. и ввозимые в Европу наряду с золотом и серебром.

[3] *Смирна и драгий ливан.* — Подразумеваются драгоценные благовонные смолы, употребляемые для курений при христианском богослужении.

НА СМЕРТЬ ДРУГА

Оригинал: Кн. I, ода XXIV («Quis desiderio sit pudor aut modus...»).

Перевод.

Автографы: ИРЛИ, ф. 122, № 67, л. 23—24, 25—26 об.

Впервые: Журнал древней и новой словесности. 1818. Ч. 1. № 1. С. 15—17, где стоит дата 9 июля 1818 г. — напоминание о дне кончины Г. Р. Державина, последовавшей в 1816 г. К стиху 12 было сделано примечание: «Я уверен, что благосклонные читатели извинят прибавку сего полустишия и двух следующих стихов, к которой, соответственно чувству Горация, побудило меня воспоминание о смерти друга моего — Державина». Затем оно в слегка измененном виде было повторено среди примечаний к прозаическому переводу этой оды (см.: наст. изд., с. 241—242).

ДРУГУ СЕРДЦА

Оригинал: Кн. II, ода VI («Septimi, Gadis, aditure mecum et...»).

Подражание.

Автографы неизвестны.

Впервые: Капнист 1806. С. 193—195.

[1] *И ссылочной Сибири холод...* — Ссылка в Сибирь служила на Руси одним из видов наказания за уголовные преступления с 1580-х гг. В течение всего XVIII в. постоянно предпринимались попытки заселения Сибири ссыльными и даже ссыльнокаторжными. Д. Д. Благой предполагает, что эта строка имеет автобиографический характер: Капнист якобы был отправлен в Сибирь после трех представлений его комедии «Ябеда» на сцене петербургского Большого (Каменного) театра, но возвращен с полдороги, после того как Павел I лично посмотрел комедию на сцене Эрмитажного театра. Подлинность этого предположения, однако, не подтверждена документально (см.: Капнист 1959. С. 19—20; Капнист 1973. С. 26—27).

[2] *Меж лютых кафров...* — Кафрами (от арабского «кафир» — «неверный») европейские колонизаторы в XVI—XVII вв. называли южно-африканский народ коса, а вместе с ним и все темнокожие племена к югу от Конго.

[3] *...на бреге Псола...* — Имеется в виду родовое поместье Капнистов, село Обуховка, располагавшееся в Миргородском повете Полтавской губернии на берегу реки Псел.

[4] *На тучный брег Салдайска тока, // В Тавриду древню преселюсь...* — Таврида — древнее название Крымского полуострова. Старший брат поэта П. В. Капнист (?—1826) приобрел в Судакской долине в Крыму небольшое имение. В. В. Капнист впервые приехал в имение брата в 1803 г., затем побывал там в 1815 г. Город Судак, в XIII в. принадлежавший Венецианской республике, а в XIV—XV вв. — Генуе, носил древнее название Солдайя. В настоящее время Солдаем называется маленький

рыбачий поселок под Судаком. Имение П. В. Капниста находилось на берегу небольшой речки Суук-Су у подошвы горы Узун-Кыр; рядом протекал ручей и располагались несколько гектаров виноградников. Дом Капнистов был разрушен в годы Великой Отечественной войны (см.: *Дегтярев П. А., Вуль Р. М.* У литературной карты Крыма: Литературно-краеведческие очерки. Симферополь, 1965. С. 8—10). На основании этих сведений можно предположить, что адресатом стихотворения является П. В. Капнист, бывший не только братом, но и близким другом и единомышленником поэта, помогавшим ему воспитывать детей и вести хозяйство.

5 *Отколь в кумирах знаменитый // Владимиром сражен Перун.* — Владимир Святославич (в крещении Василий, ок. 960—1015) — великий князь Киевский, по преданию принял крещение в греческом городе Херсонесе (Херсон, Корсунь) на юго-западном берегу Крыма и тем самым «сразил Перуна», главное божество славянского языческого пантеона. После возвращения в Киев он велел сбросить в Днепр его идол, стоявший на холме за княжеским теремом (см.: Повесть временных лет. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1996. С. 189—190).

6 *В долинах, как янтарь, желтеет // Токайский сладкий виноград.* — Вино из винограда сорта фурминт, производимое в Токайском округе Венгрии, считается одним из лучших в Европе. В 1785 г. по инициативе Г. А. Потемкина в Крым были ввезены лозы токайского винограда для развития местного производства этого деликатесного напитка.

7 *Там теплой оросишь слезою // Прах милого тебе певца.* — Г. В. Ермакова-Битнер высказала

предположение, что эти строки посвящены памяти друга Капниста И. И. Хемницера (1745—1784) (см.: Капнист 1973. С. 554). Между тем латинский оригинал и прозаический перевод свидетельствуют, что здесь имеется в виду сам лирический герой стихотворения.

ПРЕДПОЧТЕНИЕ СТИХОТВОРСТВА

(К Меценату)

Оригинал: Кн. I, ода I («Maecenas atavis edite regibus...»).

Перевод.

Автограф: ИРЛИ, ф. 122, № 64, л. 3—4 (под заглавием «Предпочтение стихотворца»). В перечнях заглавий переводов од Горация и в прозаическом переводе: «Предпочтение стихотворства».

Впервые: Труды Общества любителей российской словесности при Московском университете. 1819. Ч. 15. С. 25—27 (под заглавием «Ода Горация к Меценату»). В изданиях Капнист 1941. С. 214—215, Капнист 1960. II. С. 79—80 — под заглавием «Предпочтение стихотворца»; в издании Капнист 1959 не печаталось; в издании Капнист 1973. С. 194—195 — под заглавием «К Меценату».

[1] *С покалом старого массийска грозднa сока...* — В изданиях Капнист 1941. С. 215, Капнист 1960. II. С. 80, Капнист 1973. С. 194: «мессийска». Исправлено в соответствии с латинским оригиналом и

прозаическим переводом (см.: наст. изд. с. 248, 249).

[2] *Полимния* — более редкий вариант русской транслитерации имени музы Полигимнии (Πολύμνια).

К ЛИРЕ

Оригинал: Кн. I, ода XXXII («Poscimus, si quid vacui sub umbra...»).

Перевод.

Автографы: ИРЛИ, ф. 122, № 60, л. 51—51 об.; № 67, л. 6 об., 9, 13.

Впервые: Труды Общества любителей российской словесности при Московском университете. 1824. Ч. 4. С. 232.

Неверно считать, что публикация этой оды подготовлена самим автором, как это утверждается в издании Капнист 1973. С. 560. Среди стихотворений, названных в письме к А. А. Прокоповичу-Антонскому от 17 января 1823 г., она не упоминается. Ода входит в озаглавленный «Ненапечатанные сочинения» список 1814 г. в числе 13 од Горация, переведенных между 1810 и 1814 гг. Автографы отражают позднейшую работу над этим переводом.

[1] *И Лика с черными очами // И черны Лика волоса.* — В первой публикации это мужское имя заменено женским — Хлоя. В изданиях Капнист 1941. С. 198, Капнист 1959. С. 321, Капнист 1973. С. 189 повторен текст первой публикации. Имя исправлено

по рукописи ИРЛИ, ф. 122, № 60, л. 51, по которой текст оды печатался в издании Капнист 1960. I. С. 276. См. также ниже, с. 412, примеч. 2 к этой же оде).

[2] *О Фебовых рамен краса...* — Рамена (церк.-слав.) — плечи.

К МЕЛЬПОМЕНЕ

Оригинал: Кн. IV, ода III («Quem tu, Melpomene, semel...»).

Перевод.

Автограф: ИРЛИ, ф. 122, № 60, л. 31—31 об.

Впервые: Труды Общества любителей российской словесности при Московском университете. 1822. Ч. 2. С. 206—207.

В издании Капнист 1960. II. С. 80—81 воспроизведен текст рукописи ИРЛИ, отражающий один из ранних этапов работы над одой; в издании Капнист 1973. С. 188 — текст первой публикации.

ПИИТ-ЛЕБЕДЬ

Оригинал: Кн. II, ода XX («Non usitata nec tenui ferar...»).

Перевод.

Автографы: ИРЛИ, ф. 122, № 60, л. 61—62 об.; № 64, л. 6—8 об.

Впервые: Труды Общества любителей российской словесности при Московском университете. 1824. Ч. 4. С. 233 (под заглавием «Ода Горация»). Публикация подготовлена автором и выслана А. А. Про-

коповичу-Антонскому с письмом от 17 января 1823 г. (см.: Капнист 1960. II. С. 544). Название «Пиит-лебедь» встречается в этом письме, в рукописи ИРЛИ, ф. 122, № 60, л. 61—62 об., в прозаическом переводе и перечнях заглавий переводов од Горация.

ГЕНИЙ-ПИИТ

(Ломоносов)

Оригинал: Кн. IV, ода II («Pindarum quisquis studet aemulari...»).

Подражание.

Автографы неизвестны.

Впервые: Капнист 1806. С. 213—221.

Предположение об иной датировке (1791 г.) см. в статье: *Дёмин А. О.* О датировке трех горацианских од В. В. Капниста // Г. Р. Державин и его время: Сб. науч. статей. СПб., 2009. С. 20—28. Мотивы этой оды Капнист развивает в стихотворении 1818 г. «Различность дарований» (см.: наст. изд., с. 290—291). В изданиях Капнист 1806. С. 213—221, Капнист 1941. С. 200—203, Капнист 1959. С. 278—280, Капнист 1960. I. С. 174—176 печаталось под заглавием «Ода, Ломоносов»; в издании Капнист 1973. С. 157— 160 — под заглавием «Ода „Ломоносов"». Название «Гений-пиит» встречается в прозаическом переводе и перечнях заглавий переводов од Горация.

Взятые в кавычки стихи в строфах 3—7 являются перифразами стихов М. В. Ломоносова.

[1] *«Он, гласом громы прерывая ~ И с суши сдвигнул океан».* — Ср.: *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч. М; Л., 1959. Т. 8. С. 387—388 («Ода, выбранная из Иова»).

[2] *«Сам Бог ведет; и кто противу? ~ Навстречу кто поставит щит?»* — Ср.: Там же. С. 789 («Ода всепресветлейшей державнейшей великой государыне императрице Екатерине Алексеевне, самодержице всероссийской, которою ее величество в новый 1764 год всенижайше поздравляет всеподданнейший раб Михайло Ломоносов»).

[3] *«Там мир в полях и над водами ~ И, слившись меж собой, журчат».* — Ср.: Там же. С. 129—130 («На день брачного сочетания их императорских высочеств государя великого князя Петра Федоровича и государыни великия княгини Екатерины Алексеевны 1745 года»).

[4] *«С трофея на трофей ступая ~ Парят, где ветр лишь может дуть».* — Ср.: Там же. С. 19—20 («На победу над турками и татарами и на взятие Хотина 1739 года»).

[5] *Зеленый лавр, обвит оливой...* — Лавр — символ военной победы, олива — мира.

[6] *Во время пышна к храму хода...* — Имеется в виду крестный ход по случаю окончания войны.

[7] *В нем гимн Астрее возгремит.* — Астрея — римское имя богини справедливости Дике, дочери Зевса и Фемиды, согласно римским классическим авторам покинувшей землю на исходе Золотого века. В российской панегирической литературе екатерининской эпохи императрица часто уподоблялась Астрее, а ее царствование — возобновленному Золотому веку.

[8] *Возжгу в нем горстку фимиама // С белейшею лилей свечой // Из воска...* — Из трех видов свечей, производимых в XVIII в. (восковые, сальные, спермацетовые), восковые были самыми дорогостоящими.

К МУЗЕ

(Певцу Фелицы)

Оригинал: Кн. I, ода XXVI («Musis amicus tristitiam et metus...»).

Подражание.

Автографы: РНБ, ф. 247, Державин, т. 22, л. 331—332; НБУ, I 5677, л. 1. Текст рукописи НБУ содержит правку текста, зафиксированного в автографе РНБ, и дату «Август 1797».

Впервые: Капнист 1806. С. 200—201 (текст, наиболее близкий к рукописи НБУ). Текст автографа РНБ: Отчет имп. Публичной библиотеки за 1892 г. СПб., 1895. Прил. С. 21 (под заглавием «Гавриилу Романовичу Державину. Подражание Горациевой оде: Musis amicus...»). В изданиях Капнист 1806. С. 200—201, Капнист 1941. С. 203, Капнист 1959. С. 244, Капнист 1960. I. С. 152, Капнист 1973. С. 145—146 имеет заглавие «Певцу Фелицы». Название «К Музе» встречается в прозаическом переводе и перечнях заглавий переводов од Горация.

Ода написана в ответ на послание Державина «Капнисту» («Спокойства просит от небес...», 1797). Отправлена ему в письме от 13 августа 1797 г., содержавшем подробный разбор стихотворения Державина (см.: Капнист 1960. II. С. 439—440, 593—595).

[1] *(Певцу Фелицы).* — «Певцом Фелицы» Державина стали именовать после появления «Оды к премудрой киргизкайсацкой царевне Фелице, писанной татарским мурзою, издавна поселившимся в Москве, а живущим по делам своим в Санктпетербурге. Переведена с арабского языка 1782».

[2] *Пусть галл Европой потрясает...* — Намек на успешные военные действия наполеоновских войск в 1796—1797 гг. на территории Северной Италии, в результате которых по Кампоформийскому миру 17 октября 1797 г. Австрия была вынуждена выйти из первой антифранцузской коалиции.

[3] *Британец всех на море бьет...* — В конце XVIII в. британский флот превосходил боевой мощью военно-морские силы многих европейских государств.

[4] *От рая Пий ключи теряет...* — По католической традиции папа римский является наследником хранителя ключей от рая апостола Петра на земле. Во время Итальянского похода Наполеона в 1796—1797 гг. им были разбиты папские войска, и Папская область по Толентинскому миру 19 февраля 1797 г. утратила Болонью и Феррару. В 1798 г. в результате революционного движения в Риме, поддержанного французскими войсками, была провозглашена республика, а светская власть папы Пия VI (1717—1799) упразднена. Он был перевезен во Францию, где умер в крепости Валанс.

[5] *О Муза ~ Любя́щая Кастальский ток!* — Имеется в виду Кастальский источник на южном склоне Парнаса, в Дельфах, близ храма Аполлона. Его водой омывались паломники. В европейской поэзии — символ поэтического вдохновения.

О ДОСТОИНСТВЕ СТИХОТВОРСТВА

Оригинал: Кн. IV, ода VIII («Donarem pateras grataque commodus...»).

Перевод.

Автографы: ИРЛИ, ф. 122, № 60, л. 50—50 об., 60—61; № 64, л. 9.

Впервые: Труды Казанского общества любителей отечественной словесности. 1815. Кн. 1. С. 88—90.

Первые две строфы этой оды (строфа 2 подверглась переработке) составили отдельное послание «Любезному и почтенному другу», обращенное к другу Капниста, русскому дипломату Василию Степановичу Томаре (Тамаре, 1736—1819) (см.: наст. изд., с. 305).

ЖЕЛАНИЯ СТИХОТВОРЦА

Оригинал: Кн. I, ода XXXI («Quid dedicatum poscit Apollinem...»).

Подражание.

Автограф: НБУ, I 5688, л. 1—1 об.

Впервые: Капнист 1806. С. 181—182.

[1] *Вкушает капское вино.* — См. выше, с. 388—389, примеч. 5 к оде «Время».

[2] *Укруг* — ломоть.

[3] *Кислые щи* — сорт хлебного кваса из ржаного и ячменного солода и пшеничной муки.

26 Зak. 3682

ПАМЯТНИК ГОРАЦИЯ

Оригинал: Кн. III, ода XXX («Exegi monumentum aere perennius...»).

Перевод.

Автографы неизвестны.

Впервые: Капнист 1806. С. 245—246.

В бумагах Державина сохранился выполненный Капнистом другой перевод этой оды: РНБ, ф. 247, Державин, т. 27, л. 51 (см.: наст. изд., с. 306).

ОПЫТ ПРОЗАИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА ГОРАЦИЕВЫХ ОД, С ПРИМЕЧАНИЯМИ

НИЧТОЖЕСТВО БОГАТСТВ

[1] *...тут часто насыпает бут делопроизводитель с рабами и владелец, наскучивший твердою землею...* — Бут — строительный камень в виде кусков неправильной формы, годный только для кладки фундамента.

[2] *...«υρα, хвост»...* — Точнее — οὐρά.

[3] *В старину сени, чаятельно, служили к подобным же употреблениям.* — В рукописи ИРЛИ, ф. 122, № 61, л. 20 об.: «наши сени».

НА РАЗВРАТ НРАВОВ

[1]*...наши стремления, не освященные провещаниями...* — Провещания — предсказания; примени-

тельно к данному контексту — ауспиции, гадания по поведению вещих птиц.

[2] *...сабинскою — в подлиннике сказано: сабельскою ~ Сабинцы были соседы римлян.* — В рукописи ИРЛИ, ф. 122, № 61, л. 21: «сабельскою — в уменьшительном значении то же, что самнитскою. Самниты были соседы римлян».

ЮНЫМ ВОИНАМ

[1] *...«ιδος παριδος — конный».* — Непонятно, какое греческое выражение Капнист имеет здесь в виду.

[2] *Казнь почиталась богинею. Греки называли ее Дики и Немесис.* — Объединение двух разных греческих божеств (богини справедливости Дике и богини возмездия Немесис) Капнист заимствует у Дасье. Орфография имени первой из богинь соответствует новогреческому произношению (Δίκη).

ПРОТИВ КОРЫСТОЛЮБИЯ

[1] *...все почти переводчики, кроме г-на Фосса...* — Иоганн Фридрих Фосс (Voss, 1751—1826) — немецкий поэт и переводчик. Особенную ценность имеют его сделанные гекзаметром переводы «Одиссеи» (1781) и «Илиады» (1793), прекрасные по языку и тщательно исполненные. После их появления Гомер стал любимейшим чтением в Германии. Фосс переводил также Гесиода, Эсхила, Аристофана, Феокрита, Горация, Вергилия, Овидия, Проперция и др.

[2] *...полуночный ветр...* — Т. е. северный.

НА РОСКОШНЫЕ ОБИТАЛИЩА

[1] *Лукрина — озеро сие находится близ Байи в Кампании.* — К этому месту в рукописи ИРЛИ, ф. 122, № 61, л. 22, — примечание карандашом: «NB. Бей близ Кум».

[2] *Явор* — клен (белый, или ложноплатановый, — Acer pseudoplatanus).

ПОХВАЛА СЕЛЬСКОЙ ЖИЗНИ

[1] *...и не уступающее багрецу гроздие...* — Виноград сравнивается здесь с пурпуром — темно-алой краской, в древности добывавшейся из средиземноморского моллюска Bolinus brandaris (тогда назывался Murex).

[2] *...ромб — у французов тюрбо, род весьма широкой морской рыбы.* — Имеется в виду рыба из семейства камбаловых (Bothus sive Rhombus maximus; в современной терминологии — Psetta maxima).

ПРОТИВ ЗЛАТОЛЮБИЯ

[1] *...нежели когда бы ты Ливию с отдаленным Гадисом соединил...* — В рукописи ИРЛИ, ф. 122, № 59, л. 9: «отделенным», но правильно «отдаленным», поскольку в латинском оригинале: «remotis» (см.: наст. изд., с. 145).

БОГАТОМУ СОСЕДУ

[1] *...гиметские — гора Гимет находится в Аттике.* — К этому месту в рукописи ИРЛИ, ф. 122, № 61, л. 23, — примечание карандашом: «NB: «Близ Афин в Аттике».

[2] *...подражая Аристоту...* — Имеется в виду древнегреческий философ и естествоиспытатель Аристотель (384 до н. э.—322 до н. э.) и его «Поэтика» (гл. 17).

СКРОМНАЯ БЕСПЕЧНОСТЬ

[1] *...отлогие эфульски нивы...* — См. выше, с. 376, примеч. 1 к этой же оде.

[2] *...небольшой город близ Тибура, построенный на покате горы.* — Имеется в виду Эфула, поселение в местности эквов (северо-восточный Лаций) между Тибуром и Пренесте.

[3] *Прокион — имя сие по-гречески значит «Предпесий».* — В рукописи ИРЛИ, ф. 122, № 61, л. 24: «Предтеча пса».

[4] *Авр — так назывался самый приятный и тихий ветер.* — Капнист ошибочно полагает здесь, что «aura» — имя собственное. Эта неточность, очевидно, возникла оттого, что в издании Дасье каждая стихотворная строка начиналась с заглавной буквы и слово «aura» стояло в начале строки.

СПОСОБ К ДОВОЛЬСТВУ

[1] *Алиатовыми — Гораций означает здесь известного превратностию счастия Креза, царя лидийского, сына Алиатова.* — Это примечание заимствовано у Дасье. Капнист комментирует слова латинского оригинала: «quam si Mygdoniis regnum Alyattei campis continuem» («даже если бы я полями Мигдонии царство Алиатта распространил»). Речь идет о завоеваниях лидийского царя Креза (596—546 до н. э.), значительно расширившего территорию царства своего отца Алиатта (610—560 до н. э.). В прозаическом переводе, видимо в результате ошибки, вместо Алиатта назван Алий.

ВЕСНА

[1] *Г-н Бохарт...* — Имеется в виду библеист Самуил Бохарт (Bochart, 1599—1667), французский ученый-протестант, известный своими трудами по географии и истории древних народов.

ВОРОЖБА

[1] *...не доверяя.* — Далее в рукописи ИРЛИ, ф. 122, № 59, л. 16, следовал вычеркнутый впоследствии перевод стихотворения «К слуге» (ода XXXVIII книги I): «Мальчик! Персидскую ненавижу я пышность; не люблю перевязанных лычком венков: оставь, не ищи, где поздняя роза коснит. К простому мирту ничего не прибавляй: ни тебе, слуге, не непри-

личен мирт, ни мне, под виноградным сводом пиющему». В рукописи НБУ, I 5684 имеются к этому стихотворению примечания, тоже вычеркнутые:

«*1. пышность персидскую* — чтоб судить о великолепии пиршеств персидских, нужно только прочитать первые две главы „Есфири".

2. лычком перевязанных — римляне, по-видимому, не знали еще тогда употребления шелковых лент и не гнушались тонкою корою липы».

Аналогичные примечания есть и в рукописи ИРЛИ, ф. 122, № 61, л. 28.

КРАСОТА

[1] *...преобразит Лигурина в щетинистое лицо...* — В рукописи ИРЛИ, ф. 122, № 59, л. 16 об.: «Лугурина». Исправлено в соответствии с латинским оригиналом: «Ligurinum» (см.: наст. изд., с. 172).

[2] *...пунической розы ~ Пуниею называлась Карфагена.* — Это примечание в рукописи ИРЛИ, ф. 122, № 61, л. 28 об., выглядит так: «Римляне весьма любили цветы, [венчались оными в пиршествах и с великими издержками выписывали оные из дальних стран,] и роскошь заставляла их весьма дорого ценить [преимущество оных одни перед другими] отличное оных в красоте преимущество».

ПЕРЕМАНКА

[1] *...и от засушливых Австров...* — Это выражение попало в перевод явно по ошибке. В латинском

оригинале речь идет о болезнетворных летних ветрах, приносящих частые дожди («pluviosque ventos»), — см.: наст. изд., с. 175.

[2] *...между безопасными кустарниками ежовника...* — Имеется в виду ежовник меловой, Anabasis cretacea, полукустарник, называемый иначе южовник или кислая трава.

[3] *...древние, как и ныне черкасиянки, любили красить и лощить лица свои.* — Черкасиянки, т. е. черкешенки; слово образовано под влиянием французского «circassiennes».

ЛЮБОВНАЯ КЛЯТВА

[1] *...подтверждает мнение г-на Лефевра...* — Имеется в виду Таннеги Лефевр (Tanneguy Le Fèvre, Tanaquillus Faber, 1615—1672), французский ученый, филолог-классик, издатель и комментатор греческих и латинских авторов, отец супруги Андре Дасье, переводчицы Анны Лефевр.

БЕЗОПАСНОСТЬ

[1] *Тул* — колчан.

МЩЕНИЕ ЛЮБОВНИКА

[1] *Орион — один из гигантов, сыновей Земли...* — Капнист называет великана и охотника Ориона гигантом, следуя комментарию Дасье к оде IV книги III.

СПОСОБ УТЕШЕНИЯ

[1] *...цилленейскою лирою — Гораций называет ее цилленейскою, потому что Меркурий рожден в Аркадии на горе Циллене.* — К этому месту в рукописи ИРЛИ, ф. 122, № 61, л. 30, — примечание карандашом: «NB. Не от Силена ли пияницы».

[2] *Не понимаю, почему присвояет он лиру Меркурию ~ Жаль, что Аполлон лишается преимущества сего.* — Действительно, лира была атрибутом Аполлона, однако изобретение ее приписывалось Гермесу (Меркурию). Капнисту, видимо, это было неизвестно.

[3] *...кентавры жили на горах фракийских.* — В рукописи ИРЛИ, ф. 122, № 61, л. 30, после слова «кентавры» следует: «или полукони».

ДРУГУ МОЕМУ

[1] *Соракт — гора близ Рима в области фалиской...* — Вокруг горы Соракт, в северной части Лация, располагалась область фалисков, одного из древне-италийских народов.

УМЕРЕННОСТЬ

[1] *...мнимому просвещению, выпустившему, как из студенца бездны, легионы пругов, милицию Аполлионову.* — Студенец — колодец; пруги — саранча; после слов «милицию Аполлионову» в рукописи НБУ, I 5684 вписано и зачеркнуто: «См.: Апок⟨алипсис⟩.

9: 11». Имеется в виду следующий стих из «Откровения Иоанна Богослова»: «Царем над собою она имела ангела бездны, имя ему по-еврейски Аваддон, а по-гречески Аполлион».

УТЕШЕНИЕ В ГОРЕСТИ

[1] *Книгу о свойстве растений приписал он Августу.* — Т. е. посвятил ему.

[2] *...откуда истекает река Тигр.* — В рукописи НБУ, I 5684 ошибочно: Тибр.

[3] *...сей греко-скифский народ поселился в стране будинов...* — Будины, или вудины, — один из перечисляемых Геродотом народов, населявших Скифию (см.: *Геродот.* История в девяти книгах. Кн. 4. § 21, 102, 105, 108, 109).

МОРЕПЛАВАНИЕ

[1] *...отважное Япетово племя пагубною хитростию принес огонь смертным.* — Первоначально в рукописи ИРЛИ, ф. 122, № 59, л. 32, было: «отважный Япетов род». Правка не доведена до конца (не выдержано согласование в роде со словом «племя»).

[2] *...Япикса — западно-северо-западный ветер.* — Так Япига определяет Дасье.

ВРЕМЯ

[1] *Палефат* — греческий писатель, живший, вероятно, в III в. до н. э. В его сочинении «О невероят-

ном» с позиций рационализма критикуются древние мифы.

[2] *Что город, то норов.* — После этой фразы в рукописи НБУ, I 5684 следовало впоследствии вычеркнутое примечание 12: «*затрапезное первосвященников* — из сего заключить можно, что духовные и в старину любили тянуть красоулю хорошего вина». Это примечание перенесено из рукописи ИРЛИ, ф. 122, № 61, л. 35. Красоуля — монастырская чаша, стопа, большая кружка, ковш, братина.

ПРОКЛЯТИЕ ДЕРЕВУ

[1] *По преданию Платона ~ разрешал недоумения товарищей своих.* — См. диалог Платона «Горгий» (523е—524а).

БОЛЯЩЕМУ ДРУГУ

[1] *...почто, не целый уже, буду я коснить с другою, не столько мне любезною половиной.* — «Коснить» — здесь в значении: «задерживаться на свете».

[2] *Гиг — сын Неба и Земли, он имел сто рук. С братьями своими, гигантами, противу богов сражался и был ими свергнут в Тартар.* — Имеется в виду один из трех «сторуких», сыновей Урана и Геи. Сразу после рождения Уран ввергнул их в оковы и поселил в недрах земли, а Зевс освободил для войны с титанами. Затем они стали сторожить в Тартаре

титанов. Существуют различные транскрипции имени этого персонажа: Гиес, Гиас, Гигес.

[3] *...испугавшись гиганта Тифона...* — Комментаторы, на труды которых опирался Капнист, не проводили различий между титанами, гигантами и другими исполинскими существами древних мифологий, считая всех их мятежными великанами-богоотступниками. Поэтому и Тифона, также боровшееся с Зевсом чудовище с сотней голов, изрыгавших пламя, Капнист причисляет к гигантам.

СОВЕТ

[1] *Орка — см. выше, стран⟨ица⟩ 151, прим⟨ечание⟩ ⟨7⟩, «Богатому соседу».* — За этим примечанием в рукописи ИРЛИ, ф. 122, № 61, л. 36, следует еще одно: «*Положить нас в челн* — Харона, адского перевозчика».

ПРОЩАНЬЕ

[1] *Пускай нечестивых путь воспятит крик луговицы...* — В русском языке луговицей называются два вида птиц: Vanellus cristatus (чибис, пигалица, настовица, вьюха) и Glareola pratincola (степная ласточка, степной стриж). Капнист выбрал это обозначение для перевода слова «parra», латинского названия неустановленной птицы, чей крик древние римляне считали дурным предзнаменованием. Дасье ввел в свой перевод слово «hibou» («филин»), поскольку крик этой птицы считается зловещим в европейской куль-

туре Нового времени. В комментарии он приводит мнения различных авторов о том, какая птица могла быть названа словом «parra». Среди этих названий есть слово «vanneau» (чибис, луговица). «Воспятит» — здесь в значении: «обратит вспять».

[2] *Баснословят, что Юпитер воскормлен был ~ корибантками...* — Капнист неверно понял французское слово «corybantes» («корибанты», «куреты» — жрецы, охранявшие детство Юпитера на Крите) в комментарии Дасье, приняв его за женский род несуществующего «corybants».

НАБОЖНОСТЬ

[1] *...на Аппиенской дороге...* — Подразумевается Аппиева дорога (Via Appia). В рукописи ИРЛИ, ф. 122, № 61, л. 36, далее было: «На вершине оной есть место, называемое ныне Rocca del papa, скала папы, чаятельно, там был древний город Алгид».

ДРУГУ СЕРДЦА

[1] *Септимий — думают, что он был из всаднического сословия.* — В рукописи ИРЛИ, ф. 122, № 61, л. 36 об.: «из сословия конников римских».

[2] *...решились по совету некоего Арака отослать в Спарту молодых людей...* — В рукописи ИРЛИ, ф. 122, № 61, л. 37, далее было: «клятве сей не участвовавших»

[3] *...на горе Гимете в Аттике получали самый лучший мед.* — В рукописи ИРЛИ, ф. 122, № 61,

л. 37: «наилучший и Страбоном хвалимый мед» (см.: *Страбон*. География. Кн. 9. § 23).

[4] *Сын Юпитера и Семелы, которого отец по сожжении матери доносил в своей ляжке.* — В рукописи ИРЛИ, ф. 122, № 61, л. 37 об., примечание выглядит так: «бог вина, которого имя латины переделали в Бахуса. См. стран⟨ицы⟩ 197—198, прим⟨ечание⟩ 4», ⟨«Беззаботность»⟩».

К ЛИРЕ

[1] *Квинтилиян в кн⟨иге⟩ X, в главе 1-й, говорит о нем: «По справедливости ~ к выражению высоких мыслей».* — Имеется в виду отрывок из книги Марка Фабия Квинтилиана (35—ок. 96) «Воспитание оратора» (кн. 10, гл. 1, § 63).

[2] *...сын ее Купидон, или, по-гречески, Эрот, бог любви.* — Далее в рукописи НБУ, I 5684 следует заметка Капниста: «После сего поставить должно примечания „Проклятие дереву"», а в рукописи ИРЛИ, ф. 122, № 61, л. 38, — примечание: «*Лика* — может быть, так назывался любимец Алкея, в котором нравилось ему все, даже до малого пятнушка на пальце».

К МЕЛЬПОМЕНЕ

[1] *...пиеры, фракийский народ, оставя родину свою, овладели частью Фессалии...* — В рукописи ИРЛИ, ф. 122, № 61, л. 38 об.: «частью Македонии».

ПИИТ-ЛЕБЕДЬ

[1] *Я старался в коротком исследовании моем о гипербореанах доказать, что они были славенского поколения народ.* — Капнист подразумевает свое сочинение «Краткое изыскание о гипербореанах. О коренном российском стихосложении» (см.: Капнист 1960. II. С. 165—185).

[2] *...по имени Нении, богини похорон, слез и жалоб.* — Богиней похорон, слез и жалоб называет Нению Дасье, хотя точнее было бы назвать ее божеством погребального пения. Древнеримское божество похорон — Либитина, упоминается в оде «Памятник Горация» (см.: наст. изд. с. 282).

ГЕНИЙ-ПИИТ

(Ломоносов)

[1] *...нежный, отдоенный теленок...* — Словом «отдоенный» Капнист переводит здесь выражение Горация «relicta matre» («отлученный от матери»).

[2] *...прежде обитаемые ими горы и до сего времени Полканами называются.* — Имеются в виду горы Балканского полуострова.

[3] *...сочинитель «Тебаиды»...* — Речь идет о римском поэте Публии Папинии Стации (ок. 40—после 95), авторе поэмы «Фиваида».

[4] *сикамбров — древние жители нынешней Гельдрской страны в Голландии.* — Так их определяет Дасье.

О ДОСТОИНСТВЕ СТИХОТВОРСТВА

[1] *Воспятило* — здесь в значении: «воспрепятствовало».

[2] *Стиксом назывался один источник в Аркадии, вода оной была смертоносна...* — Слова «источник» и «оной» не согласованы в роде в результате невнимательного перевода с французского: «источник» («fontaine») во французском языке женского рода.

[3] *Река Стикс никогда не протекала в Аркадии ~ См.: «Богорождение» от 713-го по 819-й стих, а в переводе г-на Жина, 157 до 165 страницы.* — Гесиод описывает Стикс, протекавший в Тартаре — месте вечной непогоды и холода (см.: Творения Гезиода, переведенные Павлом Голенищевым-Кутузовым. М., 1807. С. 72—75). Капнист упоминает издание: Les œuvres d'Hésiode; traduction nouvelle, dédiée au roi, enrichie de notes et du Combat d'Homère et d'Hésiode, opuscule grec qui n'avoit encore été traduit en notre langue, par M. Gin... Paris, 1785. Пьер Луи Клод (по другим сведениям — Шарль) Жен (Gin, 1726—1807), внучатый племянник Н. Буало-Депрео, эллинист, переводчик, публицист. Мифологическое толкование Гесиода Капнист предпочитает историческому толкованию этой реалии у Дасье.

ЖЕЛАНИЯ СТИХОТВОРЦА

[1] *...но г-н Батте сказал: «предохранить меня от дряхлой старости — de me préserver d'une vieillesse languissante»...* — См.: [*Batteux Ch.*] Les poésies d'Horace, traduites en françois. Nouvelle éd. Paris, 1763. T. 1. P. 97.

ПАМЯТНИК ГОРАЦИЯ

[1] *Давн — сын Поливна и Данаи...* — Вместо: Поливна — следует: Пилумна (лат. Pilumnus); ошибка Капниста.

ДОПОЛНЕНИЯ

ПОДРАЖАНИЕ ГОРАЦИЕВОЙ ОДЕ

Оригинал: Кн. II, ода XVI («Otium divos rogat in patenti...»).

Подражание.

Автограф: ИРЛИ, ф. 122, № 2, л. 1—2. Известен также прозаический перевод оды: ИРЛИ, ф. 122, № 65, л. 1—2.

Впервые: Капнист 1941. С. 206—208.

Является ответом на стихотворное послание Державина «Капнисту» («Спокойства просит от небес...», 1797), разрабатывающее мотивы той же оды Горация (см.: Капнист 1960. II. С. 439—440). Последние две строфы, по предположению Д. С. Бабкина, написаны, возможно, позднее, в 1818—1819 гг. (см.: Капнист 1960. I. С. 741), вместо бывших в рукописи:

А может быть, судьбой даются
Различные уделы нам:
Стада твои травой пасутся
По тучным бархатным лугам.

27 Зак. 3682

В пути в карете драгоценной
Шестеркой ржащею летишь;
Собольей шубой облеченный,
И средь зимы в тепле сидишь.

А я, здоровьем наслаждаясь,
В поместье маленьком живу;
И тут, природой восхищаясь,
Как тихая струя плыву.
Еще скажу я без притворства —
Имею искру стихотворства,
Желанье правду обожать
И злобу черни презирать.

[1] *Мамелюки* — гвардия египетских султанов, набиравшаяся из воинов тюркского происхождения; в данном случае — турки.

[2] *Кому на Тавр с Кавказа — шаг...* — Имеются в виду персидские и кавказские войны России на рубеже XVIII—XIX вв. Тавр — южные прибрежные горы в Малой Азии.

[3] *Чей штык сквозь Альпы проникает...* — Подразумеваются победы А. В. Суворова в Италии и Швейцарии над французскими войсками в 1799 г.

КАМЕЛЕК

Автографы неизвестны.
Впервые: Капнист 1806. С. 172.

Тематически связано со стихотворением «Ворожба» (см.: наст. изд., с. 58—59) и в издании Капнист 1806 помещено после него. Адресат неизвестен.

К СЛУГЕ

Оригинал: Кн. I, ода XXXVIII («Persicos odi, puer, adparatus...»).

Перевод.

Автографы: ИРЛИ, ф. 122, № 60, л. 53 об.; № 67, л. 1, 7, 10.

Впервые: Капнист 1941. С. 185—186.

См. также выше, с. 406—407, примеч. 1 к оде «Ворожба».

РАЗЛИЧНОСТЬ ДАРОВАНИЙ

Автографы неизвестны.

Впервые: Сын отечества. 1818. Ч. 50. № 51. С. 272—274.

Тематически связано со стихотворением «Гений-пиит (Ломоносов)» (см.: наст изд., с. 102—106).

[1] *Внушенный музами Державин ~ И Пиндара нам воскрешал.* — Имеется в виду литературная репутация Державина, оставившего множество подражаний Горацию, Анакреону, переложения од Пиндара, а также считавшегося их подражателем в оригинальном творчестве.

ОБУХОВКА

Автографы неизвестны.

Впервые: Сын отечества. Ч. 48. 1818. № 33. С. 31—33; перепечатано: Труды Общества любителей российской словесности. 1820. Ч. 18. С. 33—35.

[1] *Обуховка* — имение Капнистов в Полтавской губернии Миргородского уезда на берегу реки Псел. Ныне село Великая Обуховка Полтавской области Украины. Верность описаний усадьбы в этом стихотворении засвидетельствовала дочь поэта С. В. Капнист-Скалон в своих воспоминаниях (см.: *Капнист-Скалон С. В.* Воспоминания // Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов. М., 1931. Т. 1. С. 302—303). Изображение одноэтажного деревянного домика с соломенной крышей сохранилось на фаянсовой тарелке Киево-Межигорской фабрики, хранящейся в Миргородском краеведческом музее (см.: Там же. С. 427—428).

[2] *Там сяду я под бе́рест мшистый...* — Обуховскому бересту посвящено стихотворение Капниста «В память бе́реста» (см.: наст. изд., с. 298—301). Берест — вяз, карагач, караич или пробковый ильм. Встречается в России только в южных и юго-западных областях и на Кавказе.

[3] *Так в мире времени струями ~ И царства пали, и цари.* — Ср. в «〈Последних стихах Державина〉» (1816):

Река времен в своем стремленьи
Уносит все дела людей

И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.

[4] *Где отражает тень угрюму // С зенита яркий Феб лучом.* — О Фебе см. выше, с. 366, примеч. 5 к «⟨Посвящению⟩».

[5] *Флора* — древнеримская богиня весны, садов, цветов.

[6] *Помона* — древнеримская богиня древесных плодов.

[7] *...Вакхов вертоград...* — Вертоград — виноградник. Вакх — древнегреческий бог вина.

[8] *Намет* — укрытие, навес, шатер.

[9] *Всхожу на холм ~ Блетящий столп свой провела.* — Ср. в поэме М. Ю. Лермонтова «Кавказский пленник» (1828):

И вот над ним луна златая
На легком облаке всплыла;
И в верх небесного стекла,
По сводам голубым играя,
Блестящий шар свой провела.

См.: *Нейман Б.* К вопросу об источниках поэзии Лермонтова // Журнал М-ва нар. просв. 1915. Ч. 4. С. 282.

[10] *Над свежей скромною могилой...* — Капнист похоронен в селе Великая Обуховка, могила его сохранилась.

В ПАМЯТЬ БЕ́РЕСТА

Автограф: ИРЛИ, ф. 122, № 19, л. 1.

Впервые: Труды Общества любителей российской словесности при Московском университете. 1822. Ч. 1. С. 126—128; перепечатано: Вестн. Европы. 1823. Ч. 132. № 21. С. 34—36; Новости литературы. 1823. Кн. 6. № 52. С. 201—203.

Редактор «Вестника Европы» назвал это стихотворение «одной из песней лебединых незабвенного поэта». Берест на берегу Псла воспет Капнистом в стихотворении «Обуховка».

[1] *Казалось, дряхлостью сляченна, // Меня он, старца, переживет...* — «Сляченна» значит «согбенного» («согнутого») (от церк.-слав. «слячати», «слякнути», т. е. «сгорбить»).

[2] *У корня уж лежит секира!* — Ср.: «Уже и секира при корне дерев лежит: всякое дерево, не приносящее доброго плода, срубают и бросают в огонь» (Мф. 3: 10).

[3] *Злой рок решил тебя истнить...* — «Истнить» — «уничтожить» (от церк.-слав. «истнити» — «сокрушить в прах»).

[4] *Покроюся — твоей доской.* — С. В. Капнист-Скалон утверждает, что Капнист велел вытащить упавшее дерево из реки, распилить на доски и хранить их для своего гроба (см.: *Капнист-Скалон С. В.* Воспоминания // Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х гг. М., 1931. Т. 1. С. 347—348).

ЗАВИСТЬ ПИИТА ПРИ ВЗГЛЯДЕ НА ИЗОБРАЖЕНИЕ ОКРЕСТНОСТЕЙ И РАЗВАЛИН ДОМА ГОРАЦИЕВА

Автографы неизвестны.

Впервые: Труды Общества любителей российской словесности при Московском университете. 1820. Ч. 18. С. 64—67.

[1] *...Хрон суровый...* — Имеется в виду древнегреческое божество Хронос, ставшее в последующие века символом всеразрушающей силы времени.

[2] *...Феба дар...* — Подразумевается поэтическое вдохновение как атрибут древнегреческого божества Аполлона (Феба).

[3] *Давно безвестная могила ~ Но в песнях он Омира жив.* — Речь идет о поэме «Илиада», приписываемой древнегреческому рапсоду Гомеру (Омиру), в которой изображены подвиги Ахиллеса (Ахилла).

[4] *Без лиры скрылся б след героев ~ В развалинах стовратных Фив.* — Капнист говорит о поэме латинского поэта Публия Папиния Стация (ок. 40 до н. э.—после 95) «Фиваида», повествующей о борьбе сыновей Эдипа Этеокла и Полиника за беотийский город Фивы, называвшийся в древности «семивратным». «Стовратными Фивами» древние греки именовали верхне-египетский город Но-Аммон на восточном берегу Нила (ныне Луксор).

[5] *Сомнительну Энея славу ~ На почве лести утвердил...* — Поэма римского поэта Публия Вергилия Марона (70—19 до н. э.) «Энеида» описывает приключения и подвиги троянского героя и легендар-

ного предка римских цезарей Энея; воспеванию Октавиана Августа (Октава) посвящены также многие его стихотворения.

ЛЮБЕЗНОМУ И ПОЧТЕННОМУ ДРУГУ

Автограф: ИРЛИ, ф. 122, № 60, л. 50—51.
Впервые: Капнист 1960. II. С. 557.

Стихотворение является вариантом первых двух строф оды «О достоинстве стихотворства». Его можно считать своеобразным посвящением В. С. Томаре небольшого рукописного сборника горацианских переложений Капниста: ИРЛИ, ф. 122, № 60, л. 49—66, куда ода «О достоинстве стихотворства» входит и целиком.

ПАМЯТНИК

Оригинал: Кн. III, ода XXX («Exegi monumentum aere perenius...»).
Перевод.
Автограф: РНБ, ф. 247, Державин, т. 27, л. 51.
Впервые: Капнист 1941. С. 290.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Печатные источники

Капнист 1806 — Лирические сочинения Василия Капниста. СПб., 1806.

Капнист 1941 — *Капнист В. В.* Избр. соч. / Вступ. статья, ред. и примеч. Б. И. Коплана. Л., 1941.

Капнист 1959 — *Капнист В. В.* Соч. / Вступ. статья Д. Д. Благого, подгот. текста и примеч. Ю. Д. Иванова. М., 1959.

Капнист 1960. I, II — *Капнист В. В.* Собр. соч.: В 2 т. / Ред., вступ. статья и примеч. Д. С. Бабкина. М; Л., 1960.

Капнист 1973 — *Капнист В. В.* Избр. произведения / Вступ. статья Г. В. Ермаковой-Битнер, подгот. текста и примеч. Г. В. Ермаковой-Битнер и Д. С. Бабкина. Л., 1973.

Архивы

ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук (С.-Петербург).

НБУ — Институт рукописи Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского (Киев).

РНБ — Рукописный отдел Российской национальной библиотеки (С.-Петербург).

СОДЕРЖАНИЕ

ДОПОЛНЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЯ

Научное издание

Василий Васильевич
КАПНИСТ

ОПЫТ ПЕРЕВОДА И ПОДРАЖАНИЯ
ГОРАЦИЕВЫХ ОД

*Утверждено к печати Редакционной коллегией
серии «Литературные памятники»*

Редактор издательства *Т. А. Лапицкая*
Художник *Е. В. Кудина*
Технический редактор *Е. Г. Коленова*
Корректоры *О. М. Бобылева* и *Ф. Я. Петрова*
Компьютерная верстка *А. А. Бурениной*

Лицензия ИД № 02980 от 06 октября 2000 г.
Сдано в набор 21.03.11. Подписано к печати 24.07.13.
Формат 70 × 90 1/32. Бумага офсетная.
Гарнитура Академия. Печать офсетная. Усл. печ. л. 15.9.
Уч.-изд. л. 14.2. Тираж 800 экз. Тип. зак. № 3682. С 131

Санкт-Петербургская издательская фирма «Наука»
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 1
E-mail: main@nauka.nw.ru
Internet: www.naukaspb.com

Первая Академическая типография «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

АДРЕСА МАГАЗИНОВ «АКАДЕМКНИГА»

Магазины с отделами «Книга—почтой»

119192 Москва, Мичуринский проспект, 12, корп. 1;
(код 495) 932-78-01
Сайт: **http://LitRAS.ru/**; e-mail: **okb@LitRAS.ru**
197110 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 7 «Б»;
(код 812) 235-40-64; e-mail: **ak@akbook.ru**

Магазины «Академкнига» с указанием букинистических отделов

664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 298;
(код 3952) 42-96-20; akademkniga@list.ru
660049 Красноярск, ул. Сурикова, 45;
(код 3912) 27-03-90; akademkniga@bk.ru
117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7;
(код 499) 124-55-00 (Бук. отдел)
119192 Москва, Мичуринский проспект, 12;
(код 495) 932-74-79 (Бук. отдел)
127051 Москва, Цветной бульвар, 21, строение 2;
(код 495) 621-55-96 (Бук. отдел)
101000 Москва, Б. Спасоглинищевский пер., 8, строение 4;
(код 495) 624-72-19 (Бук. отдел)
142290 Пущино Московской обл., МКР «В», 1;
(код 49677) 3-38-80
191104 Санкт-Петербург, Литейный проспект, 57;
(код 812) 272-36-65; ak@akbook.ru (Бук. отдел)
197110 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 7 «Б»;
(код 812) 230-13-28
199034 Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 1;
(код 812) 328-38-12

Коммерческий отдел, г. Москва
Телефон для оптовых покупателей: (код 499) 143-84-24
Сайт: http://LitRAS.ru/
E-mail: info@LitRAS.ru
Склад, телефон: (код 495) 932-74-71
Факс: (код 499) 143-84-24

На суперобложке современный вид на город Личенца и Лукретильские горы вблизи развалин виллы Горация

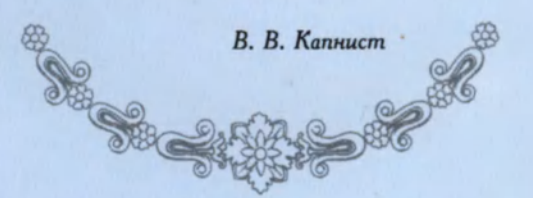

* * *

Давно певцов сих нет на свете,
Но слава их в веках живет,
И время в молнийном полете
С собой ее не унесет;
Их нет, но, песнью их плененны,
Спешим в тот край опустошенный,
Где раздавался глас их лир,
Где луг был топтан их стопою,
И восхищенною мечтою
Переселяемся в их мир.

В. В. Капнист

В. В. КАПНИСТ

В. В. КАПНИСТ

Опыт перевода и подражания Горациевых од